Н.Н. ЕРШОВ

# КАРАТАГ И ЕГО РЕМЕСЛА



АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Дониша

Н. Н. ЕРШОВ

# КАРАТАГ И ЕГО РЕМЕСЛА

(Историко-этнографический очерк)

Ответственный редактор
А. К. Писарчик

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
Душанбе, 1984

Ершов Н. Н. **Каратаг и его ремесла.** Душанбе: Дониш, 1984, 120 с.

В работе дается краткая историко-этнографическая характеристика Каратага и, насколько позволяют имеющиеся источники, подробное описание и характеристика его ремесел в прошлом и до середины 60-х годов текущего столетия. Содержится большой новый полевой материал, систематизированный, проанализированный и научно обработанный, значительно пополняющий знания об этом старом, но до сих пор почти не изученном центре таджикского ремесла.

Работа рассчитана на историков, этнографов, археологов, художников (в том числе художников театра и кино), деятелей культуры, особенно работающих в области восстановления традиционных ремесел и художественных промыслов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей, культурой и бытом таджикского народа.

Рецензенты: чл.-корр. АН Тадж. ССР Б. А. ЛИТВИНСКИЙ, канд. истор. наук А. С. ДАВЫДОВ.

Е $\frac{0508000000\text{-}044}{M\ 502\text{—}84}$ 53-84

© Издательство «Дониш», 1984 г.

*Печатается па постановлению*
*Редакционно-издательского совета*
*Академии наук Таджикской ССР*

**Николай Николаевич Ершов**

**КАРАТАГ И ЕГО РЕМЕСЛА**

(Историко-этнографический очерк)

Ответственный редактор
**Антонина Константиновна Писарчик**

Редактор издательства **Т. М. Любименко**
Технический редактор **В. Н. Щемелинина**
Художник **Р. Абдуразаков**
Корректор **Э. М. Абасьева**

ИБ № 739

Сдано в набор 25. 05. 1984 г. Подписано в печать 28. 06. 1984 г. КЛ 04879. Формат 60×84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,98. Усл. краск.-отт. 7,15. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 895. Заказ 293.
Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство и типография «Дониш», 734029, Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.

## ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию читателя книга одного из старейших этнографов Таджикистана Н. Н. Ершова — результат его многолетней стационарной работы по изучению различных сторон деятельности и быта таджиков Каратага, который в начале текущего столетия был летней резиденцией гиссарского бека и считался средоточием ремесленной промышленности — «кони касабаҳо». Работа эта была организована сектором этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР с 1958 г. в плане осуществлявшегося тогда сплошного этнографического обследования Таджикистана. Н. Н. Ершов собирал материал по трем основным темам — ремеслам, сельскохозяйственным занятиям, семейному быту. Данная работа публикуется первой. Поэтому изложению материалов по ремеслам предшествует общий очерк Каратага.

Как отмечает автор, сбор материалов начат был слишком поздно, особенно по ремеслам, большая часть которых ко времени начала его работы перестала в Каратаге уже существовать. Наиболее полные материалы собраны им по ткачеству, в частности по выработке шелковой алачи, которая отличалась высоким качеством ткани и орнамента, вывозилась далеко за пределы Гиссарской долины и была широко известна в Восточной Бухаре под названием гиссарской алачи. В литературе подробных сведений о ней, кроме собранных Н. Н. Ершовым, нет. Автор подробно описал ткацкий станок и процесс тканья различных видов каратагских тканей, с присущей ему точностью и ясностью, не оставляющей никаких сомнений и недоговоренностей. За годы работы в Каратаге он собрал уникальную коллекцию образцов этой алачи, а также различных предметов быта, культуры и искусства Каратага. Все собранные коллекции хранятся в настоящее время в Душанбе в Музее этнографии АН Таджикской ССР. При упоминании предметов из этих коллекций в скобках указан номер коллекции и предмета.

## ВВЕДЕНИЕ

Гиссарская долина, в которой расположен Каратаг, протянулась с востока на запад в центре Таджикской ССР, между Гиссарским хребтом с севера и отрогами хребта Бабатаг и гор Каратау и Коктау с юга. На востоке, за г. Орджоникидзеабадом (бывший Янги-Базар), она упирается в отроги Каратегинского хребта, а на западе сливается с долиной Сурхандарьи. В центре долины находится столица Таджикистана — Душанбе. Протяженность долины около 110 км, ширина — от 10 до 25 км.

Орошенная в изобилии водами рек Кафирнигана, Иляка, Варзобдарьи, Каратагдарьи и других менее крупных горных речек, стекающих с южных склонов Гиссарского хребта, Гиссарская долина с древних времен была крупным центром производства сельскохозяйственных продуктов и кустарных ремесел.

О плодородии Гиссарской долины и изобилии в ней продуктов сельского хозяйства писали очень многие посещавшие ее путешественники [10, с. 295; 16, с. 103; 22, с. 47; 29, с. 323; 30, с. 386; 31, с. 359; 33, с. 189].

После присоединения края к Бухарскому ханству в 1870 г. долина вошла в состав вновь образованного Гиссарского бекства, ставшего одной из самых крупных и доходных провинций ханства. И. Магидович писал, что Гиссарская долина, составлявшая центральную часть Гиссарского вилоята, «...со своими богатейшими рисовыми посевами до революции была житницей Восточной Бухары» [35, с. 132].

В настоящее время Гиссарская долина является «основной базой нашей республики по производству хлопка советских сортов» [21].

Административным центром бекства был г. Гиссар, расположенный между реками Кафирниган и Ханака, недалеко от их слияния. До конца прошлого века о Гиссарской долине у русских и у иностранных исследователей не было ясного представления. Об этом свидетельствуют данные, приводимые англичанином, лейтенантом Остиндской компании А. Борнсом, побывавшим по поручению великобританского короля в Бухарском ханстве в 1831—1833 гг. Он пишет: «Перевоз Тимрец (очевидно, Термез. — *Н. Е.*), на Оксе, составляет западный предел Гиссара, который с востока примыкает к Кулябу, небольшому округу, иногда называемому Балджидан» [10, с. 295].



В журнале «Всемирная иллюстрация» Н. Маев писал: «Недавно выехали из Ташкента члены ученой экспедиции, отправляющиеся в Гиссарское бекство, для исследования этой, до настоящего времени совершенно не известной нам, страны... Гиссарское бекство отделено от нашего Зарявшанского округа только долиной Шахрисябза; южную окраину той плодородной долины, родины Тамерлана, составляет высокий хребет Гиссарских гор. Все пространство к югу от этого хребта до Амударьи нам совершенно неизвестно, до такой степени, что мы не знаем даже, существует ли город Гиссар, или это есть только название провинции, ныне принадлежащей эмиру Бухары» [13, с. 399]. Об этом же писал через год тот же автор: «...Какой характер имеет местность между Гиссарским кряжем и Аму-Дарьею, имела целью выяснить Гиссарская экспедиция, отправленная в 1875 г. Туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютантом фон-Кауфманом. Сведения, имевшиеся до 1875 года об этой стране, были исключительно проблематические» [31, с. 349]. Л. Н. Соболев за несколько лет до этого писал со слов уратюбинского казия, что вообще «города Гиссара нет» [47, с. 309]. У него же, кстати, у первого мы встречаем упоминание о Каратаге, о котором он говорит со слов того же самого казия как о месте пребывания бека [47, с. 309].

Н. Стремоухов, побывавший в Бухаре в 1874 г., в отношении Гиссара ограничился лишь сообщением о том, что гиссарский базар может считаться самым значительным в ханстве, наравне с базаром самой Бухары и г. Карши [50, с. 664] и что «при взятии Гиссара было казнено пять тысяч человек» [50, с. 585].

Каких-либо исследовательских работ историко-этнографического характера на территории Гиссарской долины до революции не проводилось. Мы имеем лишь отрывочные и очень короткие сведения по географии, экономике и политической жизни этого края в отчетах и сообщениях немногочисленных лиц, побывавших здесь по специальным поручениям и заданиям царского правительства, большей частью после присоединения Средней Азии к России, причем сведений о ремесленной промышленности Каратага, составляющей тему настоящей работы, в этих отчетах и сообщениях почти нет.

Так, Л. Ф. Костенко, проводивший в конце семидесятых годов прошлого столетия по поручению командования Туркестан-

ского военного округа сбор сведений для военно-статистического обозрения Туркестана, дает краткое описание Каратага: «Каратаг — небольшой горный городок с заброшенною цитаделью, лежит в ущелье, в предгорье массивного хребта Каратаг, на берегу Каратагдарьи, через которую в самом городе, у базара, перекинут мост. Каратаг славится приготовлением так называемых сабель и ножей, мастера живут здесь только летом, а на зиму переезжают в Гиссар. Правитель Гиссара (сын эмира) и вся знать также переезжают сюда летом» [23, т. 2, с. 148] (рис. 1).

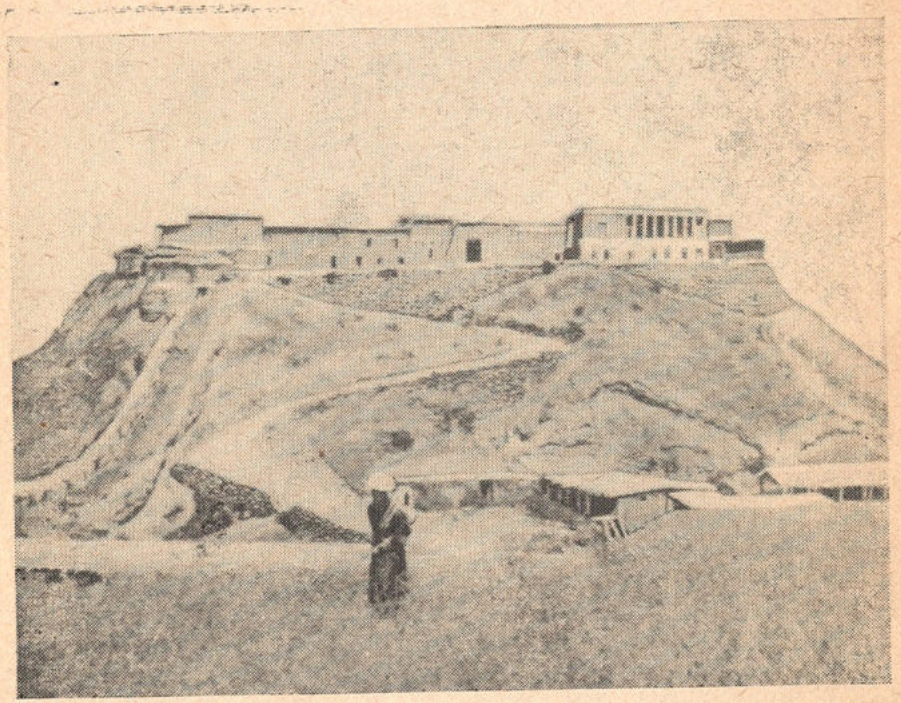


Рис. 1. Гиссарская цитадель. Фото из книги Р. Помпелли «Исследования в Туркестане» (на англ. яз.), т. 2. Вашингтон, 1908, с. 320

То же самое примерно мы читаем у П. С. Косякова [24, с. 596] и еще короче у Н. Бронникова [11]. Более подробные сведения о Каратаге находим у Б. Н. Литвинова [29, с. 325—329].

Сведения о переселении гиссарского бека и жителей Гиссара на лето в Каратаг мы находим у Н. Маева [33, с. 189] и у Р. Ю. Рожевица, ботаника, ездившего весной 1906 г. при содействии РГО для сбора гербария и ботанико-географических наблюдений в Южную и Среднюю Бухару [45, с. 635]. Об этом же писал и Б. Л.: «К 1 мая кушбеги уже перебирался со своим двором и челядью в Каратаг, где проживал до середины сентября. В это время центр жизни в крае естественно переходил в этот город и его окрестности» [8].



Между прочим, по словам наших информаторов, бывших очевидцами старой жизни Каратага до землетрясения 1907 г., из Гиссара в Каратаг на лето переселялись вместе с правителем Гиссарского края только его чиновники, бывшие большей частью приезжими из Бухары людьми, а аборигены — «одамои мутаваттин» — из Гиссара на лето переезжали в селения, расположенные по берегам речки Ханака, где у них имелись сады. Не выезжали на лето из Гиссара в Каратаг или на зиму из Каратага в Гиссар и ремесленники. Лишь торговцы переезжали со своим товаром из одного населенного пункта в другой по базарным дням.

Н. В. Липский — ботаник, работавший в конце XIX в. в горных районах Бухарского ханства, пишет о торговле московской мануфактурой в Каратаге [28, т. 1, с. 106] и упоминает о выделке ножей в с. Пушти-Миёна, расположенном в ущелье Каратагдарьи в 11 км выше Каратага [28, т. 2, с. 383].

Некоторый интерес к Каратагу и занятиям его жителей ненадолго проявили русские власти после Каратагского землетрясения в 1907 г. В Каратаг для обследования последствий бедствия, постигшего город, выезжали посланные царским правительством специалисты, установившие размеры катастрофы. Попутно со своими специальными отчетами по заданной им теме они сообщили и некоторые сведения, касающиеся интересующей нас темы — занятий населения Каратага.

Так, командированный Горным департаментом в Каратаг для изучения последствий землетрясения геолог Б. Я. Корольков между прочими сведениями очень кратко пишет о Каратаге, его местонахождении, характере местных построек [22, с. 57]. Подробнее описывает Каратаг Ф. Красильников, приводя несколько слов о его базаре, на который «...приводят много лошадей, а также привозятся и местные кустарные ножевые изделия» [25, с. 83].

О путях сообщения в Гиссарском крае мы находим сведения у Б. Л., который, описывая дороги края, говорит, что «...средством передвижения и перевозки тяжестей являются исключительно лошади и ишаки» [8, с. 2] и что во всем Гиссарском крае нет ни одной тележки или арбы [8, с. 2].

В 1907 г. в журнале «Нива» было напечатано фото Каратага после землетрясения с кратким описанием последнего [40].

К этому нужно только добавить, что в начале XX в. амери-

канский археолог Р. Помпелли писал, что (перевод наш. — *Н. Е.*) «шелк, сотканный в Каратаге и Гиссаре, ценится во всех городах Центральной Азии» [59, т. 2, с. 270]. Им же приведена фотография двух ткацких станков, на которых ткут абровую материю два ткача, и под фото дана подпись «Шелковое производство в Каратегине» (ошибочно вместо «в Каратаге», как указано в списке иллюстраций) [59, т. 2, с. 271].

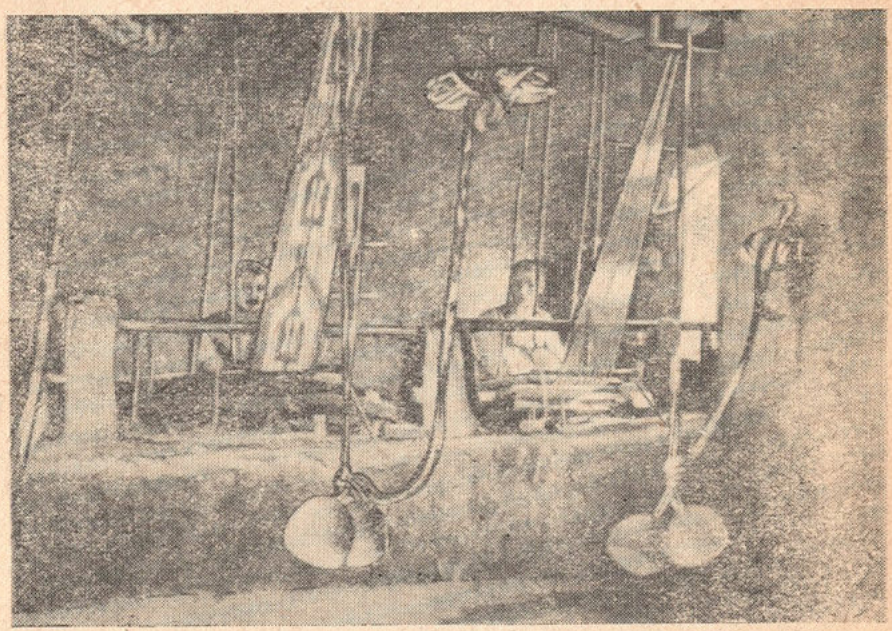


Рис. 2. Ткацкая мастерская в Каратаге. Фото оттуда же, с. 271

После революции до 1960 г. этнографические работы в Гиссаре и вообще в центральных районах Таджикистана почти не проводились. За это время мы имеем лишь беглые сведения о таджиках ущелья р. Варзоб в кратком отчете известного исследователя Средней Азии М. С. Андреева о результатах работы этнографической экспедиции, организованной в 1924 г. Туркомстарисом (Туркестанский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы) в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб [5, с. 217—218]. В следующем, 1925 г. Обществом по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами совместно со Средазкомстарисом была организована экспедиция во главе с М. С. Андреевым, прошедшая за



четыре месяца по маршруту Ташкент — Ура-Тюбе — долина Зеравшан — Ягноб — Анзобский перевал — Душанбе — Каратегин — Дарваз — Припамирье — Памир — Ош. К сожалению, в кратком отчете экспедиции [6] сведений о таджиках Гиссарской долины приведено очень мало.

В 1940 г. Е. М. Пещерева изучала гончарное производство в Каратаге и описала его в своей монографии. При этом она дала и краткие сведения о г. Каратаге, его жителях и их занятиях [42, с. 135—136].

Как видно из изложенного, этнографическое изучение современных центральных районов Таджикистана, несмотря на их доступность, после революции проводилось очень мало. Лишь в самом конце 50-х годов Институту истории АН Таджикской ССР удалось организовать для изучения этих районов два отряда, один из которых занялся изучением таджиков Варзобского ущелья, а автору настоящей работы было поручено изучение ремесел Каратага — бывшего крупного ремесленного центра Гиссарской долины. Эта работа проводилась им с некоторыми перерывами до 1962 г., в конце которого автор приступил к систематизации собранных полевых материалов и сбору литературных данных, а потом и к написанию самого исследования.

К сожалению, работа по сбору полевого материала была начата слишком поздно — к началу ее в Каратаге продолжали существовать лишь некоторые, немногие виды ремесел этого когда-то широко известного за пределами Гиссарской долины ремесленного центра — «кони касабаҳо». Нам удалось собрать материалы лишь по следующим ремеслам и промыслам: ткачеству, гончарству, кузнечному делу, выработке медных изделий, ювелирному делу, шорному, кожевенному, деревообделочному, кондитерскому,[1] причем удалось это сделать с неодинаковой полнотой.

Материлы собирались главным образом путем расспросов старожилов Каратага. Информаторами, сообщившими автору весьма ценные сведения, составившие основу работы, были как мужчины, так и женщины и даже дети. В составе информаторов были учителя, например Давлятназар Назаров (1896 г. р.) — один из первых учителей местной средней школы, открытой в Каратаге в 1923 г., а также другие преподаватели этой школы — местные уроженцы. Из основной группы информаторов-ремесленников необходимо отметить таких, как мыловар Усто Кузибой (1874 г. р.), кузнецы Усто Латиф (1896 г. р.) и Усто Джурабой (1893 г. р.), гончары Усто Абдурозик Назаров (1895 г. р.), Усто Бобо Халим Мукумов (1908 г. р.) и Усто Бобо Саид Расу-

* Перечень всех выявленных нами ремесел и промыслов, бытовавших, по сообщениям наших информаторов, в конце XIX — начале XX в. в Каратаге, см. ниже.

лев (1910 г. р.), ткач-предприниматель Усто Саид по прозвищу «пучук» — курносый (1880 г. р.), ткач, сновальщик, в последнее время шашлычник Юлдошбой (1890 г. р.), ткач Болтубой, (1896 г. р.), сапожник Усто Тавар Абдукодыров (1900 г. р.), бывший кожевник Хикматулло Назаров (1910 г. р.), пастух Рузибой, в прошлом тоже кожевник (1890 г. р.), дехканин Абдуллобой по прозвищу Калла-«голова» (1895 г. р.), красильщик Усто Пирибой Нодиров (1883 г. р.), дехканин Очильды Шарифов (1905 г. р.), Арбоб Якубов (1890 г. р.), до начала 70-х годов выполнявший по традиции обязанности арбоба — старосты; пекарь Султонбой (1896 г. р.), пекарь и бывший председатель колхоза Махкамбой (1903 г. р.), мельник и бригадир колхоза Абдурахим (1905 г. р.). Из женщин ценные сведения были сообщены домохозяйками Давлятой Мукумовой (1895 г. р.), Давлятой Буриевой (1907 г. р.), Холя Майрам (1910 г. р.) и Очаи Рафика (1910 г. р.).

Кроме этих лиц, бывших более или менее постоянными информаторами автора, сведения, часто отрывочные, но обычно очень ценные, сообщались множеством других жителей Каратага. Иногда ценные сведения удавалось записывать из беседы других лиц, разговаривавших между собою.

Нужно отметить, что большинство информаторов после моего с ними знакомства с готовностью отвечали на все расспросы и охотно рассказывали то, что они сами достоверно знали. Я приношу свою самую глубокую и искреннюю благодарность всем моим информаторам, вложившим свою долю участия в мою работу.

## КРАТКИЙ ОЧЕРК КАРАТАГА

Город Каратаг, теперь селение Каратаг, Регарского района Таджикской ССР расположен на обоих берегах Каратагдарьи при ее выходе из ущелья на южном склоне Гиссарского хребта, примерно в 45 км к западу от Душанбе. Каратагдарья, вырвавшись из теснины, протекает по Гиссарской долине в юго-западном направлении и, соединяясь западнее г. Денау с Тупаланг-дарьей, образует Сурхандарью, впадающую около Термеза в Амударью.

По преданию, до сих пор еще передаваемому местными жителями от поколения к поколению, теперешний кишлак Каратаг был основан около 300 лет тому назад выходцем из селения Дахбид, расположенного около Самарканда, неким ишаном Махмад-Ризо-Ходжой, который с несколькими своими мюридами приехал на место современного Каратага. Тогда ущелье было покрыто густыми зарослями арчи. Приезжие остановились на поляне среди леса на месте теперешнего гузара (квартала) Далкон или, по другому варианту, Чорбог. Здесь ими была построена мечеть, первые жилища и мельница.

На могиле этого основателя Каратага, находящейся на кладбище к северо-западу от разрушенной теперь цитадели прежних правителей Каратага, превращенной в развалины, по-видимому, войсками бухарского эмира Музаффара, занимавшего Гиссар в 1866 г., стоит каменное надгробие прямоугольной формы, размером 60×60×130 см, называемое местным населением «санги сандуқ» (камень-сундук) или «санги бузургвор» (камень святого). Оно сплошь покрыто искусно высеченными надписями. Большинство из них на арабском языке и представляют собой выдержки из корана, но среди надписей есть несколько строк и на таджикском языке. Они гласят:

Илохи бандаи зору залилат
Зи алтофи амимат бод маъмур
Ачаб набувад ки аз шамъи иноят

Ба зулмат хонаи хокаш дихӣ нур
Ба вакфи номи ӯ дар рӯзи маҳшар
Зи хели солеҳонаш дор маҳшур
Хирад гуфто ба таърихи вафоташ
Ки то бошад бо чашми халқ манзур
Бувад қабри Муҳаммад Хоҷа Солеҳ
Ба сатри домани афви ту мастур.

Боже! Пусть раб жалкий и презренный твой
От милостей всеобъемлющих твоих будет благополучен,
Не удивительно, что свечой помощи твоей
Ты освещаешь даже тьму его могилы.
Назови его в день страшного суда
Среди праведников, воскресших из мертвых.
Разум повелел: чтобы день смерти его
Предстал перед очами народными.
Пусть могила Мухаммада Ходжи Солеха будет
Полой прощения твоего покрыта.

Последние два слова этого мухаммаса — пятистишия, а именно, слова «ту мастур» (твоего покрыта) представляют собой хронограмму смерти основателя Қаратага: при сложении цифрового значения составляющих их букв получается цифра 1112 г. хиджры, или 1734 г. нашего летоисчисления.

Таким образом, если принять эту дату за год смерти основателя Қаратага, то само основание города можно отнести к началу или к первой четверти XVIII столетия.

Местное предание сообщает также, что гораздо раньше город был расположен на равнине, на три или четыре километра южнее теперешнего Қаратага, там, где сейчас находится кишлак Навобод, и назывался он «город Сабо» (шаҳри Сабо). От него до самого г. Гиссара сплошь, крыша к крыше, шли строения, так, что якобы козы по крышам добегали до Гиссара. Такие же легенды о плотности того или иного селения или города широко распространены по Таджикистану. Например, подобную легенду приводит Н. А. Кисляков, говоря о старинном поселении Дарваза-Хуми около Қостакоза [18, с. 14].

Впоследствии к первым пришельцам присоединились другие. У некоторых жителей Қаратага сохранились отчетливые представления о переселении их предков в Қаратаг из Самарканда или его окрестностей, а у более поздних переселенцев даже до сих пор сохраняются родственные связи с жителями тех мест. Қаратагцы не без гордости называют себя горожанами, а Қаратаг — городом (шаар). Это подтверждается и другими, а именно языковыми данными. Л. В. Успенская, исследовавшая каратагский говор таджикского языка, пришла к заключению, что он



представляет собой вариант самаркандского говора таджикского языка, принявшего в себя некоторые местные элементы. По этому поводу она пишет: «Таким образом, если придерживаться существующей ныне схемы деления таджикских говоров на три основные группы: северо-западную, юго-восточную и центральную, то каратагский говор по совокупности своих фонетических и морфологических особенностей должен быть причислен к группе северо-западных говоров. Дальнейшее уточнение его места среди говоров этой группы будет зависеть от изучения языка таджиков Самарканда и его окрестностей, а также изучения говоров таджиков, живущих в верховьях Зеравшана. Все каратагцы, по-видимому не без основания, считают своих предков выходцами из прилегающих к Самарканду мест, и в грамматическом отношении их язык обнаруживает сходство с языком самаркандских таджиков» [54, с. 65].

До 1870 г., т. е. до окончательного присоединения Гиссарского края к Бухарскому ханству, Қаратаг с его округой был, по-видимому, самостоятельным владением, а после присоединения он стал центром Қаратагского амлякдарства Гиссарского бекства.

Местное население еще помнит рассказы своих дедов о том, что до присоединения Гиссара к Бухаре, «во времена Олимбека» (вероятно, одного из последних самостоятельных правителей Каратага), в стране царил разбой (ёугарӣ буд), право сильного. Тогда в Душанбе, Регаре, Гиссаре и Қаратаге сидели отдельные правители. Это сходится со сведениями Борнса, писавшего, что Гиссар «не зависит ни от Бухары, ни от Кундуза, а управляется четырьмя узбекскими начальниками, разделившими его между собою по смерти своего отца» [10, с. 295].

Во главе амлякдарства стоял амлякдар, назначавшийся беком из числа своих приближенных чиновников (шогирдпеша), причем преимущество отдавалось родственникам и приближенным лицам [2, с. 480/3].

Жалованья амлякдары не получали, однако «их доходы можно определить от 10 до 15 тысяч рублей ежегодно» [7, с. 700—701/1—2]. Они «получали в свою пользу подать «кафсан», деньги за назначение арбобов, вероятно, за назначение и других наукеров. и без всякого сомнения скрывали немалую толику при сборе зякета и хараджа... амлякдары оставляли незарегистрированными несколько кишлаков и получаемые с них подати и налоги обращали в свою пользу» [2, с. 480/3].

При амлякдаре находился полагавшийся, в зависимости от величины амлякдарства, штат чиновников. Это были «дорға» (дорғо), определявшие количество собранного земледельцами с податных земель урожая зерновых и масличных культур и причитающуюся с него долю в уплату налога, секретари (мирзо), зякетчи (закотчӣ) — сборщик зякета — налога с товаров и

со скота, его подручные (бочгир), заместитель казия, называвшийся «муллофалайн» (казий состоял при беке), заместитель раиса (нойби раис), надзиравший за выполнением населением религиозных норм и установлений, а также за правильностью мер и весов на базарах, миршаб — начальник стражи, в подчинении у которого были десятник (дахбоши) и стражники (шабгард). В ведении миршаба была тюрьма (зиндон). Она находилась на базарной площади около моста. Там же было и караульное помещение, где находились стражники. На самом видном месте площади, около моста же, возвышалась на страх всем виселица, за последние годы существования бекства мало, впрочем, употреблявшаяся [25, с. 82].

Некоторые лица из штата чиновников получали жалованье, другие получали себе в ленное владение (танхо) крестьянские хозяйства [53, с. 15, 37—39] с правом взимать ренту с обрабатываемых ими земель или же «добровольно» выделяемую им населением какую-то часть собранного урожая.

Кроме того, при амлякдаре состоял целый штат низшей администрации — наукеров, игравших роль полицейских. Так, в Каратагском амлякдарстве было 25 наукеров, в то время как в некоторых других амлякдарствах Гиссарского бекства их было гораздо больше: в Исан-Ходжинском амлякдарстве, населенном преимущественно узбеками рода лакай, наукеров было 195 человек, в соседнем с ним Бадраклинском амлякдарстве — 90 человек и т. д. [2, с. 480]. Наукеры по представлению амлякдара могли получать от бека первые четыре чина из бухарского табеля о рангах — от чарагасы до караулбеги, за получение которых они уплачивали беку значительные суммы денег. Взамен они вместе с чином и грамотой на право его ношения получали в танхо то или иное число крестьянских хозяйств, обязанных уплачивать им государственный налог херадж. Так, наукер с чином чарагасы получал в танхо два коша земли, вернее, право взимать в свою пользу херадж с двух хозяйств, имевших каждое по паре рабочих быков, наукер с чином мирзобоши — с хозяйств, имевших в общей сложности три пары быков, наукер с чином дживачи — с хозяйств, имевших четыре пары быков, а с чином караулбеги — с хозяйств, имевших в общей сложности шесть пар быков [2, с. 480/4].

А. А. Семенов сообщает, что «нукерами в Бухаре называют разъездных слуг каждого мира. Они не получают никакого жалованья от своих начальников, а пользуются известными наделами земли. В Кулябе, например, земельный надел каждого нукера равняется десятинам 30, в Кабадиане же, где земли хотя и много, да толку в ней мало, у них находится годной для обработки земли десятин по 10. Ни государственных податей, ни различных поборов с нукеров не берут. Мир дарит им по три



халата в год и один раз в два года эмир присылает по халату. Переходить нукерам от губернатора к губернатору воспрещается под страхом строжайшего наказания, даже если мир переходит на службу в другую провинцию,— и тогда он не имеет права взять с собой ни одного из своих нукеров» [46, с. 114].

Амлякдарства делились на арбобства, во главе которых стояли номинально выбиравшиеся населением, а фактически назначавшиеся амлякдаром за плату, сельские старшины (арбоб). «Арбобы несли службу, главным образом, при сборе зякета и хераджа, а также исполняли различные поручения амлякдара. Жалованье арбобы получали в размере хераджа с одной пары быков» [2, с. 480/4], т. е. в виде хераджа с отданного им в танхо одного крестьянского хозяйства с парой рабочих быков.

В Каратагском амлякдарстве была в действии налоговая система, общая для всего Бухарского ханства, в том числе и для Гиссарского края [1; 3; 9; 14, с. 416; 27, с. 315; 48, с. 351; 49, 258]. Мы приведем, однако, лишь те дополнительные, большей частью очень незначительные факты, характеризующие местные особенности и отклонения от общей налоговой системы, которые нам удалось зафиксировать при расспросах во время полевых работ и которые могут представить какой-то интерес.

Как известно, с посевов зерновых и масличных культур в Бухаре взималась подать херадж. В Гиссаре это происходило следующим образом: после обмолота зерновых чиновник амлякдара, называвшийся дорга, дорго или доруга, в сопровождении писаря (мирзо) объезжал тока (хирман) отведенного ему участка, где в каждом селении к нему присоединялся местный староста — аксакал или арбоб, и они сообща в присутствии хозяина собранного урожая осматривали ссыпанное в конические кучи (чошт) зерно и опечатывали их (мӯхр мезаданд). Опечатывание состояло в том, что с четырех сторон кучи зерна делалось по небольшому углублению, которое заполняли несколькими горстями мелкой земли или пыли (хоки махин), а не клали в это углубление «комок земли», как пишет М. Хамраев [55, с. 75], разравнивали ее и прикладывали к ее поверхности печать (мӯхр), представлявшую собою деревянную квадратную или круглую дощечку с вырезанным на ней каким-либо орнаментом (гул) и именем ее владельца. При малейшей попытке взять из кучи самое минимальное количество зерна, оно осыпалось и целость печати нарушалась. По-видимому, этот способ был настолько надежным, что никто из информаторов не помнил ни одного конкретного случая хищения из опечатанных таким образом куч зерна. Однако если такой случай и бывал, то за это штрафовали в десятикратном размере взятого зерна (як ба дах ярғу мекарданд).

Иногда делались попытки уменьшить кучу зерна, вернее, ее

внешнего вида: с этой целью на току, под кучей зерна делалась выемка, и потому сама куча казалась ниже, но обычно такие попытки быстро разоблачались, так как слишком много глаз следило во время уборки урожая за крестьянами, и на виновника налагался большой штраф.

Когда зерно на всех токах амлякдарства было таким образом опечатано, дорга сообщали об этом амлякдару, и тот в сопровождении дорга и писарей выезжал и на глаз определял количество зерна и причитающегося с него налога. Это называлось «молкунӣ». При этом амлякдар называл количество зерна, находящегося, по его мнению, в куче, и три раза спрашивал крестьянина — хозяина зерна, согласен ли он. Если крестьянин соглашался с определением амлякдара, то писарь заносил указанное количество зерна в реестр (дафтар). Если же крестьянин не соглашался, то в дело вступал присутствовавший при этом староста кишлака и, тряся крестьянина за руку, как это делает маклер (даллол) на базаре при покупке и продаже скота, старался привести стороны к обоюдному согласию, уменьшая количество зерна, названное амлякдаром, и увеличивая количество, названное крестьянином. Если и ему не удавалось добиться согласия сторон, то зерно перемеривали. Это выполняло третье лице — «паймоначӣ», один из незаинтересованных жителей кишлака. Зерно измеряли большим решетом (ғилболи пой). Паймоначи получал с крестьянина за свою услугу кафсан/кепсан — какое-то количество зерна. После этого можно было перевозить урожай домой.

На основании реестра с налогоплательщиков высчитывалось количество зерна, подлежащее сдаче в качестве подати, и общие сведения об этом по бекству отсылались в Бухару. Между опечатыванием хирманов и определением количества зерна на них часто проходило очень много времени, иногда до одного — полутора месяцев, что, конечно, было очень неудобно и хлопотно для земледельца, ответственного за сохранность наложенных печатей. Иногда, если выпадали ранние дожди, зерно прорастало.

Земельный налог при самостоятельных правителях Гиссарского края (мирои қадимба) взимался натурой — зерном, которое плательщики налога должны были доставлять сами туда, куда им назначали, в данном случае — в склады, помещавшиеся в старой, теперь разрушенной, крепости правителя на горе, а при переполнении их зерном, наоборот, правители насильно раздавали зерно крестьянам «в долг» с обязательством возвратить его через год с накидкой 25% в пользу правителя. Такую разверстку называли «тарҳӣ».

После присоединения края к Бухаре этот налог стали взимать деньгами, пересчитывая натуру на деньги по средним ценам, установившимся на местном рынке. О фиксации базарных



цен на зерно и скот (для исчисления зякета) из Бухары приходило распоряжение, обычно в марте месяце. Распоряжение это в народе называли «ярлик». В базарный день казий и раис выезжали на базарную площадь в Гиссаре (раис полученную из Бухары бумагу, свернутую трубкой, затыкал в складки своей чалмы), и глашатай объявлял базару о цели их приезда. Чиновники записывали цены на различные виды зерновых продуктов и на баранов, причем, по словам наших информаторов, цены брались средние, с уменьшением их на одно «мирӣ» (четыре копейки) на каждый пуд зерна и на одну теньгу (15 коп.) на каждого барана. Запись передавалась правителю бекства, который подтверждал зафиксированные цены своей печатью и сообщал их амлякдарам для пересчета натурального налога на деньги.

В те базарные дни, когда дожидался приезд «комиссии» для фиксации цен (нархбурӣ), крестьяне старались подвезти на базар для продажи побольше зерна и скота, чтобы хоть немного сбить цены на то и на другое и тем самым обеспечить себе облегчение налогового бремени. После установления цен глашатай объявлял, когда и кому следует вносить налог.

С богарных посевов подать уплачивалась в размере одной десятой урожая (даҳьяк), отчего и сам налог называли (кроме термина херадж) таджикским словом «даҳьяк» или арабским «ушр». С посевов на поливных землях уплачивалась одна пятая урожая, и налог в этих случаях назывался арабским словом «хумс», а с посевов риса подать платили в размере одной седьмой урожая.

Уплата производилась в два срока, причем основная часть налога платилась чаще во второй срок. Об уплате налога плательщикам выдавались квитанции (патта), а самым аккуратным плательщикам, сдавшим налог своевременно или досрочно, выдавалась поощрительная награда в виде халата, головы сахара и т. д., в зависимости от уплаченной суммы. И, наоборот, если хозяйство почему-либо не уплачивало свой налог, он записывался в недоимку (бақияи хироҷ) и погашался при уплате налога в следующем году, но уже в двойном размере. Если же хозяйство не погашало эту недоимку к сроку, то шло в продажу имущество недоимщика и даже его дочери.

Вторым видом основных налогов был зякет — налог со скота — верблюдов, овец и коз (крупный рогатый скот от зякета был освобожден) и с товаров (а не только со скота, как явствует из изложения этого вопроса М. Хамраевым) [55, с. 72—74], и порядок обложения им был общим со всеми другими бекствами Бухарского ханства. Как указывалось выше, главный зякетчи — чиновник, ведавший сбором зякета по бекству, находился при гиссарском беке, а в амлякдарствах были его агенты. В Кара-

таге кроме зякетчи был еще «боҷгир» — чиновник, ведавший сбором зякета с гуртов скота, прогонявшихся из бекства по ущелью реки Каратагдарьи, называемому Хакими, через перевал Мура в долину Зеравшана и дальше — на Самарканд, вниз по реке, или на Ура-Тюбе, через Шахристанский перевал в Туркестанском хребте. В. И. Липский в 1897 г. видел в верховьях Каратагдарьи в месте, называемом Хош Гасан, «башгира», обязанностью которого было «взимать известную плату с баранов, которых гонят через перевал Мура в русские владения или обратно» [28, т. 2, с. 388]*.

С виноградников и посевов люцерны взимался денежный потанапный сбор (танабона) в размере 3,5 теньги в год с танапа люцерны и 7 тенег в год с танапа виноградника. По другим сведениям, сумма этого налога составляла шестнадцать — двадцать тенег с танапа. Н. Ханыков писал, что с одного танапа сада в Бухаре взималось 18 тенег [56, с. 117]. Насаждения плодовых деревьев от этого сбора были освобождены. Люцерновое сено с этих участков при продаже его на базаре в Каратаге базарным сбором (аминона или тағҷой) уже не облагалось, однако с привозимого на базар винограда за каждый ослиный вьюк взимался базарный сбор в сумме 4 копеек (як мирӣ).

С посевов огородных культур, главным образом лука и моркови, а также с бахчей (палак) вместо денежного потанапного сбора взимался натуральный сбор в размере одной десятой части урожая. С десяти гряд(пал) посева лука брали урожай одной грядки, с десяти арыков посева моркови и бахчевых брали урожай с одного арыка, причем владельцы этих посевов обязывались доставлять продукты в назначенное место, обычно в резиденцию гиссарского бека, проживавшего летом в Каратаге, а оттуда они раздавались на нужды духовенства, солдат, чиновничества и самого бека с его окружением. Все эти посевы переписывались писцами, ездившими с производившим обложение посевов амлякдаром, и заносились в налоговые реестры.

На базарах Каратага все продаваемые продукты и предметы облагались денежным базарным сбором на общих по бекству основаниях, и мы не будем на этом останавливаться. Отметим только, что с продаваемых зернопродуктов в базарном павильоне, называвшемся «каппон», этот сбор взимался натурой. Его сборщик (аминоначӣ) отмерял зерно на глаз, зачерпывая его большим круглым сосудом типа лукошка (заѓома) из гнутых тонких досок, с вертикальными стенками и досчатым или жестяным дном, служившим для взвешивания зерна на больших весах (тарозуи каппон). Зерно это ссыпалось в вырытое в этом же павильоне углубление и потом оттуда — в мешки.

Кроме того, с владельцев лавок, торговавших разными товарами, каждый базарный день взимался особый сбор, называвшийся «тағҷоии дӯкон», в размере «ду пул», т. е. полкопейки, с более крупных — «чор пул», т. е. 1 копейки. Этот сбор шел в пользу ночной стражи, караулившей запиравшиеся на замок лавки. В пользу охраны собирался натуральный сбор дровами, называвшийся «ҳезуми якчӯба» — одно полено, который платили продавцы дров, привозившие их с гор. на ослах. Переезжая через мост на базарную площадь, они сбрасывали несколько палок или поленьев, обычно уже припасенных ими заранее, и их забирали караульные для обогревания ночью. В первые годы после революции этот натуральный сбор продолжал взиматься, но уже в пользу приюта (сағирхона), организованного тогда в Каратаге.

Существовал и другой, дополнительный денежный базарный сбор, называвшийся «тағҷоии муллоҳо». Он взимался сборщиком (тағҷоичӣ) в размере «ду пул», т. е. полкопейки с каждого продавца, и шел на свечи для чтецов корана и для учащихся медресе.

Река Каратагдарья в пределах города Каратага протекала по узкому руслу, искусственно созданному посредством укрепления берегов связками хвороста (шох), который обязаны были ежегодно привозить в очень большом количестве жители расположенных выше кишлаков. Во время мелководья этими связками хвороста, комлями к реке, выкладывали берега реки, придавливая их камнями и засыпая землей. Таким образом, река оказывалась заключенной в искусственно созданный коридор, местами настолько узкий, что смельчаки отваживались даже перепрыгивать с одного берега на другой. В центре Каратага через реку был перекинут мост местной конструкции, на несколько метров ниже теперешнего железобетонного. Современное довольно широкое русло реки и канала, отведенного от нее ниже моста, тогда представляло собой площадку, застроенную домами и базарными лавками, рядами и крытыми пассажами (тим) и павильонами (каппон).

Весь город делился на отдельные кварталы — гузары. Деления города на четыре части, как это было в некоторых населенных пунктах северных районов Таджикистана, например в Канибадаме, Костакозе и других, в Каратаге, по словам старожи-

* Вообще все сообщение Гиссарского края с метрополией, т. е. с Бухарой, шло двумя путями: или на север по долине Каратагдарьи по указанному выше маршруту, или на запад по Гиссарской долине на Денау и через Байсун на Бухару. Первый путь проделывали до Самарканда на лошадях за три дня. Дорога через Байсун была доступна круглый год, и по ней проходили караваны верблюдов, для которых путь через перевал Мура, закрывавшийся на зиму, был непроходим. Колесных дорог в крае не было. Однако, когда в 1906 г., дожив до глубокой старости, умер правитель края — известный Остонакул-кушбеги, то его тело было отправлено для погребения в Бухару на фаэтоне.

лов, не было. Однако следы такого деления, по некоторым сведениям, видны довольно явственно. Так, по сообщениям информаторов, в городе было четыре старосты — арбоба, а скот горожан для выпаса делился на четыре стада (пода) — в кварталах Тошкургон, Чармгари, Сурхи и Чорбог. Этот порядок выпаса скота сохранился и по сей день.

На правом берегу были расположены сверху вниз по течению реки следующие гузары: Тошкургон, Говарасанг, Обдузд, Кулоли ,Чармгари и Окуйли. На левом берегу находились гузары: Сурхи, Мадраса, Корихона, Ходжарушнои (или Сарбозхона), Козихона, Урда (или Сахлау), Боё, Чукурак, Искичи, Мехчагари, Кассоби (или Кафшдузо), Джугуто, Далкон (называвшийся потом Чорбог или Эшони Тура). Е. М. Пещерева, занимавшаяся в 1940 г. этнографическим изучением гончарного ремесла в Каратаге, отметила в правобережной части города пять кварталов, не упомянув самого нижнего — Окуйли, причем названия их совпадают с нашими, за исключением названия самого верхнего квартала Шуробдара, который, по нашим сведениям, называется Тошкургон. На левом берегу ею отмечены только четыре квартала, в то время как нам назвали тринадцать [42, с. 133].

Почти во всех гузарах были свои гузарные мечети, а в некоторых их было по две и более. Назывались они либо тем же именем, какое носил и сам гузар, либо по имени своего строителя. Так, один из более крупных гузаров Каратага, а именно Тошкургон (Каменная крепость), называвшийся так потому, что в нем была окружена высокой каменной стеной усадьба местного феодала, имел три мечети: Тошкургон, называвшуюся также мечетью Мирзо Умара; Мулло Содирбой, имевшую около 130 человек прихожан; Ходжи-мулло.

В квартале Говарасанг (каменная колыбель) была одна мечеть, носившая то же название, что и сам квартал. Это название было дано кварталу и мечети по большому камню в центре квартала, напоминающему своей формой колыбель местного типа с лежащим в ней ребенком. Эта мечеть называлась еще мечетью Юсуфа.

В квартале Обдузд было две мечети. Одна носила то же название, что и сам квартал. «Обдузд» в переводе значит «крадущий воду». Так назвали квартал потому, что под его территорией проходил потайной ход, который вел из крепости местного правителя, находившейся на холме, к реке. Этот ход давно уж обрушился и представляет собой довольно глубокую канаву на склоне горы. Мечеть Обдузд называлась еще мечетью Давлята-мирохура, по имени ее строителя, имевшего чин шталмейстера (мирохур) — один из низших чинов бухарского табеля о рангах. В квартале также была мечеть «Голубого камня» (Санги кабуд), названная так по находившемуся на ее дворе большому



камню голубовато-серого цвета, по-видимому, когда-то принесенному сюда горным селем.

Квартал гончаров (кулолӣ) имел одну мечеть, которая носила то же название, что и сам квартал.

В квартале Чармгари, где жили кожевники (чармгар), было две мечети: Чармгари и Мирзо Саид.

В квартале Окуйли, где проживало несколько семей узбеков рода Кальтатой, мечети не было, и жители его ходили в мечеть Квартала кожевников.

На левом берегу в квартале Сурхи (сурх — красный), называвшемся так потому, что почва там состоит из красной глины, была одна мечеть — Сурхи, или мечеть Кургон (масҷиди кургон).

В гузарах Мадраса, Корихона, Мехчагари, Чукурак, Боё, Козихона и Ходжа Рушнои было по одной мечети; они назывались как и кварталы.

В гузаре Урда, или Сахлау, где находились дом и службы гиссарского бека, переезжавшего сюда из Гиссара на лето, мечети не было. В квартале Далкон — Чорбог было три мечети: Карима заргара (ювелира), Эшони Тура и мечеть Далкон, или Дарко. В квартале Кассоби, или Кафшдуз, как он еще назывался, тоже было две мечети: Кассоби и Кори-домулло. В квартале Искичи была одна мечеть, называвшаяся по имени квартала, а также мечетью Юсуф-бая. Таким образом, в Каратаге было всего 23 мечети.

Центр города на левом берегу реки около моста, там, где и теперь находится площадь перед магазином сельпо, служащая остановкой автобуса, был занят базарной площадью Чорсу, вокруг которой располагалось восемь или девять чайных (самоворхона)* и бакалейные лавки (баққолӣ), торговавшие разными продуктами и фуражом (по определению информаторов — тем, что едят люди и животные) и даже в любое время дня и ночи готовившие по заказу плов.

У торговцев бакалейными товарами, мясников, хлебников и у содержателей чайных была в большом ходу торговля в кредит. Для учета отпущенного товара употреблялись специальные палочки (хатчӯб), на которых торговец или содержатель чайной (самоворчӣ) при отпуске в кредит, например хлебных лепешек, чая и других товаров, делал соответствующее число зарубок, каждая из которых обозначала единицу проданного товара или продукта. На каждого клиента и на каждый вид товара этих палочек было по две. Одна из них хранилась у торговца, а другая — у покупателя. Через определенный срок, чаще еженедельно, производился расчет и палочки заменялись новыми.

От базарной площади вниз по левому берегу реки находились

* В Каратаге чайные термином «чойхона» не назывались.

базарные ряды. Там были: растаи алочафурӯшӣ — ряд лавок, торговавших материями местного производства; растаи кафшфурӯшӣ — обувной ряд; растаи қассобӣ — мясной ряд; растаи чармгарӣ — кожевенный ряд; растаи сабзавоту мева — зеленной и фруктовый ряд, где торговали также дынями и арбузами; растаи равғанфурӯшо — ряд продавцов масла; растаи моҳифурӯшӣ — ряд торговцев жареной рыбой; растаи оҳангарӣ — кузнечный ряд, где кузнецы и выделывали и продавали свои изделия. На домах кузниц не было. Все они были сосредоточены в этом ряду на берегу реки; смешанный ряд, где продавали свои изделия медники (мисгар), шорники (сарроҷ), мыловары (собунгар), мастера-кондитеры (ҳалвогар).

Кроме того, был крытый ряд (тим), где находились лавки торговцев красным товаром (баззозҳо) и дрогистов (аттороҳо). Он назывался «растаи аттороӣ ва баззозӣ».

На базаре было еще три крытых павильона, в которых торговали с земли. Назывались они «каппон». Это были павильоны для продажи зерна и муки (каппони ғаллафурӯшӣ), риса и бобовых (каппони биринҷ), павильон для торговли хлопком (каппони ғӯзафурӯшӣ), привозившимся как из селений Гиссарской долины, так и из более отдаленных мест, например из Ширабада. В этих павильонах были установлены большие весы (тарозуи каппон), представлявшие собой треногу из связанных вверху жердей. К ней подвешивалось деревянное коромысло (шаҳин), к одному концу которого подвешивали гири в мешке, а к другому — большое лукошко (зағома) из тонких гнутых досок с дном из таких же досок. Гирями служили большие камни определенного веса.

Мерами в Каратаге были: ман или як сир=2 нимман= = 64 санг*; нимман = 2 чойрак = 32 санг; чойрак = 2 нимчойрак = =16 санг; нимчойрак=2 нимхурд=8 санг; нимхурд=2 этимак= 4 санг; этимак=2 эсирак=2 санг; эсирак=2 ғарибак=1 санг; ғарибак = 2 мискинак = 40 мисқол; мискинак или нимча = 2 ниммискинак = 20 мисқол; ниммискинак = нимнимча = 10 мисқол; як мисқол = 2 пайса**; як пайса.

Кроме того, существовал малый мискаль (мисқол), употреблявшийся при взвешивании более мелких количеств, например у ювелиров. Он считался равным по весу одной бухарской теньге или пятнадцатикопеечной монете царского чекана (вазни як тангаи бухорӣ ё ки як тангаи подшоҳӣ).

Пять таких мискалей составляли чойрак. По-видимому, существовала целая система мер веса, основанная на этом малом мискале.

В начале XX в. стали входить в употребление русские меры веса: пуд (пут) и фунт (қадоқ). Например, шелк, привозимый с севера: из Коканда, Самарканда, Ташкента, стали считать на пуды. Тогда же их стали приравнивать к местным мерам веса. Так, основную меру веса эсирак, или, как ее в Каратаге реже называли, санг, стали считать равной: в Кулябе — 12 фунтам; в Гиссаре — 10; в Каратаге — 8 и в Юрчи — 6 фунтам.

По краям базарной площади были выделены четыре площадки, называвшиеся тоже «бозор». На одной торговали пряжей, и она называлась ниточный базар (бозори калоба), на второй, называвшейся «бозори мол», торговали скотом, на двух других, расположенных по обоим берегам реки, располагались продавцы дров (ҳезум).

На холмах за городом по обоим берегам реки находились и находятся и сейчас обширные кладбища, делившиеся по гузарам — кварталам города. На кладбище каждого квартала были выделены места для отдельных родственных групп (авлод). Кроме того, отдельно, на правом берегу реки находилось обширное кладбище узбеков рода барлас, проживавших в окрестных кишлаках. Жители Каратага не разрешали барласам проезжать с покойниками через мост и через город вообще, чтобы город не постигла какая-нибудь беда (ягон вазнинӣ наояд), и поэтому барласы старались провозить покойников всякими окольными путями или тайком через город, так как мост через реку был один. Однако после того, как каратагцы однажды сбросили в реку покойника барласа,* которого его родственники хотели провезти на лошади через Каратаг, барласы забросили свое кладбище в Каратаге и стали хоронить своих покойников на новом кладбище в местности Чимкургон около железнодорожной станции Чептура. Это произошло года за два до Отечественной войны 1941—1945 гг.

В Каратаге, как и в каждом крупном населенном пункте Средней Азии, было много мазаров; некоторые из них, по представлениям жителей, обладали особыми свойствами.

Мазори шаидон — мазар шахидов, т. е. людей, погибших за веру, находится на левой стороне дороги, ведущей из Шахринау в Каратаг, не доезжая с километр до Каратага. Мазар представляет собою квадратную площадку, примерно 6×7 м, огороженную невысокой сложенной из камней и дерна стенкой. На площадке виден небольшой холм с воткнутым в него шестом, к верхнему концу которого привязан кусок белой материи.

---

* Местный ман считался на 16 сангов меньше бухарского, бывшего, по словам информаторов, в употреблении в Карши и Юрчи.

** Эта мера часто употреблялась при торговле чаем и равнялась приблизительно восьмой части фунта.

* По сведениям Е. М. Пещеревой, это была одна старая барласка, мать некоего Абдурахманбая [42, с. 135].

Мазори дарвоза или мазори Чорбог — мазар у ворот или в квартале Чорбог — могила какой-то женщины при въезде в Каратаг на склоне горы направо от дороги. Мазар окружен глинобитным забором. Недалеко за мазаром в ложбинке из-под горы вытекает небольшой источник горячей воды, имеющей якобы лечебное свойство. На поклонение мазару ходили женщины, страдающие бесплодием. По словам жителей, мазар этот могущественный (бисьёр зӯр).

Кроме того, здесь находились: мазори Бибишир — мазар Бибишир, мазори Хоҷа Рӯшноӣ — мазар Хаджи Рушнои, мазори мӯи муборак — мазар благословенного волоса, мазори говарасанг — мазар камня-колыбели, мазори Эшон — мазар ишана, основателя Каратага; находится на кладбище к северу от разрушенной цитадели на правом берегу Каратагдарьи. Мазори Апохоҷа — мазар Апо-хаджи, рядом с мазаром ишана. На поклонение этому мазару до сих пор еще по средам приезжают люди, нередко издалека. Мазори санги кабуд — мазар с синим камнем. Находится на левом берегу реки, немного выше моста. Мазар представляет собой камень серо-голубого цвета, очевидно, принесенный когда-то селевым потоком. Считается, что мазар исцеляет от коклюша (сулфаи кабутак), и родители приносят туда больных коклюшем детей. Мазар посещают больше узбеки-барласы. При этом шьют куклу из лоскутков какой-нибудь синей материи, берут перо сизоворонки и несколько маленьких сдобных лепешек (кулча). Придя на мазар, голубым пером сизоворонки обводят горло больного ребенка, после чего дают ребенку полизать камень. Потом куклу, лепешки и перо оставляют на мазаре, положив все это около камня или в развилки растущей у мазара ивы, и возвращаются домой, не оглядываясь.

По сведениям, сообщенным информаторами, в Каратаге до землетрясения проживало около двенадцати тысяч человек, или около трех с половиной тысяч хозяйств. Ф. Красильников, приезжавший в Каратаг вскоре после землетрясения 1907 г., писал, что в Каратаге было тогда около пяти тысяч населения [25, с. 83]. Большинство населения были таджики. В очень небольшом числе здесь, в гузаре Окуйли, проживали узбеки рода Кальтатой. Кроме того, в Каратаге проживало несколько десятков семей среднеазиатских (бухарских) евреев, афганцев и несколько индусов. В начале века в Каратаге жил немецкий ученый Вильдберг, занимавшийся сбором коллекций насекомых и отправлявший их отсюда через Бухару в Европу [29, с. 326]. Евреи, афганцы и индусы занимались торговыми делами и ремеслами. Так, евреи, проживавшие в отдельном небольшом квартале (гузари чуғуто), занимались крашением пряжи кубовой краской-индиго (нил, ранги нил), индусы занимались ростовщичеством и ювелирным делом. Иногда индусы заводили в Каратаге семьи. Так, известный каратагцам ювелир Карим-заргар, умерший незадолго до революции, был сыном индуса и местной таджички. Рассказывали о случаях сожжения индусами в Каратаге своих покойников.



Афганцы занимались исключительно торговлей, имели лавки на базаре, в которых торговали материями, индийской кисеей, шелковыми головными платками, чаем, сахаром, пряностями и разными специями, лекарственными снадобьями и красками.

Как евреи, так и афганцы с индусами, за редкими исключениями, жили обособленно и с местным населением не роднились. После землетрясения, когда Каратаг перестал быть летней резиденцией гиссарского бека, сменившего Каратаг на Душанбе, а также и в связи с тем, что один из двух базарных дней в Каратаге был перенесен на субботу, евреи, которым их религия запрещает заниматься какими-либо делами в этот день, переселились в Душанбе и в Гиссар. Предварительно они подавали беку петицию об изменении, вернее о перенесении базарного дня с субботы на какой-либо другой день недели, однако когда бек обратился по этому поводу в столицу ханства — в Бухару, оттуда последовал отказ.

Местное население делилось на две неравные группы. Большая занималась ремеслами, среди которых преобладало ткачество, а вторая, меньшая, занималась земледелием. Были однако и такие хозяйства, которые занимались ремеслом, не порывая и с сельским хозяйством. Они так и называли себя ремесленниками-крестьянами (косим-деҳқон), занимаясь ремеслом в зимнее время, свободное от сельскохозяйственных работ.

Нами зарегистрированы в Каратаге представители около трех десятков специальностей. Среди них прежде всего следует назвать ткачей, которые делились на «аурбов» (абрбов), изготовлявших широко известную по Средней Азии и сопредельным с ней странам шелковую алачу, полосатую или орнаментированную рисунками с расплывчатым контуром, нанесенным способом перевязки основы перед крашением, и на «корбоф», выделывавших хлопчатобумажную алачу, иногда с примесью шелка в основе, а также другие хлопчатобумажные ткани.

К ткачам примыкала большая группа людей, которые были заняты подготовительными работами: сновальщики основы (кортан), заправщики основы в ремизы и в берда ткацкого станка — (гулабардор), лощильщики (кудунггар).

Выделялась небольшая, но очень важная для производства группа красильщиков, которые делились на «рангрез», красивших горячим способом, и на «кӯкчӣ», красивших холодным способом исключительно краской индиго. Последние назывались также «кабутгар».

Были здесь и набойщики (читгар) и гончары (кулол).

К группе работников по металлу относились: кузнецы (оҳангар), делившиеся на гвоздарей (мехчагар), ножевщиков (кордсоз), подковщиков (наългар), ковалей (аспнаълкун), кетменщиков (кетмангар). Высококвалифицированные мастера выделывали даже клинки и ружья. Литейщики (рехтагар) делились на отливщиков котлов (дегрез) и лемехов. Здесь также трудились мельники (мисгар), ювелиры (заргар).

Деревообделочники делились на мастеров-строителей (чӯбтарош), токарей (харрот) и столяров (дуредгар).

Были также мыловары (собунпаз), занимавшиеся и отливкой свечей.

Кожевники делились на «чармгар», выделывавших «чарм» — кожи для подошв и «рахт» — кожи для верха обуви, и на «кемухтгар», выделывавших «кемухт» — зеленую шагрень — кожу с шероховатой поверхностью.

Сапожники подразделялись на «мӯзадӯз», шивших ««мӯза»— сапоги на твердой подошве с каблуками, «маҳсидӯз», шивших «маҳси» — сапоги с мягкой подошвой и без каблуков, носившиеся с галошами, «кавшдӯз», шивших женские туфли и мужские галоши, «муккидӯз», шивших «муккӣ» — обувь на твердой подошве с рантом, в форме сапог с низким голенищем, закрывавшим только щиколотку, и «шиппакдӯз», шивших особый вид обуви, называвшийся «шиппак».

Шорники (сарроҷ) изготовляли «авзоли асп» — конскую сбрую и «тукум» — вьючные седла для ослов и лошадей, «чиғоз» — вьючные седла для верблюдов, а также и «яхдон» — кожаные сундуки, служившие для перевозки вьюком различных дорогих товаров, продуктов и сладостей, для хранения одежды в домах.

Как и во всех сколько-нибудь значительных населенных пунктах, были пекари (нонвой), мясники (қассоб), кондитеры (ҳалвопаз), шашлычники (кабобпаз), жарильщики рыбы (моҳипаз).

Кроме того, существовали такие занятия, как художественная роспись помещений (наққошӣ), переписка книг каллиграфами и др.

Женщины занимались очисткой хлопка от семян (пундона) на ручных деревянных вальцах (ҳаллоҷӣ), трепаньем ваты и подготовкой ее к прядению, для чего ее скатывали руками в кудельки (пилта) на специальных подставках (пилтамол) в виде маленьких низких скамеечек, сделанных из дерева или отлитых из алебастра, и, главное, прядением хлопчатобумажных ниток (калоба) на ручной прялке (чарх), которое имело особенно широкое распространение, так как местное производство материй до начала завоза хлопчатобумажной пряжи российского фабрич-



ного производства обеспечивалось пряжей исключительно местного кустарного производства. Не было дома, где не было бы прялки и где не пряли бы ниток на продажу. П. Небольсин писал: «Хлопчатобумажною пряжею среднеазиатского происхождения почти исключительно снабжает нас Бухара. Пряжа эта изготовляется ручным производством, составляющим одно из обыкновенных занятий женщин Турана» [39, с. 268].

Среди женщин было широко распространено шитье не только для себя, но и на продажу мужских тюбетеек и изготовление узорной тесьмы для обшивания их края. Она употреблялась также и для обшивания края вышивок и одежды. Эта тесьма вышивалась на пяльцах ручным тамбурным швом, крючком и, как и всюду, отличалась большим своеобразием узоров, часто носивших названия стилистически изображенных на них предметов (см. рис. 3 и 4).

Одежду для себя шили обычно в каждой семье сами и лишь изредка заказывали наиболее опытным женщинам шить за плату паранджи и мужские халаты или же покупали на базаре Қаратага готовые изделия, главным образом мужские халаты и женские паранджи, которые были привозными.

Было распространено среди женщин и изготовление к свадьбам для себя и для других (за плату) декоративных вышивок, которые по традиции полагалось иметь невесте в приданом. Это были прежде всего молитвенные коврики «джоинамоз» (рис. 5 и 6), «борпӯш» — покрывала на сложенные в нише спальные принадлежности (рис. 7), «рӯи ҷо» — вышитые простыни на свадебную постель (рис. 8) и др.

Шелкомотание (пиллакашӣ), т. е. размотка шелковой нити с запаренных коконов, в Қаратаге знали, но этим мало занимались, так как шелковичных червей не разводили. Шелк-сырец (хомак) завозился из Қабадиана, Самарканда, Ходжента, а также из Ферганы. Его сдавали местным мастерицам (ашатоугар), которые отваривали его в растворе поташа и лощили (ашатоу мекарданд), после чего отдавали в окраску. Потом этот женский промысел стал отмирать, так как из городов начали завозить шелковую пряжу фабричного производства, уже крашеную. В Бухаре, как сообщает О. А. Сухарева, размоткой шелка в начале XIX в. занимались тоже женщины, а в конце века это занятие перешло целиком в руки мужчин [51, с. 69]. В то же время в селении Айкыран размотка коконов и сучение шелка до последнего времени его существования оставались почти целиком женским занятием [52, с. 33].

Характер промысла носила также работа конюхов (саис). В Қаратаге было много лошадей у военных (сипоҳо) и у чиновников (амалдоро), приезжавших на летнее время из Гиссара вместе с правителем края. Местные баи и состоятельные люди

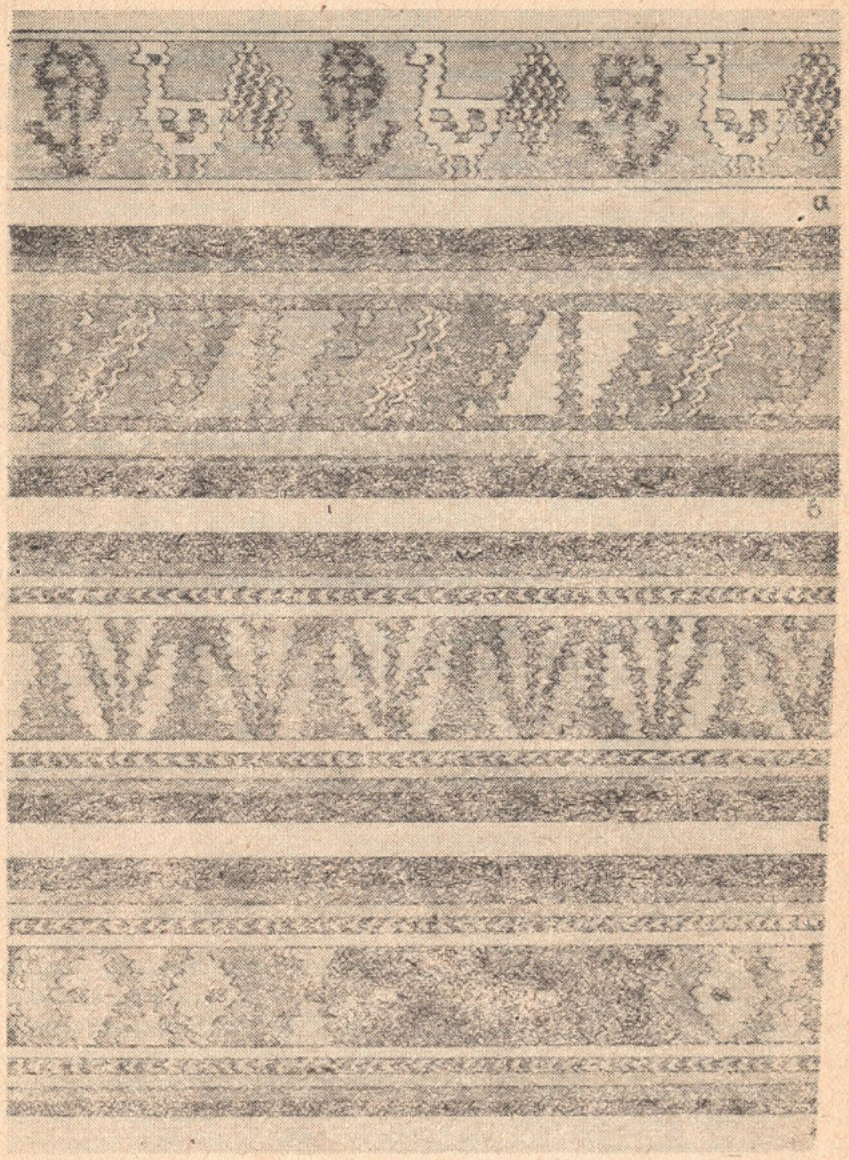


Рис. 3. Образцы орнамента широз — тесемок для обшивки тюбетеек, вышитых ручным тамбурным швом: *а* — узор «гулу булбул» — роза и соловей, КП 346/26—8; *б* — узор «мола» — борона, КП 346/13; *в* — название орнамента не выяснено, КП 342/92; *г* — узор «кульча» — маленькая круглая лепешка, КП 346/15

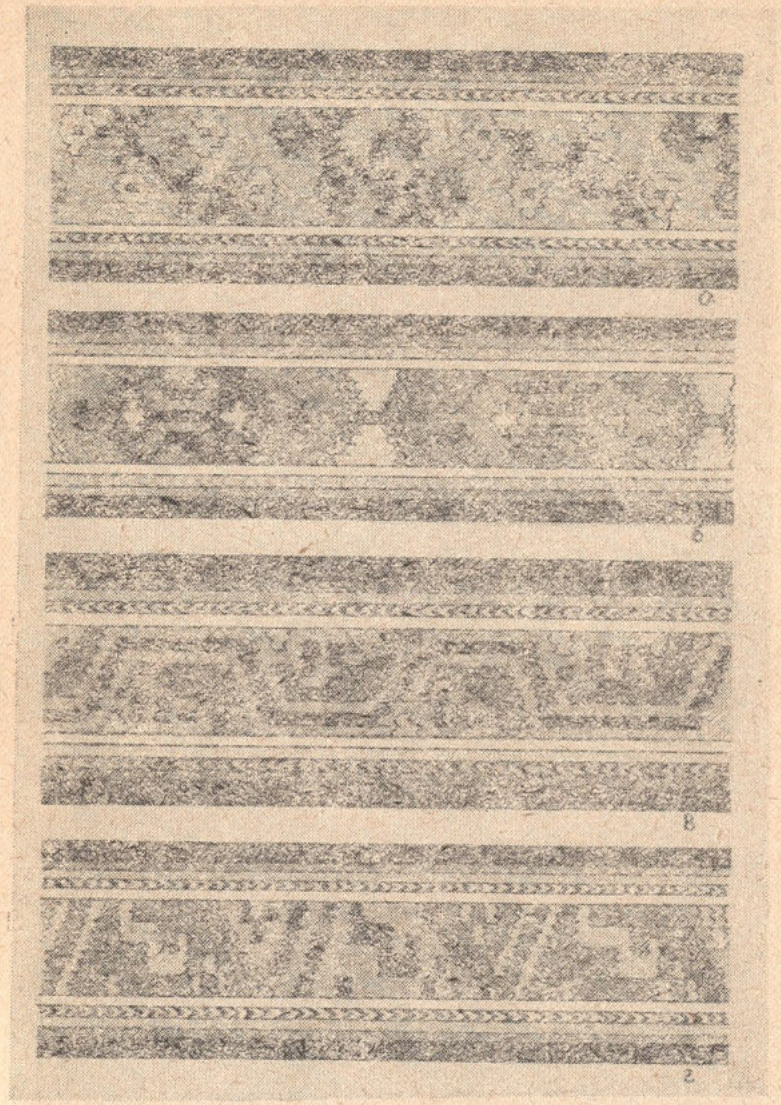


Рис. 4. Образцы орнамента широз — тесемок для обшивки тюбетеек, вышитых ручным тамбурным швом: *а* — узор «гули олуча» — цветок алычи, КП 346/26—5; *б* — узор «қадмола» — ажурная бусина, КП 346/30; *в* — узор «кордча» — ножик, КП 346/10; *г* — узор «ғазал» — стихи, т. е. подражание арабскому письму, КП 346/11

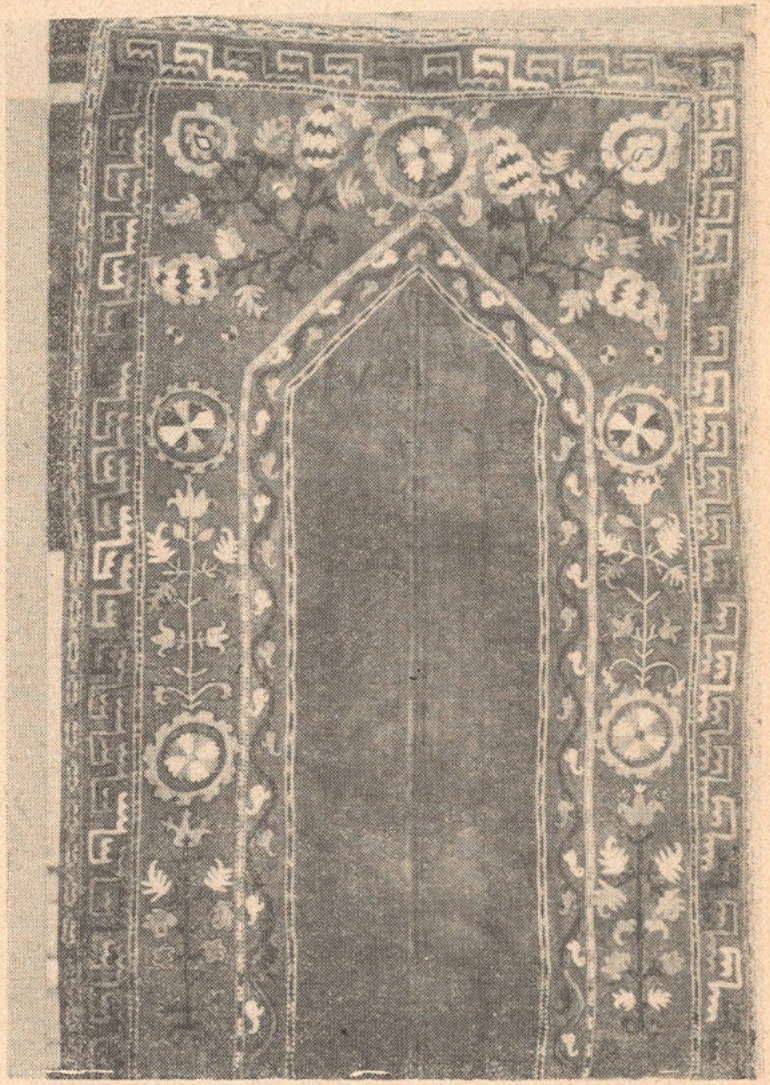


Рис. 5. Джойнамоз — молитвенный коврик из каратагской шелковой алачи «хосагй» темно-синего цвета, вышитый ручным тамбурным швом, размер 107 см × 164 см, КП 343/2

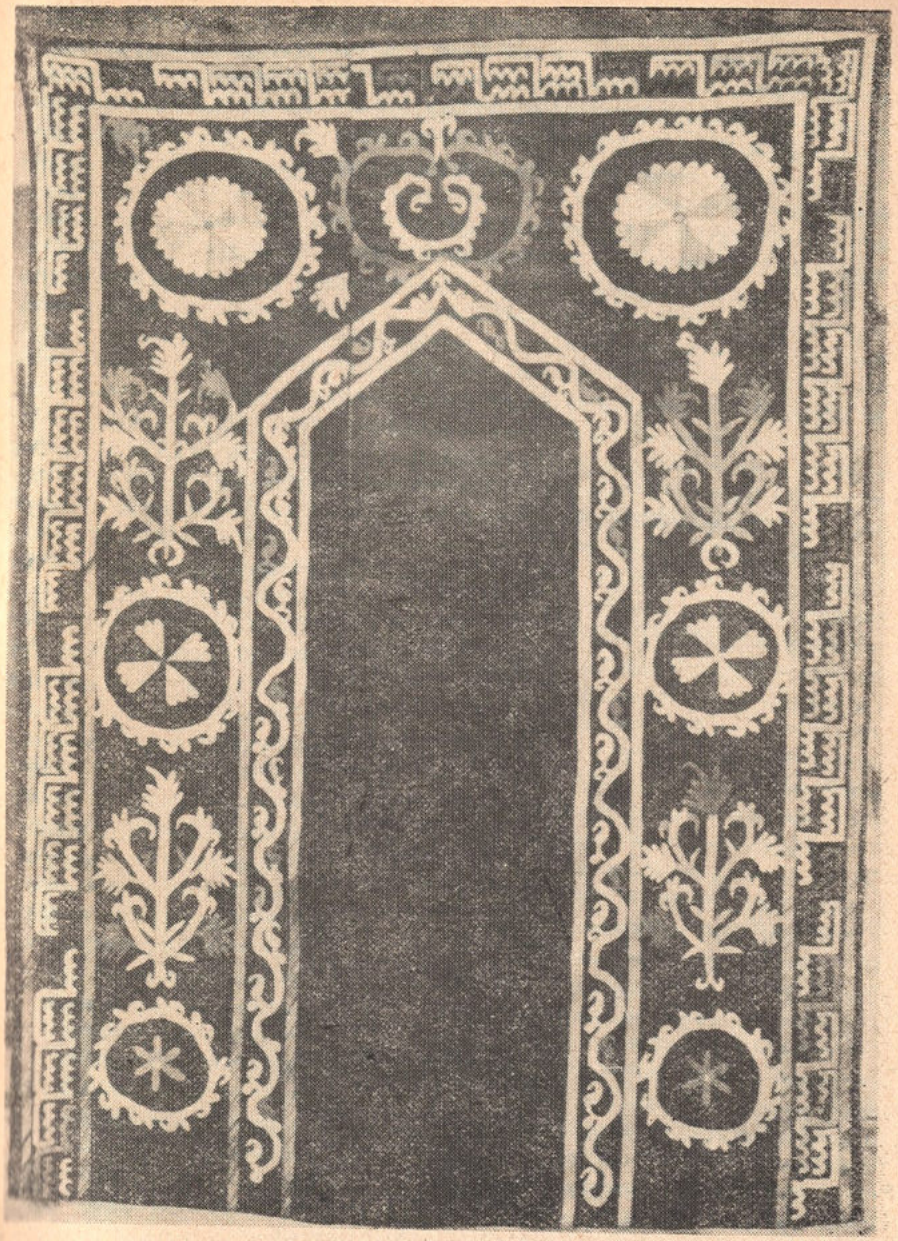


Рис. 6. Джойнамоз — молитвенный коврик из сатина темно-вишневого цвета, вышитый ручным тамбурным швом, размер 1,5 м × 1,1 м КП 407/12

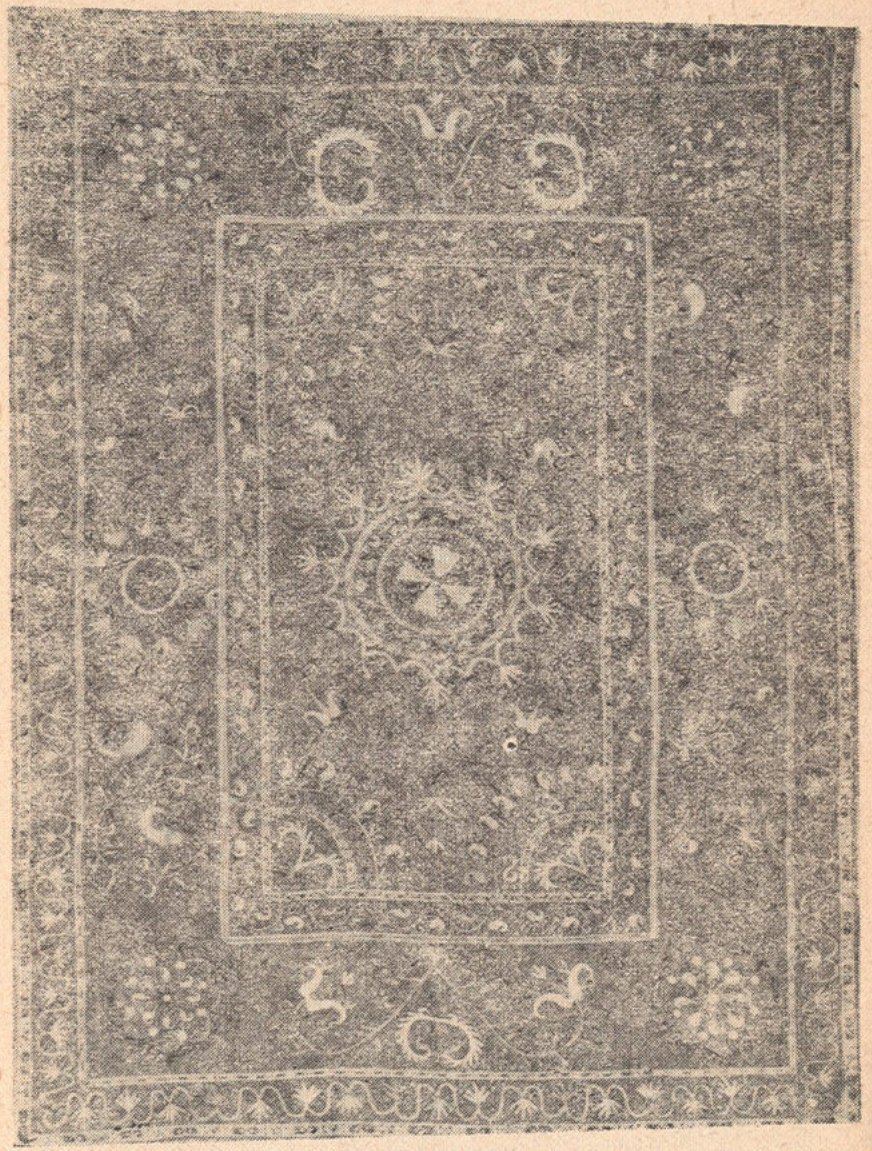


Рис. 7. Борпуш — покрывало на сложенные постельные принадлежности, сделанное из красной х/б ткани и вышитое ручным тамбурным швом, размер 222 см × 171 см, КП 494/8

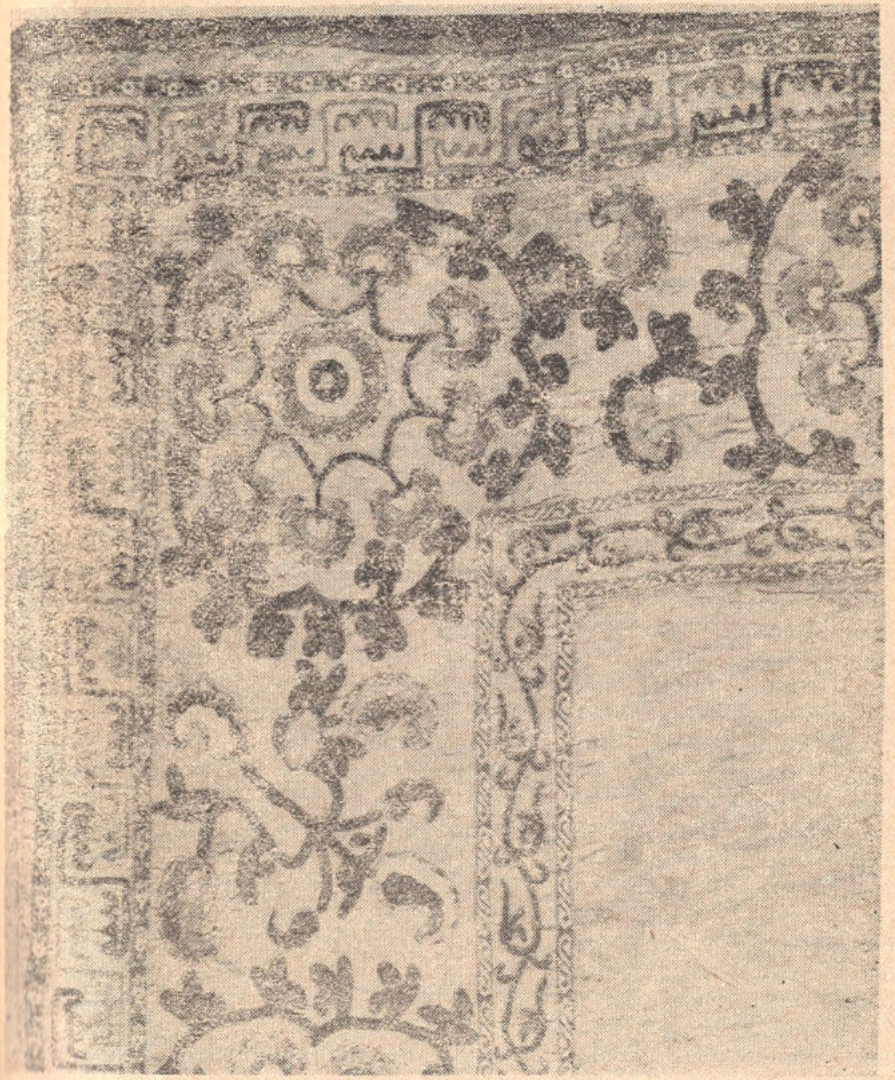


Рис. 8. Руиджо — парадная простыня на свадебную постель (фрагмент), сшитая из каратагской шелковой алачи «хосагй» ярко-желтого цвета и вышитая тамбурным швом, размер 231 см × 187 см, КП 1108/1

тоже держали лошадей. Уход за ними поручали конюхам, которые нанимались помесячно (моҳбайъ), причем каждый конюх ухаживал только за одной-двумя лошадьми. Он получал вознаграждение деньгами (20—30 тенег), а также получал хозяйские харчи (авқот) и одежду (сару либос). Особенно тщательный уход полагался за лошадьми, предназначавшимися для козлодрания (буз, бузкашӣ). В Каратаге, по словам старожилов, было много хороших лошадей, так что корпорация конюхов должна была быть тоже довольно многочисленной.

Часть населения Каратага занималась сельским хозяйством. В каждом гузаре было несколько хозяйств земледельцев, особенно же много их проживало в гузаре Чорбог — самом нижнем по течению реки левобережном квартале Каратага. Они сеяли зерновые, бобовые, масличные и бахчевые культуры, а также выращивали виноград и плодовые деревья. Посевы зерновых производились большей частью в предгорьях на неполивных землях. На поливных землях, большая часть которых находилась на равнине в Гиссарской долине, сеяли рис, масличные и бахчевые культуры, а с конца прошлого века иногда и хлопок. Сады и виноградники разводили на приусадебных участках, при домах, в очень незначительном количестве, а главным образом этим занимались за городом — на обоих берегах Каратагдарьи ниже города, и на лето выезжали туда семьями.

Землю пахали на паре быков однолемешной сохой (испор или амоч) с чугунным сошником (оҳани испор) и боронили плетнем из хвороста (чапар). Зерно разбрасывали вручную из полы халата. Хлеба жали серпами (дос), связывали в снопы (банд), просушивали сначала в снопах, а потом складывали досушиваться в копны (ғанак), от 10 до 30 снопов в каждой. Потом их свозили на санях-волокушах (чигина) на ток (хирман). Молотили при помощи чапара, который пара волов таскала по расстеленным на току снопам. Когда солома измельчалась, то домолачивали способом «галагов», т. е. гоняли по току связанных за шею в один ряд 8—10 волов, которые топтали расстеленные снопы. Обмолоченный хлеб собирали деревянными лопатами и вилами (панчшох) в продолговатую кучу (чошт) и веяли, подбрасывая его на воздух. После отвеивания в зерне оставались необмолоченные колосья; поэтому его еще раз обмолачивали тоже способом галлагов. Зерно рассыпали на току слоем одинаковой толщины и подсыпали в него мелкой земли (хок) для того, чтобы оно не очень рассыпалось в стороны под ногами животных, хорошо очистилось от шелухи и отполировалось. Вторичное обмолачивание называлось «пайхум». После этого зерно опять отвеивали от мякины и подсыпанной земли посредством подбрасывания его лопатой на воздух и отсеивания потом на решетах. Второе отвеивание называлось «пайхумбод». Про такое зерно



говорили, что оно «пайхум хӯрдагӣ», т. е. обмолочено вторично, пленка с него сошла и оно стало тяжелым, крепким.

Урожаи были низкие, так как пахали неглубоко. Пахота считалась трудной работой; под пар (шудгор или манзира) и под зябь приходилось пахать пересохшую землю задолго до начала осенних дождей. Рис сеяли на окруженных земляными валиками небольших делянках (пал), причем посевы его делались на одних и тех же местах через год, а в промежутках на этих же делянках сеяли ячмень или лен-кудряш на масло; часть земель оставляли под пар. При пахоте земли после убранного риса окружавшие делянки борта-валики (марза), сооружение которых было очень трудоемкой работой, не разрушали. Это достигалось тем, что когда соха подходила к валику, то пахарь нажимал на ее рукоятку и соха «перепрыгивала» через валик в следующую делянку. Однако это могли делать только очень опытные пахари.

В сельском хозяйстве широко практиковалась издольщина. Наиболее часто встречавшимся в Каратаге видом ее был «панҷяккорӣ» — посев из пятой части собранного урожая зерна, которую отмеряли решетом (ғилбол): четыре решета — хозяину, пятое — издольщику (панҷяккор). Издольщик принимал участие в посеве и обработке земли только своим трудом, а все остальное (скот, орудия, семена, земля и вода, если сеяли на поливе) было хозяйское. Жатву организовывал за свой счет хозяин, нанимая для этого жнецов (даравгар), которым платил либо поденно (мардикори рӯзқарори пулакӣ) и кормил их, либо сдельно (кӯтара), и тогда рабочие жали за семена (кӯтарагиро тухмашба дарав мекарданд), но на хозяйских харчах.

Издольщик кроме доли урожая получал от хозяина питание (хӯрок дар хонаи соҳиби кор) и одежду — штаны, рубаху, ватный (чапон) и суконный (из армячины) (чакман) халаты, а также и обувь: во время жатвы и обмолота — «муккӣ», а во время пахоты и ненастья — сшитые из сырой коровьей кожи шерстью наружу чулкообразные сапоги без каблуков (чоруқи хомак аз пӯсти гов). Если издольщик угождал хозяину, то последний давал ему еще и чалму (салла).

О найме издольщик договаривался с начала осени (аз сари тирамоҳ) и работал у хозяина в течение десяти месяцев до раздела урожая и лишь в виде исключения, если хозяин завоевывал его расположение, издольщик работал у него еще один месяц после срока.

Налог с посева — херадж хозяин платил за свой счет из полученной им доли урожая, а с издольщика его долю не удерживал. Одной из трудных работ издольщика была вспашка богарных земель под пар, производившаяся летом для посева следующего года: приходилось пахать пересохшую землю. К тому же

издольщику, если он не собирался оставаться у того же хозяина и на следующий год, от нее никакой пользы не было — эта работа шла в пользу того, кто должен был работать издольщиком в новом году, она была как бы переходящей на следующий год.

Говоря о работе издольщика, следует упомянуть и о посевах «посира», производившихся им по поручению хозяина в пользу тех неимущих родственников последнего, которые чем-либо помогали ему в хозяйстве. За эту работу издольщик с хозяина ничего не получал, это считалось богоугодным делом (кори савоб), однако те, для кого этот посев производился, обычно давали издольщику одно-два решета зерна, в особенности, если урожай получался изрядный. Иногда посев «посира» делался и в пользу самого издольщика. Это бывало в тех случаях, когда издольщик вследствие трудных условий обработки земельного участка, отданного ему из доли, не соглашался работать только за пятую часть урожая. Тогда хозяин брал с издольщика только данные им для посева семена (тухмаша мегирифт).

Если «панҷьяккор» работал на поливных землях, обработка которых была более трудоемкой, чем богарных земель, то хозяин давал ему в помощь одного сезонного рабочего (қарорӣ). Как уже говорилось, на поливных землях сеяли большей частью рис и в небольшом количестве лен-кудряш и ячмень, а часть земли оставлялась под пар (шудгор).

За свою работу на поливных землях издольщик получал одну седьмую урожая (ҳафтьяк).

По сообщениям информаторов, хлопчатник в Гиссарской долине (дар дашт) начали сеять в конце прошлого века, а до этого пользовались хлопком, завозившимся из Ширабада.

В сельском хозяйстве применялся и труд рабочих, нанимавшихся на определенный срок, чаще на год или полгода. Назывались они «қарорӣ». В условия оплаты их труда входили тоже питание и одежда, а вместо доли урожая — деньги. Если издольщики жили у себя дома, то карори жили в доме хозяина в отведенном для них помещении (қарорихона, дехконхона). Они работали шесть дней в неделю, а на седьмой, совпадавший с базарным днем в Каратаге, отдыхали. В сезон заготовки дров, производившейся в горах в начале осени, эти батраки иногда имели дополнительный заработок: те из жителей, которые имели одного или двух ослов и сами почему-либо не могли ездить на заготовку дров в горных лесах, отдавали ослов батракам и привезенные ими дрова делили пополам.

Посредником между временными рабочими и нанимавшими их хозяевами (ағолуқ) являлся избиравшийся первыми из своей среды один наиболее опытный работник, получавший «титул» хана (хон). Он играл роль организатора временных рабочих, распределял их на работу по заявкам, которые делали ему хозяева. В его присутствии наниматели рядились с нанимавшимися батраками, он же разрешал и все споры, возникавшие между хозяевами и нанятыми ими рабочими.



Из учреждений, носивших в условиях того времени в какой-то мере общественный характер, в Каратаге были медресе, дом призрения слепых (қорихона) и странноприимный дом дервишей (қаландархона).

Медресе, расположенное когда-то на месте современной средней школы, существовало на доходы, получаемые им с вакуфных земель. Кроме этих земель, которые сдавались в аренду за десятую часть урожая, медресе имело еще на правах вакфа караван-сарай с комнатами (ҳуҷра), где останавливались приезжие торговцы, и место на базаре, где торговали пряжей. Со всех продавцов пряжи взимался базарный сбор натурой. Эту пряжу хатиб-имам мечети при медресе потом продавал и вырученные деньги расходовал на нужды мечети: содержание муэдзина и служителя (фаррош) мечети, на освещение, приобретение циновок на пол и на другие хозяйственные нужды. Имам мечети получал содержание от прихожан. Медресе возглавляло специальное должностное лицо «охуни мадраса», которое людей, закончивших курс обучения в медресе (хатми таҳсил кардагихо), назначало настоятелями мечетей (мулло имом).

Корихона, или дом призрения слепых, существовал в Каратаге издавна и находился в квартале того же названия в правобережной части города (некоторые его строения стоят до сих пор). Он состоял из мечети, особого помещения при ней, называвшегося «вазифахона», и келий (ҳуҷрахо), в которых жили слепые чтецы корана (қорӣ). Скудная обстановка этих келий делалась за счет отпускаемых властями средств. За счет этих же средств шло и общее питание (ротифа) слепцов. Во главе корихона стоял «қорибоши», назначавшийся беком. Он получал от бека в танхо одно крестьянское хозяйство, имевшее пару рабочих быков, т. е. он имел право получать причитавшийся с этого хозяйства херадж. Слепые под руководством корибоши заучивали на слух весь коран, не вникая в его смысл, и потом читали его по заказу как в домах заказчиков, так и заочно — в упомянутом выше помещении «вазифахона». Днем кори расходились по домам для выполнения заказанного им чтения корана, а к вечеру собирались в своем общежитии. В каратагском корихона собиралось до 70 кори.

Странноприимный дом (қаландархона) дервишей ордена накшбандия находился в Каратаге в квартале, который назывался первоначально гузари Далкон, а потом — гузари Эшони тура или гузари Чорбог, или же гузари Қаландархона. Странноприимный дом стоял при въезде в теперешний Каратаг, налево от дороги. Он был окружен плодовым садом с большим числом

деревьев плакучей ивы. В этом саду находилось помещение для общих собраний и радений дервишей (чиллахона) и семь комнат (меҳмонхона), в которых помещались дервиши. Последним главой дервишеской общины до Советской власти был некий эшони тура Абдурахимхан. Кроме главы общины у дервишей был еще старшина (бово). Последним из них был Маджнун-бово из Байсуна. Он был известен как хороший певец гимнов (хонандаи нағз буд). До этого старшиной общины был Турди-бово из Гиссара. Дервиши приходили в Каратаг из разных мест Туркестана и Афганистана и с разрешения эшони тура останавливались в общине. По четвергам и воскресеньям вечером в общине устраивались радения дервишей.

Дервиши занимались сбором подаяний. В базарные дни они, ходя группами, распевали на базаре в Каратаге стихи религиозного содержания, собирая вокруг себя толпу слушателей и зевак. Они «выступали» в трех местах: там, где торговали пряжей, скотом, и в павильоне для торговли зерном. Во время их пения торговля приостанавливалась. Базарная публика давала дервишам кто что мог. Считалось предосудительным уйти от сборища (маърака), не дав ничего дервишам. Собранное дервишами подаяние делилось потом между ними и старшиной. Часть дервишей были семейными, часть одинокими. К дервишам иногда приводили для «лечения» сумасшедших, которых они сажали на цепь и «лечили» чтением молитв. Старшина дервишей распределял их по крупным населенным пунктам, «организуя» таким образом их «работу».

Заканчивая этот краткий очерк о Каратаге, можно сказать, что он представлял собой обычный среднеазиатский позднефеодальный город с цитаделью правителя, расположенной на склоне горы. В центре города была площадь «чорсу» с базаром вокруг нее. Город делился на гузары, часть которых называлась по имени того ремесла, представители которого составляли основное население. В городе было медресе, много мечетей и мазаров, обитель дервишей, городская тюрьма.

## ТКАЧЕСТВО

Ткачество в Каратаге в конце XIX в. и особенно в начале XX в. получило очень широкое развитие и являлось основным ремеслом. Это было мужское занятие. Женщины не ткали, а выполняли лишь подсобные работы, главным образом производство пряжи.

По-видимому, ткачество существовало в Каратаге с самого основания последнего, но особенно развилось после присоединения Гиссарского бекства к Бухарскому ханству, когда появилась возможность спокойно заниматься ремеслами, когда наладились



регулярные торговые связи, способствовавшие сбыту продукции ткацкого ремесла и завозу в край необходимого для ткачества сырья.

Как упоминалось выше, сведений о ткачестве таджиков Каратага в литературе почти нет, в то время как по ткачеству таджиков других регионов Средней Азии имеется несколько работ. Так, более ста лет тому назад А. Гребенкин, говоря о ремеслах таджиков Зеравшанского округа [15, с. 511—514], перечисляет только названия бытовавших там ремесел, среди которых первым упомянуто ткачество, и дает очень краткое описание выделывавшихся по Зеравшану, главным образом в Самарканде, Ургуте, Катта-Кургане, Дагбите и в других пунктах этой долины, материй: алача, калама, фота, хоса, пянджа, дака, тибит-сальи, полушелковые пари-паша, пасма и бикасаб, адряс и ал-чимбар, канаусковые дурга (гладкий), чага (полосатый) и обардор (цветочный, узорчатый), атлас или джибе-аркак, как называют его в Коканде и Маргелане.*

Л. Ф. Костенко в своей большой сводной работе писал, что в Средней Азии изготовлялись следующие ткани: из некрашеных ниток — бязь, один кусок которой в Оренбурге называли матою; белая же материя джангаля, шедшая на подкладки халатов и на саваны; дака (лучший сорт джангаля); из крашеных ниток ткали зендель или буяк синего цвета, суса или алоча в продольные цветные полоски по синему полю (шла на халаты и женские шаровары), сансама (то же, что и алача, но отличавшаяся от нее большей шириной, доходившей до 12 вершков), каляма или пестрядь (в цветные продольные полоски по белому или бледно цветному полю), тампая и чит, или выбойка. Не касаясь технологии их изготовления, автор приводит лишь сведения о ширине и длине кусков некоторых из этих материй, их стоимости и назначении [23, т. 2, с. 36].

В конце прошлого века Н. А. Кирпичников писал о тканье в Самаркандской области кисеи для чалм, шелкоткацком производстве, крашении шелка и кубовом крашении [20, с. 148—162]. Однако, касаясь очень кратко только приемов изготовления кисеи и окраски шелка, автор основное внимание уделил экономической стороне дела, разбирая доходность того или иного вида ремесла.

Других работ, посвященных этому важному виду среднеазиатского ремесла, почти не было до последнего времени, и лишь в 1957 г. вышла небольшая работа И. К. Нарзикулова, посвященная краткой характеристике состояния дореволюционной кустарной промышленности, ее основных отраслей и их размещения. Также сообщаются некоторые сведения о формах организации

* Сохраняем написание автора. — *Н. Е.*

кустарного ремесленного производства [38, с. 6]. В работе вкраплены некоторые сведения и о ремеслах Каратага.

Вслед за ней вышла работа известного среднеазиатского этнографа О. А. Сухаревой, в которой большая глава посвящена специально обработке волокна в Бухаре [51, с. 56—98]. Автором настоящей работы написан для монографии «Таджики Каратегина и Дарваза» раздел о ткачестве таджиков этого региона [53, с. 212—230].

В конце 1963 г. вышла работа С. Махкамовой, посвященная «творчеству узбекских народных мастеров-текстильщиков, производящих оригинальные национальные абровые (облакоподобные) ткани, орнаментированные яркими, выразительными по расцветкам и очень условными по содержанию расплывчатыми узорами» [36, с. 5]. К работе приложено 6 цветных и 23 монохромных таблицы. Приветствуя появление этой работы, приходится только сожалеть, что автор свое внимание уделил абровым тканям в основном ферганского и отчасти бухарского происхождения, не затронув совершенно такие центры их изготовления на территории Узбекистана, как Китаб, Самарканд и Карши.

В 1974 г. вышла большая работа Н. О. Турсунова, посвященная истории городского ремесла Северного Таджикистана в конце XIX—начале XX в., в которой даны подробные сведения о состоянии текстильных промыслов в г. Ходженте и его пригороде. В книге использованы очень ценные этнографические материалы, записанные автором со слов старожилов города, а также сведения письменных источников и архивные данные. Приведено большое количество иллюстраций [53а].

Е. М. Пещерева в своей монографии о гончарстве Средней Азии приводит сведения о цеховой организации ткачей Каратага [42, с. 316—318].

Таким образом, настоящий очерк о ткачестве таджиков Каратага явится дополнением к характеристике ткачества таджиков Таджикистана и населенных таджиками районов Узбекской ССР — Самарканда и Бухары, данной в перечисленных работах.

В настоящее время ткачество в Каратаге продолжает существовать, но в очень небольших размерах. Часть мастеров-ткачей, очень незначительная, перешла на работу в организованные ткацкие мастерские и фабрики в с. Шахринау и в Душанбе, часть переквалифицировалась и перестала заниматься ткачеством. Однако часть ткачей еще прочно держится старой традиции, предписывающей детям не бросать занятия своих родителей. За последние годы министерством местной промышленности организован в Каратаге ткацкий цех, где работает несколько ткачей, изготовляющих старые, традиционные хлопчатобумажные ткани алача.

Вырабатываемые каратагскими ткачами ткани, в основном



хлопчатобумажные, редко с примесью шелка, чаще теперь искусственного, имеют до сих пор большой спрос и охотно раскупаются на базарах в Регаре, Гиссаре и Денау. Покупатели нередко приезжают за ними и в самый Каратаг.

Верхние стеганые халаты (чомаи дуккӣ) и легкие без стежки (челак) из местных полосатых тканей до сих пор можно увидеть на жителях Каратага и окрестных кишлаков, так же как и встречающиеся иногда паранджи на его жительницах.

Особенно привержены к одежде из алачи кустарной выработки местные узбеки (барласы, марка и др.), у которых необходимым предметом костюма невесты до сих пор являются шаровары из алачи, называемой «чеғӣ», а необходимым элементом выходного костюма каждой женщины — накидываемый на голову одним рукавом халат из алачи «сиёҳала».

Упадок ткачества начался с середины тридцатых годов и продолжался до Отечественной войны. В годы войны ткачество, в силу возникших тогда затруднений в снабжении населения промышленными товарами, опять получило развитие, тем более что еще живы были навыки и почти в каждом доме были орудия ткацкого производства. В эти годы ткачеством стали заниматься и женщины, чего раньше не наблюдалось.

После окончания войны кустарное ткачество в Каратаге опять резко пошло на убыль, став отмирающим ремеслом. В таком состоянии оно находится и сейчас.

До революции в Каратаге в редком доме не вырабатывали кустарные материи. По рассказам старожилов, в Каратаге с его округой перед революцией работало до трех тысяч станков. Отдельные предприниматели (устокор) имели до шестидесяти станков, на которых работали наемные мастера (халифа).

Ткачество было широко развито и в других крупных селениях Гиссарской долины. Им занимались также в Семиганче, Кафирнигане, Янги-Базаре, Дашнабаде, самом Гиссаре, Чорбоге, Кибдаи и в Калаи Варзоб и Замчуруд в Варзобском ущелье. В последних двух селениях выделывалась и широко известная по всему Туркестану шелковая гиссарская алача, которой особенно славился Каратаг, однако здесь она была гораздо грубее каратагской по фактуре и хуже по расцветке. Тем не менее ее здесь выделывали, по-видимому, в большом количестве и давно. В 1955 г. автору привелось беседовать с 93-летней жительницей кишлака Замчуруд, некоей Курбонджон, ныне умершей, и она рассказывала, что когда ее выдавали замуж (ей было тогда тринадцать лет), то она, по ее образному выражению, «утопала в шелках» («ғарқи бирешим будем»). Подразумевались шелковые материи местного изготовления.

В Каратаге выделывались хлопчатобумажные, хлопчатобумажные с примесью шелка, чисто шелковые и даже шелковые с

золотой или серебряной нитью материи разнообразного назначения. Шерстяных материй не ткали совсем. Основным было производство хлопчатобумажных тканей.

За последние годы в Каратаге вместо пряжи из натурального шелка стали иногда применять пряжу из искусственного волокна, которое местное население называет «вискоз».

Сырье для ткацкого ремесла поставлял в основном местный рынок. Однако это можно сказать лишь о хлопчатобумажной пряже и части красителей и протрав к ним. Что же касается хлопка, то он завозился, как уже отмечалось, из Ширабадского бекства, где посевы хлопчатника издавна производились в большом количестве [31, с. 359].

Шелк-сырец завозили в Каратаг из соседнего Кабадианского бекства, где шелководство было широко развито [30, с. 385]. Еще А. Борнс писал, что «более же всего этим делом (шелководством. — *Н. Е.*) занимаются по берегам Окса, где все кочующие племена разводят червей. Шелк лаб-и-об (береговой, т. е. с берегов Окса), как его здесь называют, считается самым драгоценным по мягкости и по тонине ниток» [10, т. 3, с. 258].

После подчинения края Бухарскому ханству в 1870 г. шелк-сырец, а потом и шелк в обработанном и готовом для употребления виде стали завозить из Бухары, Ташкента, Ходжента и городов Ферганской долины, из Самарканда и даже из Хорезма, а после присоединения Туркестана и Закаспийского края к России и заключения договора с Бухарским ханством, в конце прошлого века, сюда стали завозить и пряжу производства российских фабрик.

Хлопок продавался на местных базарах не очищенным от семян, и очистку его на примитивных деревянных вальцах (халлочй) одинакового для всей Средней Азии типа производили сами женщины, которые потом приготовляли из него пряжу. Эти вальцы были описаны раньше [53, с. 214]. Специальных ремесленников, занимавшихся очисткой хлопка, в Каратаге не было. Хлопковое волокно, очищенное от семян (пундона), разбивали (месохтанд) прутьями и пряли на прялке тоже общего для всей Средней Азии типа работы местных мастеров [53, с. 215—217]. Веретено для прядения на прялке хлопчатобумажной пряжи называлось» «дуки чархреси». Для наматывания пряжи для утка на цевки (нойча) употребляли специальное тонкое веретено, называвшееся «нойчадук». Пряжа для основы с веретен перематывалась потом при помощи прялки же на толстые веретена, называвшиеся «тута», а с них разматывалась на пасмы (калоба). Эту двойную перемотку пряжи делали для того, чтобы она в больших клубках на «тута» выпрямлялась и потом не перекручивалась. Мотки или пасмы перевязывались поперек ниткой (сарбанд), к которой прикреплялся и конец нити всего мотка (сари калоба).



В таком виде пряжа продавалась на «бозори калоба». Продажа производилась на вес. Прядением занимались почти все женщины и девушки, находя в этом дополнительный заработок. Одна из наших осведомительниц рассказывала, что, будучи девушкой, она занималась прядением хлопчатобумажной пряжи из хлопка, который ей покупал на базаре отец. Изготовленную ею пряжу отец продавал на базаре, на часть вырученных денег опять покупал такое же количество хлопка, а оставшиеся деньги отдавал дочери, и она тратила эти деньги на себя. Пряжа была ходовым товаром, всегда находила покупателя. «Ни во что считаемый труд и верный сбыт пряжи, за хорошую плату, и у нас в России, да и в самой Средней Азии, на разные изделия, ставит этот товар на степень самого выгодного предмета торговли», — писал П. Небольсин [39, с. 268]. Чтобы судить о том, как ценился этот «ни во что считаемый труд», можно привести сведения того же П. Небольсина, писавшего, что в Бухаре тонкая пряжа продавалась по 15, 17, 20 и даже по 25 тилля за батман, т. е. приблизительно за 8 пудов [39, с. 269]. Таким образом, если считать тилля за 4 рубля золотом, то пуд тонкой хлопчатобумажной пряжи в лучшем случае продавался за 12 руб. 50 коп., а если учесть, что хлопок в то время продавался в среднем по 5 руб. за пуд [39, с. 265, 266], то на долю пряхи, которая должна была очистить хлопок от семян, разбить его и спрясть, оставалась очень небольшая сумма.

По отзывам стариков-ткачей, хлопчатобумажная пряжа местного изготовления отличалась очень высоким качеством.

Мы уже упоминали о процессе отваривания шелка-сырца и его лощении мастерицами, называвшимися «ашатоугар». Этот процесс описан довольно подробно в литературе [20]. После лощения и просушки мотки шелка либо скручивали для хранения в виде плотного узла, либо отдавали в окраску.

Как уже говорилось, шелководством в Каратаге занимались мало. Тем не менее многие жительницы занимались размоткой коконов, которые кипятили в котле, палочкой вылавливали отделившиеся концы нитей, соединяли их по нескольку вместе и вручную наматывали их на «оринчак» — палочку. На обоих концах палочки были закреплены перпендикулярно к ней дощечки, на которые и наматывался шелк. Когда наматывалось достаточное количество ниток, то одну из дощечек снимали с конца палочки и освободившиеся нитки в форме мотка сушили на солнце, потом тоже перекручивали в тугой узел и так хранили до употребления. Такой шелк назывался «мўяк». Оставшиеся неразмотанными коконы выбирали из воды, расщипывали руками и пряли на веретене с пряслицем (урчук). Эта пряжа называлась «бирешими нонак» и шла на всякого рода ручные поделки (дастидўзй), на изготовление тесемок (широз) для обшивки тюбетеек, вышивание тюбетеек, поясных мужских платков, молитвенных коври-

ков и пр. Если же вышивали шелком муяк, то тогда его скручивали в четыре нитки (чорнӯка). Тонкую шелковую пряжу, привозившуюся из Самарканда и из других городов, называли «бирешими гул». Она считалась первым шелком. Однако у Л. Ф. Костенко этим термином называется вывозившийся из Бухары шелк вроде сырца — «хомак» [23, с. 64].

Изготовленная хлопчатобумажная пряжа перед употреблением подвергалась декатировке и крахмалению. Если пряжа не окрашивалась, то оба эти процесса соединялись вместе. Если же пряжа красилась, то крахмалилась она после окраски и просушки, а декатировка проводилась самостоятельно перед окрашиванием.

Декатировка заключалась в том, что смотанную в пасмы пряжу просто кипятили в воде, отжимали и сушили, если она не шла в окраску, или же красили сырой. В последнем случае пряжу при горячем крашении кипятили не просто в воде, а добавляли в нее соответствующую протраву в зависимости от той краски, которой собирались красить пряжу.

Крахмаление производилось следующим образом: размешивали в котле некоторое количество обычной муки и, постоянно помешивая содержимое котла, доводили до кипения. Хорошо прокипятив этот получившийся мучной клейстер, называемый «ордоб», наливали его в таз (лаган); в него клали мотки пряжи и хорошо их мяли, чтобы они пропитались клейстером. Потом их вынимали, крепко отжимали и сильно встряхивали, чтобы излишки клейстера отряхнулись и нитки отделились одна от другой. После этого мотки пряжи сушили на солнце. Крахмаление придавало пряже крепость и упругость и тем самым облегчало снование основы и уменьшало обрывы ниток в процессе тканья.

Крашение выполнялось в Каратаге двумя способами: горячим и холодным. Крашением занимались местные мастера, а зачастую и сами ткачи. Холодным способом окрашивания кубовой краской — индиго до каратагского землетрясения занималось также и несколько человек среднеазиатских евреев, проживавших в Каратаге с семьями. Мастера, занимавшиеся горячим крашением, назывались «устои рангрез», а занимавшиеся холодным крашением — «кӯкчӣ» или «устои кабутгар».

В ткацком ремесле Каратага не применялось окрашивание уже сотканной материи, а красилась либо пряжа, шедшая на изготовление материи, либо уже готовая основа, красившаяся способом перевязки или резервации.

Из красителей до самой революции употреблялись в основном растительные краски: индиго, кошениль, марена, испарак, гранатовые корки и др.

Индиго, дававшее все оттенки синего цвета, от светло-голубого до темно-синего, а также применявшееся как компонент для получения зеленого и фиолетового цвета, употреблялось исключительно при окрашивании холодным способом как хлопчатобумажной пряжи, так и шелковых ниток. Им можно было окрашивать и шерсть, но в Каратаге шерсть в ткачестве не употреблялась совсем.



Индиго, или кубовая краска (нил, ранги нил), привозилось в Каратаг и вообще в Среднюю Азию из Индии. П. Небольсин писал: «Индиго, или ниль, продается теперь в Бухарии дешево, потому что, наверное, его много. Дунимсер или 20 фунтов российского веса продаются по 4 тилля, т. е. пуд от 80 до 128 рублей (видимо, ассигнациями. — *Н. Е.*). Прежде цены за лучший разбор доходили до 6 тилля за дунимсер, или 192 руб. за пуд. Бухарцы красят все свои изделия сею краскою» [39, с. 312]. У него же мы читаем, что в Бухаре были в продаже три сорта кубовой краски, а именно:

«1. Хурджа, в крупных кусках, величиною в кулак, не круглых, цена 10 тилля за пуд, т. е. 40 руб. сер. (рублей серебром.— *Н. Е.*).

2. Джама — пуре, по 8 тилля, или 32 руб. сер. пуд.

3. Гаре, по 6 тилля, или на 24 руб. сер. пуд... Индиго низкого разбора продается в Бухаре около 23 рублей за пуд» [39, с. 313].

По сообщенным нам сведениям, кубовую краску в Каратаг привозили туркмены, жившие по берегу Амударьи и получавшие, вероятно, эту краску с того берега реки. Она была кусками (кулча-кулча). Привозили ее обычно в мехах из оленьих шкур (аз пӯсти говазн). После присоединения Туркестана к России из Самарканда стали привозить краску в железных коробках (ранги қуттиги) с нарисованными на них семью головами (ҳафт калла), весом по полтора—два килограмма в коробке. Это была краска германского производства. Она считалась хорошей и очень сильной: одной коробки такой краски было достаточно для приготовления сильно концентрированного ее раствора в двух больших хумах (корчагах) из обожженной глины, в которых обычно и производилось окрашивание холодным способом, т. е. погружением окрашиваемого предмета в раствор краски или замачиванием его в краске на тот или другой отрезок времени, в зависимости от интенсивности раствора краски и цвета, который должен иметь окрашиваемый предмет.

Марена, или крап (рӯян) — краска, дававшая приятный розовый или темно-малиновый цвет, изготовлялась на месте из корней одноименного растения руян (Rubia tinctoria), разводимого специально, а также дикорастущего. На изготовление краски шли корни трехлетнего растения, которое выкапывали, сушили, размалывали и в мешках вывозили на рынки для продажи. Корни эти употреблялись для окрашивания горячим способом — кипячением в краске как шелка, так и хлопчатобумажной пряжи. По некоторым сведениям, шелк мареной не красили. Однако ряд на-

ших информаторов этого не подтвердили. Об употреблении марены для окраски шелка мы находим сведения и у А. Борнса: «... окрашивается кошенилью, крапом и эсбараком» [10, с. 259]. Измельченные корни марены предварительно замачивали в воде и кипятили; в этом отваре кипятили пряжу, предварительно обработанную протравой из отвара фисташковых галлов (бузғунч), привозившихся из южных районов современного Таджикистана, изобиловавших зарослями фисташки. Растение марена и получающаяся из него краска по-таджикски называются «рӯян».

Қошениль (қирмиз) — ярко-красная краска, употреблявшаяся главным образом для окрашивания шелка горячим способом, по словам информаторов, привозилась из Англии. Протравой при окрашивании кошенилью служили тоже фисташковые галлы.

Для окрашивания шелка в желтый цвет употребляли цветы дикорастущей травы живокость, по-таджикски «испарак» (Delfinium), в отваре которых с примесью поташа кипятили пряжу. Протравой для этой краски служили квасцы (замч), в растворе которых замачивали пряжу перед крашением. Для окрашивания в желтый цвет хлопчатобумажной пряжи употребляли тоже растущую в изобилии в диком виде траву, называемую по-таджикски «гиёҳ», причем в качестве протравы к этой краске шел медный купорос (даҳани фаранг), в растворе его мочили пряжу перед окрашиванием. Вместо купороса с той же целью употребляли иногда квасцы или поташ.

Черную краску приготовляли из старых железных предметов: гвоздей, обломков сельхозорудий, которые заливали в каком-либо сосуде водой или рисовым отваром, добавляли немного льняного масла (равғани зағир) и все это долго держали на солнце. Потом в этом настое замачивали пряжу, прокипяченную предварительно в отваре веток кустарника «татум», служившем протравой. А. Борнс сообщает, что «черная краска добывается из железных опилок, опускаемых на целый месяц в воду, в которой варился рис» [10, с. 259]. Черную краску приготовляли и из гранатовых корок.

Все эти натуральные красители, применявшиеся в ткацком ремесле Қаратага, позволяли получать основные, так сказать, канонизированные семь тонов цветовой гаммы: красный (с оттенками — розовый, оранжевый), желтый, зеленый, синий—голубой, фиолетовый и черный, белым же служил цвет самого материала — шелка или хлопка. Оттенки получались путем концентрации или, наоборот, уменьшения концентрации раствора краски, увеличения или уменьшения времени окраски.

Мастера горячего крашения не имели особых помещений или мастерских для занятия своим ремеслом. Все их оборудование состояло из пары котлов и нескольких лоханей (тағора, лаган) или других сосудов. Обычно весь этот процесс происходил на



открытом воздухе в одном углу двора, в лучшем случае — под навесом. О мастерах кубового крашения этого сказать нельзя, так как их производство требовало довольно сложных условий.

По сообщению мастера, жителя Қаратага Усто Пир-боя, сына Усто Нодира (1886 г. р.), занимавшегося в свое время кубовым крашением и научившегося этому делу у своего дяди по матери Болту-боя, который, в свою очередь, научился этому у каратагского мастера Ёдгора-кукчи, оборудование кубовой красильни требовало специального закрытого и отапливаемого в холодное время года помещения, так как для более успешной работы растворы краски должны были иметь соответствующую температуру.

Для равномерной работы красильщика, работавшего кубовой краской, было необходимо иметь четыре хума, т. е. больших кувшина или корчаги из обожженной глины: в двух из них был сильно концентрированный (маст) раствор краски, а в двух других — менее концентрированный, уже неоднократно употреблявшийся в дело и называемый «таҳғирӣ».

Қаждый хум вмещал от десяти до пятнадцати кувшинов (кӯза) воды, причем в каждый кувшин помещалось немного больше ведра воды.

На каждый хум емкостью в 10 кувшинов требовалось 4 «нимча» краски (каждая нимча, напомним, равняется примерно одному килограмму).

Краску с вечера замачивали в теплой воде в глазурованном сосуде из обожженной глины, обычно в кринкообразном кувшине с двумя ручками (хурма), и когда краска к утру делалась мягкой, ее выливали в большую поливную же лохань и растирали камнем, называвшимся «санги нилсобӣ», доливали потом водой, летом — холодной, зимой — теплой и, размешав, выливали все в хум, а оставшуюся на дне чашки густую краску опять растирали, доливали водой, давали отстояться и осторожно сливали в тот же хум. В чашке, в которой растирали краску, оставался на дне песок, и если в нем еще попадались кусочки нерастворившейся краски, то опять доливали немного воды, опять растирали камнем, отстаивали и сливали в хум. После растворения такого количества краски на дне чашки всегда оставалось около полкилограмма песку.

Разведенную краску выливали в хум, куда предварительно было добавлено с полкилограмма крупного желтого изюма (ним-нимча маизи зарди калон), а если изюма не было, то вместо него можно было положить такое же количество халвы из бекмеса тутовника (ҳалвои тутӣ) или же самого тутового бекмеса (шинии тут). Кроме того, в хум добавляли пять мискалей (250 г) хорошего поташа, называвшегося «ишқори ишрон», который привозили из Шурчи, и пять мискалей хорошей, без камней, извести

(оҳаки лахт, сангаш нест). Известь предварительно гасили, затем, взяв нужное количество, ее разводили в чашке слабым раствором краски из хума со старой краской, давали немного отстояться, чтобы камешки осели на дно, и осторожно сливали в хум. После того как в хум были положены все три предмета: изюм, поташ и известь, в него сливали растертую и разведенную краску. Все содержимое хума в течение трех дней перемешивали палкой по три раза в день. Через три дня краска поднималась, начинала бродить (се рӯзба нил мехезад, маст мешавад) и становилась готовой к употреблению.

Таким образом приготавливали свежую краску в двух хумах, причем в одном краску делали более интенсивного цвета (сиёҳ), а в другом — менее. Во время приготовления новой краски в двух хумах крашение производилось в двух других.

Хумы вкапывались в землю в четырех углах мастерской красильщика на такую глубину, что их края выступали из земли на четыре пальца. Между ними вкапывали большой очаг (дегдон), сделанный из необожженной глины в форме открытого наверху колокола. Бока хумов, обращенные к этому очагу, оставляли открытыми, не заполняя промежутков между ними и стенками очага землей, и они таким образом обогревались в холодное время года. Очаг топили рисовой шелухой (нармаи шолӣ). В очаге сначала разводили небольшой костер из арчовой лучины (парахаи арча), потом на огонь насыпали немного шелухи, и когда она разгоралась, в очаг высыпали полмешка шелухи. Она медленно тлела и поддерживала в очаге ровную температуру. От очага тепло сообщалось хумам с краской через их стенки, соприкасавшиеся со стенками очага. Полмешка шелухи хватало на три дня. Очаг топили только в зимнее время.

Перед окраской хлопчатобумажной пряжи в индиго ее предварительно кипятили в воде, вынимали, отжимали и отбивали деревянной колотушкой (кӯвак) на плоском камне (товасанг). После этого мотки встряхивали, отчего все нити разделялись. Благодаря этому окраска ниток в мотках получалась ровной. Мотки влажными погружали в краску и руками перебирали пасму за пасмой. Продержав пряжу полагающееся время в краске, мотки вынимали, отжимали и развешивали для просушки. За окраску одного «маштут» основы, из которого выходило 20 пар кусков материи и на который шло примерно 8—10 кг пряжи, красильщик получал с заказчика пару кусков сотканной из этой основы материи (як чӯра кор), достаточных, чтобы сшить один халат. За окраску пряжи утка для такого же количества основы красильщику тоже платили «як чӯра кор». Однако эту материю, которая предназначалась на оплату труда красильщика, последний фактически не получал — ее сами же заказчики откупали у красильщика за деньги.



Число мастеров-красильщиков было довольно велико. Так, тот же информатор Усто Пир-бой сообщил, что известными красильщиками из жителей Каратага были, например, его дядя Болту-бой, Ёдгор-кӯкчи, Усто Саид, которого еще звали Саид-кӯса (Саид безбородый), Усто Шукур, Мелибой-арбоб, Усто Азим и др.

После окраски пряжи наступала очередь снования основы. Эту операцию чаще всего выполняли сновальщики (кортан). Не каждый ткач умел это делать сам и приглашал сновальщика. Некоторые специалисты этого дела составляли и новые расцветки полосатых материй. Для этого они наматывали цветные нитки на палочку в различных комбинациях и после того как у них получалась такая комбинация, которая нравилась не только им самим, но и всем, кому они показывали новый образец, в том числе и широкому кругу ткачей, новая расцветка получала путевку в жизнь, нося обычно имя того, кто ее придумал. Отсюда и получились такие названия алачи, как «абдушаидӣ», «маҳмадшой» и др.

Сновальщик работал на дому у заказчика и плату свою получал деньгами, а кроме того, получал и питание во время работы.

Иногда названия давались по преобладающим в расцветке материи цветам, как, например, алача «мускус и шафран» (мушку заъфар) в узенькие черные и желтые полоски, алача черно-пестрая (сиёҳала) в черные и пестрые полоски и т. д., или по сходству с чем-нибудь, например алача цвета кожи змеи (пӯсти мор), или же по расположению и счету ниток и полосок на материи, например алача в четыре узкие желтые полоски, перемежающиеся с черными на красном фоне (алочаи чортеғ )и т. д.

Некоторые образцы заимствовались из других местностей, Иногда при освоении производства материи с этим узором ее расцветка принимала местный колорит. Тем не менее такие материи обычно носили название той местности, откуда была заимствована их первоначальная расцветка. Например, алача байсунская (бойсунӣ) получила свое название по большому таджикскому селению Байсун (в теперешней Сурхан-дарьинской области УзССР), где ткачество было сильно развито.

Для некоторых сортов материи существовали и очень старые названия, например «сусӣ» — название полосатой материи, бытовавшее еще в начале прошлого века в Бухаре [39, с. 25].

После изготовления основы ее сматывали на палку в форме большого продолговатого клубка, называвшегося «маштут». Длина основы делалась разная, но обычно, как упоминалось, в одном маштуте бывало основы для сорока кусков материи, из пары которых можно было сшить один халат. Тогда такое количество основы называли «як чилла кор». Иногда основу делали всего на два или три халата, но это делали тогда, когда ткали материю по индивидуальному заказу. Для продажи на базаре делали

обычную длину, т. е. достаточную для двадцати «чӯра», так как алача обычно продавалась парами кусков. Исключением была шелковая алача, свертывавшаяся рулоном в один кусок, достаточный для шитья одного мужского халата или одного женского платья и называвшийся «як лӯла».

Свободный конец основы заправлялся в ткацкий станок, для чего основу сначала продевали в ремизы (гула), потом пропускали ее через гребень или бердо и закрепляли на навое — вале, на который навертывается сотканная материя. Эту заправку основы в станок, т. е. продевание нитей ее в ремизы (гулабардорӣ) и через бердо (теғкашӣ), выполнял либо специальный мастер (гулабардор, теғкаш), либо тот же сновальщик (кортан). Таким образом, нанятому ткачу, который в Каратаге назывался «халфа» или «девонабача», оставалось только сесть за станок и ткать, так как уток (пуд) тоже был уже подготовлен и перемотан женщинами на шпули (нойча).

Ткацкий станок каратагских ткачей представляет собой горизонтальный ножной станок весьма солидной конструкции, сильно отличающийся своей массивностью, размерами и внешним видом от описанного нами станка таджиков Каратегина и Дарваза [53, с. 221—224].

Ткацкий станок в целом называется в Каратаге «дӯкони бофандагӣ» (рис. 9, 1). Он монтируется на кольях с развилками на концах (ҳачча), вбитых в землю или укрепленных в положенной на землю раме. Ткач сидит на доске (шишттахта), положенной на землю, спустив ноги в яму (чаҳчаи дӯкон), в которой помещены педали —«пошвол» (рис. 9, 2), поднимающие и опускающие ремизы.

Навой (навард), так же как и некоторые другие части станка, делается из дерева твердых пород, часто из грушевого, тутового или орехового.

Имеющийся в фондах сектора этнографии Института истории АН Таджикской ССР ткацкий станок, приобретенный в 1959 г. (КП 363) и являющийся станком обычного для Каратага типа, состоит из массивного тяжелого восьмигранного навоя (рис. 9, 3) толщиной 13 см и длиной 117 см, с шириной каждой грани 5—6 см. На обоих концах навоя оставлены шипы цилиндрической формы —«гӯшаки навард» (рис. 9, 4) длиной 6 см и диаметром 3,5 см, на которых навой держится на двух столбиках с развилкой, укрепленных в деревянной раме. На одном конце вала на четырех противолежащих гранях «рахти навард» сделаны круглые отверстия — «чои қулоқ-чӯб» (рис. 9, 5), в которые вставляется «қулоқчӯб» — рукоятка для повертывания вала при навертывании сотканной материи (рис. 9, 6). Навой кладется шипами на развилки столбиков таким образом, что эти отверстия и рукоятка находятся справа от ткача.



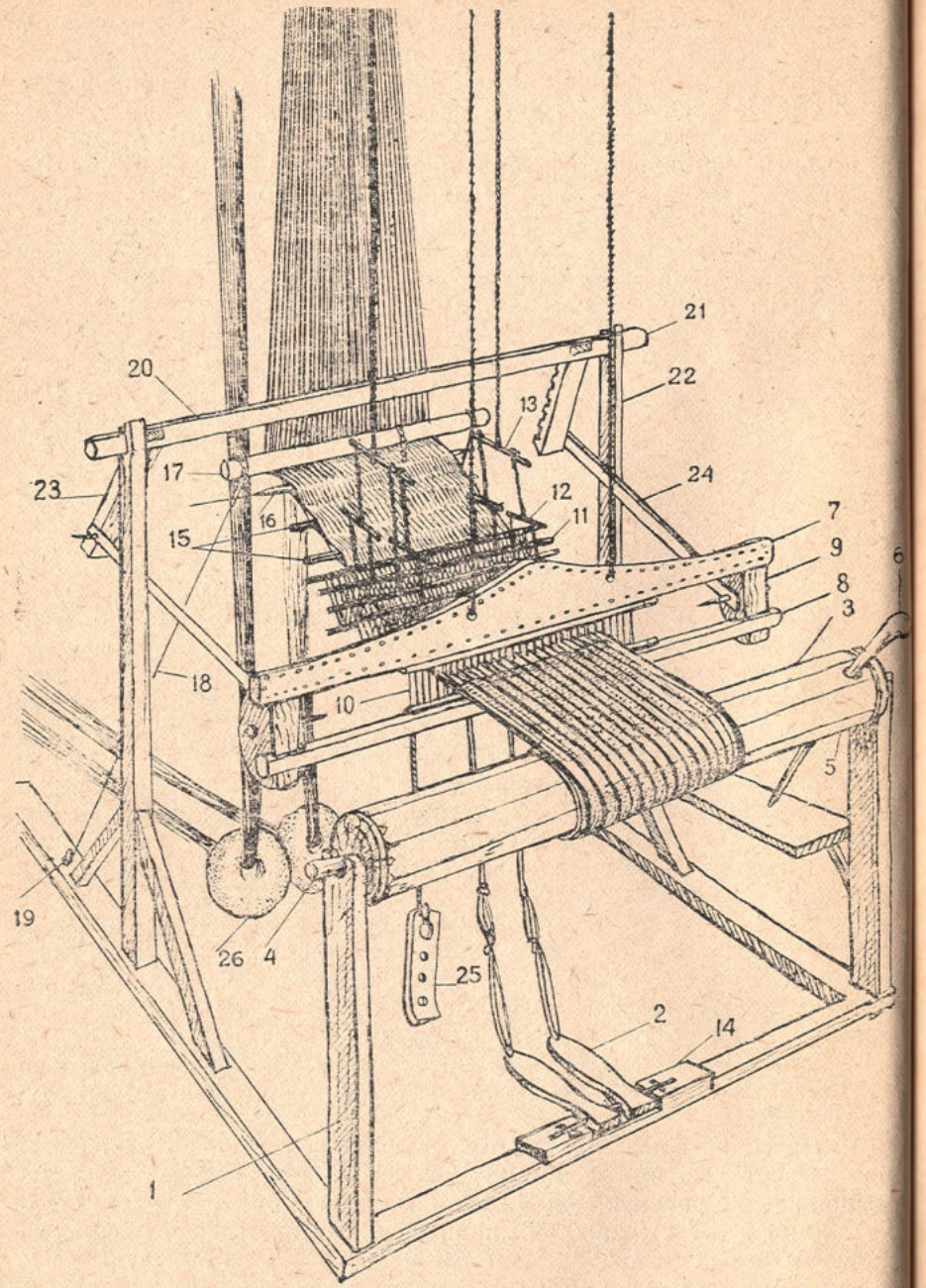
Для закрепления конца ткущейся материи на вале посредине вала, на одной его грани сделана продольная узкая прорезь — «хазинаи навард», длиной 45 см, шириной 0,8 см и глубиной около 3 см. На следующей грани на одинаковом расстоянии одно от другого сделаны четыре круглых маленьких сквозных отверстия, в которые вставляются небольшие клинья, проходящие внутрь прорези — «хазина» и прижимающие вставленный в прорезь конец материи. Эти клинья называются «сихчаи даруни хазина».

Батан — рама для прибивания утка, в которую вставляется бердо, называется «кавза» и состоит из двух досок длиной 123 см; в верхнюю доску — «саркавза» (рис. 9, 7) ввернуты два кольца, за которые рама подвешивается к потолку. Нижняя доска — «тагкавза» (рис. 9, 8) прямая, с внешней стороны плоская, а с внутренней, обращенной к ткачу, выпуклая, полукруглая. Обе доски соединены на концах поперечными брусками — «арманӣ» (рис. 9, 9) с шипами на концах. Шипы брусков входят в пазы, вырезанные в концах досок батана, и закреплены деревянными гвоздями. На внутренних, обращенных друг к другу поверхностях (боках или ребрах) обеих досок батана во всю их длину до соединительных планок вырезаны продольные пазы, в которые вставляется бердо или гребень — «теғ» (рис. 9, 10).

Гребень состоит из двух расщепленных пополам палочек. Между ними вставлены зубья из расщепленных и тонко обструганных камышинок. Эти зубья закреплены обмотанной вокруг палочек толстой ниткой. По обоим концам гребня между расщепленными концами палочек вставлены две тонкие дощечки — «зоғак», закрепленные тоже нитками. Обычный гребень имеет 53 пятерки зубьев; каждая пятерка называется «даст». В гребне описываемого нами станка 251 зуб — «дона», остальные, по-видимому, утеряны. Длина палочек, скрепляющих зубья, 36 см, длина части гребня с зубьями 28 см, ширина гребня 9,5 см. Для тканья более широких материй были гребни, имевшие до 100 пятерок зубьев. При заправке основы в станок в каждое отверстие между зубьями гребня продевается от 2 до 4 хлопчатобумажных ниток и не меньше 7 шелковых. Считалось, что у добротной алачи в каждое отверстие между зубьями гребня пропущено по четыре или, по крайней мере, по три хлопчатобумажных нитки.

Для поднятия и опускания нитей основы и образования зева — «бод», по которому пропускается челнок с уточной нитью, служат ремизы.

Ремизы, которых при тканье материй полотняного переплетения бывает две, имеют одинаковое устройство: между тремя камышинками с расщепленными концами (одной снизу и двумя сверху), длиной 37 см каждая, привязаны петли, или «глазки», из двойных белых ниток, называемые тем же термином «гула», что и вся ремиза в целом. Ремизы каратагского ткацкого станка от-




личаются от ремиз станка дарвазо-каратегинского типа тем, что у последнего ремизы имеют по одной верхней и по одной нижней палочке, на которые навязываются петли. Вероятно, увеличение числа верхних планок ремиз у каратагского станка вызвано тем, что пряжа, идущая на тканье материй в Каратаге, особенно шелковая, очень тонкая, и если петли ремизы навязывать только на одну палочку, то они будут задевать одна за другую при поднимании и опускании ремиз.

Через глазки одной ремизы пропускаются четные нити основы, а через глазки второй — нечетные. И только в крайние (боковые) глазки каждой ремизы для образования кромки материи пропускается двойная или тройная нитка основы.

Верхние палочки, или камышинки, каждой ремизы, называемые «килк» (рис. 9, 11), привязываются за концы к концам двух маленьких коромыслец—«гунчишкак» (рис. 9, 12), в свою очередь привязанных за середину к концам двух палочек-коромыслец побольше, называемых «аспак» (рис. 9, 13). Коромыслица «аспак» подвешиваются на веревочках к гвоздям, вбитым в балку потолка помещения. Вся эта система коромыслец и веревочек, посредством которых нитченки подвешиваются к потолку, называется «банду бори боло».

Снизу каждая ремиза за концы нижней камышинки привязывается веревочками к палочке «қадоқчӯб», которая соединена двумя веревочками с педалями. Эти веревочки называются «банду бори таг».

У станка каратагских ткачей имеются две педали. Они представляют собой две дощечки шелковичного дерева длиной около 32 см каждая и шириной в своей широкой части около 10—11 см, немного сужающиеся впереди. На переднем конце каждой педали

---

Рис. 9. Қартагский ткацкий станок — дӯкони бофандагӣ, КП 363: *1*—развилки—хачча; *2*—педали—пошвол; *3*—навой—навард; *4*—шипы навоя—гӯшаки навард; *5*—отверстия в навое для рукоятки—чои қулоқчӯб; *6*—рукоятка для повертывания навоя—қулоқчӯб; *7*—верхняя планка батана—сақалъза; *8*—нижняя планка батана—тагқавза; *9*—соединительные бруски батана—арманӣ; *10*—гребень или бердо—тег; *11*—камышники, к которым привязаны нитченки—килк; *12*—малое коромыслице ремиз—гунчишкак; *13*—большое коромыслице ремиз—аспак; *14*—передняя доска рамы, на которой монтируется станок—кундаи пошвол; *15*—тонкие ширители-разделители—бодқамиш; *16*—толстый ширитель—узлук; *17*—короткий оттягиватель основы—синачӯб; *18*—веревки оттягивателя—банди синачӯб; *19*—колышки для привязывания веревок оттягивателя—мехи синачӯб; *20*—длинный оттягиватель—паткол; *21*—шипы на концах длинного оттягивателя—турми паткол; *22*—стойки для длинного оттягивателя—хаччи паткол; *23*—бруски длинного оттягивателя—оринчак; *24*—планки, соединяющие бруски длинного оттягивателя с рамой-батаном—шамшерак; *25*—малое грузило—олтиошук; *26*—большое грузило—борсанг

просверлены два отверстия. В них продет двойной сыромятный ремень, концы которого снизу педали завязаны узлом. Непосредственно за отверстием на педали сделан поперечный полукруглый выступ шириной около 4 см и высотой около 2 см, служащий для упора ноги. На задних концах педалей снизу сделаны полукруглые вырезы-желобки, которыми педали накладываются на стержень, укрепленный в деревянной раме, положенной на землю и называемой «кундаи пошвол» (рис. 9, 14).

Ремизы и служащие для их поднимания и опускания педали с системой соединительных завязок и коромыслец являются основным механизмом ткацкого станка, необходимым для перемещения зева основы. Когда ткач нажимает ногой на одну из педалей, ремиза, прикрепленная к этой педали, опускается и оттягивает вниз ряд пропущенных через нее нитей основы. Вторая ремиза, наоборот, поднимается и поднимает ряд своих нитей основы. При этом образуется зев, в который и пропускается челнок с утком. При нажимании второй педали, наоборот, опускается ряд нитей первой ремизы и поднимаются нити, пропущенные через вторую ремизу, и т. д.

Для того, чтобы основа не запутывалась, в нее сзади ремиз (по направлению от навоя) на небольшом расстоянии вставляются поперек специальные ширители-разделители, которые отделяют слой четных нитей основы от нечетных. Их бывает обычно три. Сначала вставляются два разделителя — «бодқамиш» (рис. 9, 15), представляющие собой гладко обструганные тонкие палочки, а после них вставляется «узлуқ» (рис. 9, 16) — довольно толстая, около 4 см в диаметре, выточенная на токарном станке палка со сточенными на конус концами. После этого основу оттягивают вниз для придания горизонтального положения всей части основы между навоем и последним разделителем. Это делается посредством точеной же палки, называемой «синачӯб» (рис. 9, 17), толщиной тоже около 4 см, длиной около полуметра, с двумя зарубками на концах. Эту палку кладут на основу и двумя веревками с петлями на концах, надетыми на концы палки с зарубками и называемыми «банди синачӯб (рис. 9, 18), сильно оттягивают вниз. Концы веревок привязывают либо к вбитым в землю колышкам — «мехи синачӯб» (рис. 9, 19), если станок смонтирован на вбитых в землю кольях, либо к гвоздям или петлям, вбитым в раму, если станок смонтирован на деревянной раме. После этого основа пропускается под брусок «паткол» (рис. 9, 20), лежащий концами на задних стойках станка, и поднимается кверху, к потолку, так как размеры помещений, в которых устанавливается станок, обычно невелики.

«Паткол» представляет собой квадратный в поперечном сечении брусок из дерева твердой породы со скругленными шипами — «турми паткол» (рис. 9, 21) на концах. Этими шипами брусок



кладется в развилки задних стоек станка, называемых «ҳаччи паткол» (рис. 9, 22). В бруске неподвижно закреплены два коротких брусочка — «оринчак» (рис. 9, 23), соединенных подвижно на деревянных или металлических гвоздях с планками — «шамшерак» (рис. 9, 24). Эти планки другими своими концами соединены так же подвижно с батаном. Таким образом, когда ткач отводит от себя батан, планки «шамшерак» продвигаются в горизонтальном направлении вперед (от ткача) и отводят вперед же скрепленные с ними нижние концы брусочков «оринчак», которые при этом немного повертывают брусок «паткол». При обратном движении, когда ткач для прибивания только что пропущенной нити утка притягивает к себе батан, планки приходят в исходное положение.

Качающийся брусок «паткол» с брусочками «оринчак» и планками «шамшерак», приводимый в движение батаном, регулирует движение последнего и способствует равномерному прибиванию нити утка. При правильной установке ось вала ткацкого станка, батан и брусок «паткол» должны быть строго параллельны один другому.

К бруску «паткол» посередине подвешивается на веревке сравнительно небольшое грузило «олтиошуқ» (рис. 9, 25) так, что веревка проходит поверх последней палки-ширителя, называемой «узлуқ», и оттягивает ее назад. Грузилом служат камни с просверленным отверстием, иногда затейливо обтесанные и даже украшенные резным орнаментом, иногда просто какой-нибудь тяжелый предмет.

Как уже говорилось, основа, пропущенная под бруском, поднимается потом вверх, к потолку помещения, и перекидывается через блок, укрепленный на одной из балок потолочного перекрытия.

Блок называется «ғарғара». Он состоит из деревянной катушки, выточенной на токарном станке и называемой тоже «ғарғара». Она насаживается на деревянную ось — «нӯлчӯб». Катушка вставляется в станочек, называемый «ҳалоҷии ғарғара». Он представляет собой довольно толстую дощечку длиной около полуметра и шириной сантиметров десять, в которой укреплены две стойки из дощечек такой же ширины и толщины и длиной сантиметров 12. В стойках просверлены одно против другого круглые отверстия, в которые вставляется ось катушки. Все это прикрепляется к потолку вниз катушкой и несущими ее стойками. При перекидывании основы через этот блок ось катушки выдергивается из отверстий, основа кладется на катушку, и последняя уже с основой опять надевается на ось и укрепляется в стойках.

На тулове катушки посередине сделан небольшой выступ, проходящий вокруг всего тулова. Он делит основу пополам. Бортики катушки возвышаются над ее туловом на два сантиметра.

Иногда, когда ткут более широкую материю, на блоке устраивают две катушки, и тогда блок называют «қушғарғара», т. е. двухкатушечный.

Перекинутый через блок конец основы спускается потом вниз и оттягивается подвешиваемым к основе тяжелым грузом, называемым «борсанг» (рис. 9, 26). Он подвешивается так, чтобы при натяжении основы не касался земли. Остальная основа смотана в клубок и либо подвешивается где-нибудь рядом, либо кладется в нишу и т. д. По мере тканья грузило при наворачивании на вал сотканной материи поднимается. Тогда ткач, приостановив работу, опускает грузило опять почти до земли и продолжает работу.

Челнок ткацкого станка — «моку» делается из рога дикого козла (шохи оху) или из рога крупного скота (шохи гов). Челнок имеет форму лодочки. Внутренняя часть ее называется «ной-чахона». В нее вставляется «ислиқ» — ось из проволоки. Одним концом ось вставляется в сделанное углубление — «чои ислиқ», а другой ее конец вкладывается в прорезь, тоже называемую «чои ислиқ», и закрепляется там концом острия птичьего пера (пар), вставляемым в поперечное по отношению к прорези круглое отверстие (чои пар). Носики челнока называются «нӯки моку», а бока — «қабурғаи моку». Сделанная из камышинки шпуля (ной-ча) с намотанными на нее нитками утка надевается на проволочную ось «ислиқ» и вкладывается в челнок, а конец нитки выводится из челнока наружу через проделанное в его боку отверстие.

При тканье ткач одной рукой пропускает челнок в зев, а другой — прибивает бердом нить утка, подхватывает челнок и пробрасывает его обратно.

По мере готовности материи ткач навертывает ее на навой, повертывая его рукояткой на себя. Один слой материи, навернутой на навой, называется «як лой». Когда ткач соткет столько слоев материи, сколько нужно для одного куска, он отрезает ее и складывает в кусок, потом заправляет в навой конец оставшейся в станке материи и продолжает работу, пока не потребуется опять срезать ее.

Количество слоев материи, достаточное для одного куска, зависит от толщины навоя. Иногда бывает достаточно только 12 слоев, а иногда, если навой несколько тоньше, 14 слоев.

В старину, примерно до конца восьмидесятых годов прошлого века, все материи в Қаратаге ткались шириной «як вақабу чор ангушт» —в четверть аршина и четыре пальца, что составляло примерно 6 вершков, или 27,5 см, и складывались в куски (тоқа) по 8 гязов в каждом. П. Небольсин, описывая вывозившиеся из Бухары в Россию материи, говорит, что мата или бязь, а также и лучшие полушелковые материи «сусы и кутни» ткались шириной 6 вершков. Мата складывалась и продавалась кусками от 16 до 21 аршина каждый, а полушелковые материи продавались па-



рами кусков, причем в каждом куске было по 8 или 9 аршин [39, с. 273, 283].

Л. Ф. Костенко тоже сообщает, что выделывавшиеся в Туркестанском крае материи из крашеных ниток, называемые им зендель, суса или алача, каляма, как и мата для выбойки, ткались 6 вершков шириной, причем большинство их складывалось в куски длиной по 18 аршин [23, т. 3, с. 36—37].

Гяз — довольно неопределенная мера длины, бывшая в употреблении в Средней Азии до вхождения в обиход русского аршина, а потом и метра. Сводка размеров гяза по Средней Азии на основании актовых документов и литературных данных сделана Е. А. Давидович [16а, с. 110—116]. Считаем целесообразным несколько дополнить ее. А. Ю. Якубовский считал гяз для XVI—XVII вв. равным одному локтю [58, с. 452]. У Вл. Даля мы находим локоть равным 14 вершкам, т. е. примерно 62 см [17, с. 264], а у С. И. Ожегова локоть равняется 0,5 м [41, с. 289]. Л. Ю. Маньковская, исследовавшая архитектурный памятник мечеть-мавзолей Ахмеда Яссави в г. Туркестане, построенный при Тамерлане в конце XV в., пишет: «Книга побед» Тимура, повествуя о закладке этой «основательной постройки», приводит размеры ее главных помещений: гурхана — 12 гязов (или кары), джама атхана — 30 гязов... При делении среднеарифметических размеров сторон казанлыка (или джамаатхана — центрального зала. — *Н. Е.*) на 30 и гурханы на 12 гязов получаем величину гяза равной около 60,6 см» [34, с. 11—12]. Накануне революции гяз шариатский в Ходженте равнялся «ҳафт қабзаю як асбаи коим», т. е. семи обхватам палки кистью руки, причем в последний, седьмой раз, обхватив палку, нужно было поднять большой палец руки. Это составляло примерно 68 см [19, с. 32]. И. Д. Ягелло в своем словаре слово «гяз» переводит как «аршин, ярд для измерения материй; фут» [57, с. 1311], а Б. В. Миллер это слово переводит как «мера длины, равная приблизительно 3 футам», и в то же время в этой же словарной статье глагол «гяз задан» переводит «мерить гязом (аршином)», т. е. приравнивает гяз к аршину [37, с. 423]. А. К. Писарчик приводит в своей статье длину различных гязов, употреблявшихся ферганскими мастерами-строителями [42а, с. 236—242].

В первой половине XIX в. в Бухарском ханстве бытовал гяз, равный примерно метру. Н. Ханыков писал, что «...гяз есть мера, имеющая длиною расстояние от оконечности носа до оконечности указательного пальца в вытянутой руке (что равняется примерно полутора аршинам или одному метру)» [56, с. 113]. Такой гяз бытовал до самого последнего времени в кишлаках Дарваза, где он считался равным половине маховой сажени (нимқулоч) и отмечен там нами в 1964 г. [53, с. 227—228]. В Каратегине в то же время гяз равнялся двум маховым саженям [53, с. 227—228]. Пе-

ред революцией гяз в Каратегине и Дарвазе был, по-видимому, приравнен к русскому аршину, на который продавались проникавшие во все уголки Средней Азии русские фабричные ткани, и местные ткани тоже стали складываться по 12 аршин в куске. В 1954 г. нами было приобретено в Дарвазе для Института несколько кусков материи местного кустарного изготовления, и все они были сложены по 12 аршин в куске. В то же время в Дарвазе, в одном из самых дальних и глухих кишлаков — в Пшихарве, нами был куплен один деревянный гяз, называвшийся местным населением «чӯбгаз», и он оказался равным 81 см (хранится в фондах Музея этнографии Академии наук Таджикской ССР, КП № 156—182). А в 1956 г. в Дарвазе же, в к. Зыгар, был куплен «чӯбгаз», равный 163 см или одной маховой сажени (хранится там же, КП № 273—283). По сведениям, сообщенным нам научным сотрудником Института истории А. Давыдовым, в кишлаках по верхнему течению Зеравшана, где ему довелось работать, гяз тоже равнялся маховой сажени, но кроме него в употреблении был и гяз в две маховых сажени, как и в Каратегине, и назывался он «женским гязом» (гази занона).

В Каратаге гяз считался равным расстоянию от концов пальцев вытянутой руки до середины груди, т. е. примерно 83,5 см. Таким образом, кусок ткани в 8 гязов равнялся примерно 9 аршинам, а пара кусков как раз и составляла 18 аршин — обычную меру среднеазиатских тканей кустарного производства. На Западном Памире, где нам довелось работать в начале 60-х годов, в ущелье Шахдары сукно для халатов ткали шириной в одну четверть и четыре пальца (як вачабу чор ангушт) и сматывали рулоном длиной 8 маховых саженей (ҳашт қулоч), т. е. 16 гязов бухарских — обычная мера, употреблявшаяся для пары кусков (як чӯра) материи, требующихся для шитья одного халата.

Исключение из правила ткать материи шириной в четверть и четыре пальца составляла хорошо известная по Средней Азии гиссарская шелковая алача, одноцветная, полосатая и с разводами. Она первоначально ткалась тоже узкой, но потом, примерно с конца прошлого века, ее стали ткать шире и называли ее «олчинбар», т. е. «шириною в аршин». У А. Гребенкина [15] среди названий материй, изготовлявшихся в Самарканде и его округе в конце прошлого века, встречается и полушелковая материя «алчимбар» (несомненно, «олчинбар». *Н. Е.*). Видимо, это название появилось в Средней Азии после присоединения Туркестанского края к России, вместе с русскими мерами длины, а потом оно распространилось в Бухаре, в том числе и в Гиссаре.

Гиссарскую шелковую алачу свивали рулоном, как свивали холсты в русских деревнях, и каждый такой рулон, имевший в длину 12,5 аршин, назывался «лӯла». Из него выходил один мужской халат или одно женское платье. Собранные опросные



сведения дают основание предположить, что шелковая алача двух первых видов, т. е. одноцветная и полосатая, называвшаяся также «хосагӣ», издавна производилась в крае и представляла собой, по-видимому, ту бухарскую чисто шелковую материю «дорой», которая в середине прошлого века вывозилась на рынки восточной части Европейской России*.

П. Небольсин пишет, что из чисто шелковых материй, завозившихся из Средней Азии, в России была «...известна пока только одна бухарская дараи (редко, впрочем, в кусках к нам доставляемая), материя с узенькими полосками, а иногда и гладкая одноцветная с претензиями на двуличность» [39, с. 291]. Это определение вполне подходит к гиссарской шелковой одноцветной и полосатой алаче, тоже двуличной.** В то же время из изготовлявшихся двуличных шелковых материй в Средней Азии были известны, кроме гиссарской алачи, бухарский канаус «шоҳӣ», да тонкие и довольно плотные шелковые материи, гладкие, в полоску и, реже, клетчатые, ткавшиеся в Ташкенте, Самарканде и в городах Ферганы и называвшиеся тоже «шоҳӣ». Но, по-видимому, изготовление их развилось гораздо позже, примерно в конце прошлого и особенно в начале этого века. Что касается производства в г. Бухаре чисто шелковой алачи, о чем пишет О. А. Сухарева [51, с. 62—63] ,то образцов такой материи в фондах Института истории, обладающего довольно обширной коллекцией тканей бухарского происхождения, нет, и, несмотря на наши розыски и расспросы на эту тему, такой алачи мы пока не обнаружили, а все образцы одежды из превосходной китабской и каршинской алачи, по фактуре очень сходной с бикасабом, только подтверждают, что алача в этих крупных центрах кустарной промышленности Бухарского ханства была полушелковой — основа шелковая, а уток хлопчатобумажный. В Бухаре была широко известна и пользовалась большим спросом материя «ҳисорӣ», но это была та же гиссарская шелковая алача. Может быть, ее и имела в виду О. А. Сухарева?

Возвращаясь к производству гиссарской шелковой алачи в Каратаге, нужно сказать, что если изготовление гладкой и полосатой алачи бытовало издавна, то тканье алачи с абровым рисунком возникло здесь сравнительно недавно, в то время как производство материй с абровым рисунком существовало в Средней Азии, по-видимому, давно. Еще в первой половине XIX в. чинов-

---

* Термином «дорой» О. А. Сухарева называет ткань-полуфабрикат из неотваренной грежи, которая шла на изготовление тонких женских головных платков «қалғай», для чего эта ткань подвергалась специальной очень сложной обработке [51, с. 67].

** В Каратегине и Дарвазе редко, но ткали белую шелковую материю типа карбоса или холста, которую тоже называли «дорой» или «қазин» [53, с. 225].

ник Оренбургской таможни Генс в своих записках, использованных потом Небольсиным при написании «Очерков», писал о вывозившихся из Бухары материях адряс или подшои «с разного рода неправильными и волнистыми пестрыми узорами» [39, с. 292].

По словам наших информаторов — каратагских старожилов, «аурмонй», т. е. изготовление шелковой двусторонней абровой алачи, в Каратаге впервые было начато неким кокандским жителем Мулло Хошимом, прозванным Ходжи Уртоком. Мулло Хошим был, будто бы, махрамом, т. е. приближенным кокандского хана, и после завоевания ханства русскими войсками бежал из Коканда, попал какими-то путями в Каратаг и, найдя здесь оживленное и широко развитое производство кустарных тканей, в том числе и чисто шелковых, что было уже высоким классом для производства того времени, занялся изготовлением тканей с абровым орнаментом, используя при этом, вероятно, свои знания по изготовлению таких тканей у себя на родине. Если это так, то начало изготовления в Каратаге шелковой алачи с абровым рисунком следует отнести к восьмидесятым годам прошлого столетия — Кокандское ханство было ликвидировано в 1876 г. Говорили также, что Ходжи Урток, прожив в Каратаге несколько лет, опять уехал на родину, но почему-то не остался там, а вернулся в Каратаг и поселился здесь навсегда. Умер он уже глубоким стариком вскоре после установления в Таджикистане Советской власти.

По другой версии, абровую алачу первым стал ткать один из местных ткачей по имени Одина-бойбача примерно в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века. Потом искусство орнаментации шелковой алачи абровым рисунком посредством перевязки основы перед крашением переняли и другие каратагские ткачи. Изготовление этих тканей быстро получило широкое распространение. Г. Е. Грум-Гржимайло, в начале восьмидесятых годов побывавший в Каратаге и Гиссаре, писал, что уже тогда там выделывалась и широко расходилась по стране гиссарская шелковая алача — «самая плотная и добротная из всех шелковых тканей, которыми Бухара снабжает весь Восток» [16, с. 104].

Многие каратагские мастера стали известны как искусные ткачи этой материи. Они создали сами новые узоры, которых не было в Бухаре, почему гиссарская алача и явилась для жителей больших городов ханства новинкой и быстро вошла в моду. Среди мастеров абровой алачи особенно прославился оригинальными рисунками некий Рузи-тайёр (Рузи «готово»), получивший это прозвище за привычку отвечать заказчикам «готово», в то время как к выполнению заказа он еще и не приступал. Про него говорили, что при составлении своих рисунков для алачи он брал в основу окружающие его предметы, явления природы, месяц, луну,



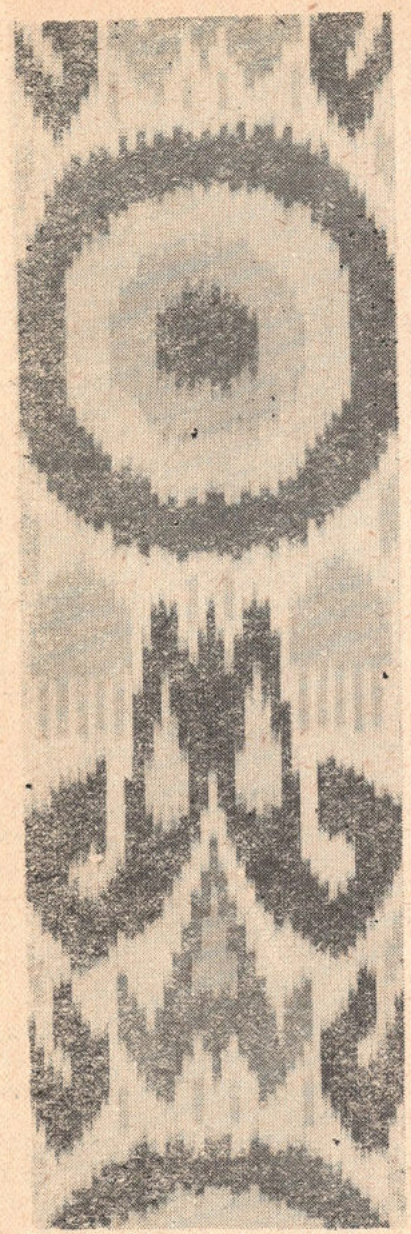




Рис. 10. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи, КП 414/7, ширина ткани 45 см

Рис. 11. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи, рисунок снят с женского платья КП 650/3, ширина ткани 30 см

звезды, цветы и прочее и, творчески используя их, составлял новые узоры. Существовали узоры «мортоб» — извивающийся змей, «дойрагул» — круглый цветок, «садбарггул» — роза, «мехроб» — стрельчатая арка, ниша, «кушмехроб» — двойная ниша, «чорхишт» — четыре кирпичика, «панча» — пятерня и многие другие (см. рис. 10—18). Узоры сначала рисовали на бумаге, а потом уж переводили их на основу, после чего она резервировалась и подвергалась крашению.

Алача «хосаги» ткалась, как уже отмечалось, одноцветной и полосатой. Гладкая называлась «хосагии якранг» или «хосагии тахта». Иногда уток и основа были одного и того же цвета, а иногда — разного, отчего материя получала новый оттенок, который крашением получить было нельзя. Например, если основу делали темно-фиолетовой, а уток ярко-синим, то материя приобретала глубокий синий цвет теплого оттенка.

Полосатая материя «хосаги» носила различные названия, смотря по ширине полос. Например, «хосагии лилиги» называли алачу в узкую белую и черную полоску, шириной в два отверстия гребня ткацкого станка каждая, т. е. примерно 2 мм. Для пошива мужских халатов чиновной знати в большом употреблении была алача в две полосы шириной в половину полотнища материи каждая, причем одна полоса делалась красной, а другая — желтой, или красной и белой и т. д. Иногда между этими двумя широкими полосами пропускали одну или несколько узких полосок другого цвета. Был особый сорт такой алачи в две широкие полосы. Ее ткали двумя челноками, в которые заправлялись шпули с шелком такого же цвета, какого была широкая полоса. Например, если алача была в две широкие полосы, из которых одна была желтая, а другая малиновая, то и в челноки заправлялся уток такого же цвета. При тканье сначала пропускали до середины полотнища уток такого же цвета, какого цвета была эта половина полотнища, а с другой стороны, ему навстречу, пропускали челнок с утком цвета другой полосы, т. е. другой половины полотнища. На середине полотнища челноки встречались, их нити задевались одна за другую и челноки возвращались в исходное положение, и потом все это повторялось сначала. Такую алачу, сотканную с утком двух цветов и двумя челноками, называли «путгардон», т. е. с возвращающимся утком. Этот способ тканья, довольно кропотливый, применялся редко. Целью его было получение чистых тонов, так как в гиссарской алаче, ткавшейся из сравнительно грубых ниток, уток другого цвета всегда просвечивал через основу и придавал материи несколько другой оттенок, чем цвет пряжи основы.

В начале XX в. в Каратаге были сделаны попытки ткать шелковую материю с золоченой нитью «калобатун». Она называлась «хосагии якрӯ», т. е. хосаги односторонняя, и ткалась с



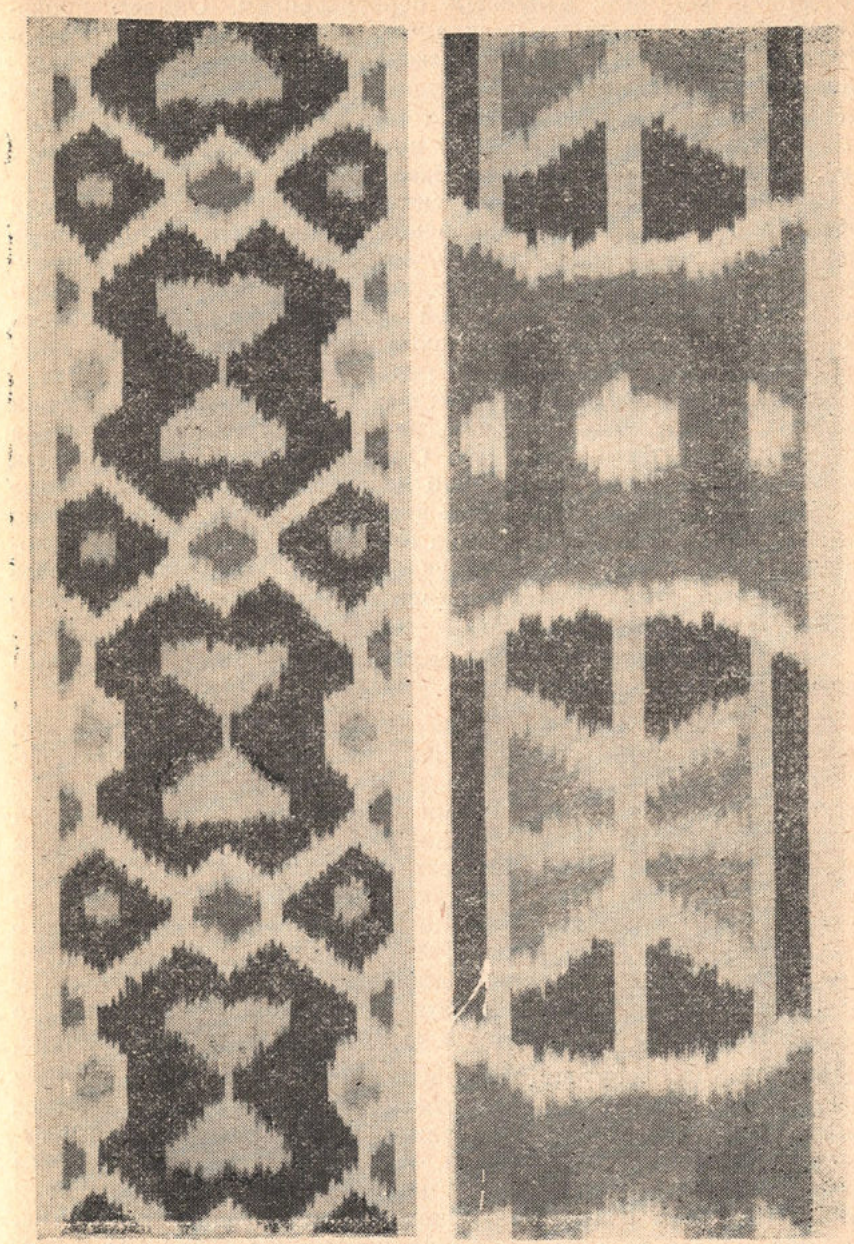


Рис. 12. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 642/27, ширина ткани 45 см

Рис. 13. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 254, ширина ткани 44 см

четырьмя ремизами с атласным переплетением. Однако производство такой материи не получило развития, может быть, потому, что начавшаяся война царской России с Германией нарушила нормальную жизнь и затруднила получение необходимых материалов, а может быть, и потому, что получавшаяся парча не отвечала вкусам потребителей или не могла конкурировать с завозившейся в край парчой русских фабрик.

По словам информаторов, носить одежду из шелковой алачи простым смертным не разрешалось, и вся продукция сдавалась правителю, т. е. гиссарскому беку, который переправлял ее в Бухару. Ежегодно вместе с податью, полагавшейся с бекства эмирской казне, и с подарками, к ней прилагавшимися, отсылалось в подарок (тортук) эмиру и несколько яхдонов (кожаных сундуков) гиссарской шелковой алачи первого разбора.

Если кто в нарушение запрета шил себе из такой материи халат или другой какой-либо предмет одежды, то этого человека наказывали палочными ударами. Однако потом, после того как «царское правительство заключило договор с эмиром бухарским» (вероятно, информаторы имели в виду соглашение 1894 года, по которому Бухара была объединена с Россией в таможенном отношении и русские подданные получили право свободно торговать по всей Бухаре и приобретать в ханстве недвижимое имущество), это положение было отменено.

Ассортимент хлопчатобумажных тканей, часто с примесью шелка, был гораздо шире.

Прежде всего нужно упомянуть белую хлопчатобумажную ткань хоса, или карбос, шедшую на шитье мужского белья, мужские поясные платки и пр. Эта материя употреблялась также местными мастерами-набойщиками (читгар) для изготовления набойки, шедшей на подкладку халатов, на одеяла, дастарханы и пр. Хоса ткалась из пряжи местного изготовления. Тканье ее было обычно первой самостоятельной работой, выполнение которой мастер поручал ученику после довольно продолжительного периода ученичества, на хосе ученики учились ткать. Во время ученичества ученик выполнял лишь всякие подготовительные работы, а также домашнюю работу в доме мастера, вплоть до выгребания золы из очага и ухода за маленькими детьми мастера.

По-видимому, хоса широко расходилась по стране, попадая даже на рынки центральной части Бухарского ханства, где ее скупали перекупщики и отправляли за границу, в восточные губернии европейской части России. У П. Небольсина мы находим сведения, что некрашеная бязь, или мата (то же самое, что и хоса), в огромном количестве вывозилась из Средней Азии. Так, он пишет, что «в течение последних десяти лет привезено к нам (маты. — *Н. Е.*) ... из Средней Азии всего около 1 600 000 кусков, из



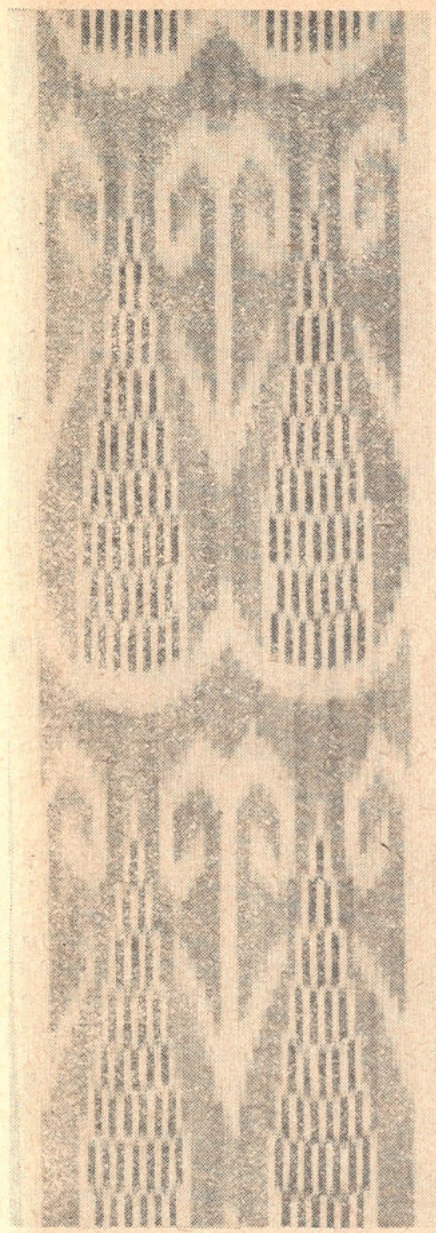




Рис. 14. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 407/13, ширина ткани 50 см

Рис. 15. Образец абрового орнамента каратагской абровой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 346/6, ширина ткани 46 см.

них 1182108 кусков ...на 558488руб. 05 коп. серебром доставлено к нам из Бухары» [39, с. 276].

Таким образом, производство маты было развито в ханстве очень широко, так что не только удовлетворяло местную потребность, но и давало излишек для экспорта. Бухарская мата считалась лучше хивинской и ташкентской. Сейчас эта материя в Каратаге не производится.

В настоящее время в Каратаге выделываются следующие виды материй:

«Алочаи сиёҳала» или «кори сиёҳала»* — полосатая материя в семь довольно широких (1—2 см) полос красного цвета, между которыми идут довольно узкие полоски (около 0,8 см) зеленого и черного цвета, перемежающиеся узенькими, в 3—4 нитки основы, полосками красного, белого и черного цвета. Красные полосы делаются из натурального, теперь часто искусственного шелка, остальные — хлопчатобумажные. Кромка черная, шириной около 4 мм. Эта материя одна из самых популярных, особенно среди узбеков Гиссарской долины. Из нее шьют мужские халаты, а главным образом — женские шаровары, платья и халаты «яхтак», накидываемые женщинами на голову. У узбеков два куска этой материи являются обязательной частью подарков — «тӯққуз» — жениха невесте. У таджиков из такой материи шьют только мужские халаты и только иногда — для старых женщин.

Ткачи Каратага изготовляли также еще три разновидности этой материи. Различались они только расцветкой и шли большей частью на предметы женской одежды. Назывались они «кори сафедала» и «кори калбакала». В настоящее время их не выделывают. Основа у них была смешанной — некоторые полоски делались из шелка.

«Чортеғ», «алочаи чортеғ» или «кори чортеғ» — полосатая материя в красные полоски шириной 1 см, перемежающиеся четырьмя черными узкими (около 1,5 мм) полосками (отчего материя и получила свое название), между которыми пропущены такие же узкие полоски: две (по краям) оранжевые или желтые и одна (в середине) белая. Кромка черная. Раньше эту материю ткали кое-где, например в соседнем крупном кишлаке Дашнабаде, целиком из шелка. В настоящее время шелковыми делают только красные полоски, а все остальное из хлопчатобумажной пряжи. Уток черный. Материя эта идет на шитье халатов.

«Кори абдушаидӣ» — полосатая материя в черные, белые и красные полоски, кромка черная. Красные полоски основы делаются из шелка, остальные — хлопчатобумажные. Уток двухцвет-

* Сейчас эти материи чаще называют не «алоча», а «кор», например, «кори сиёҳала».



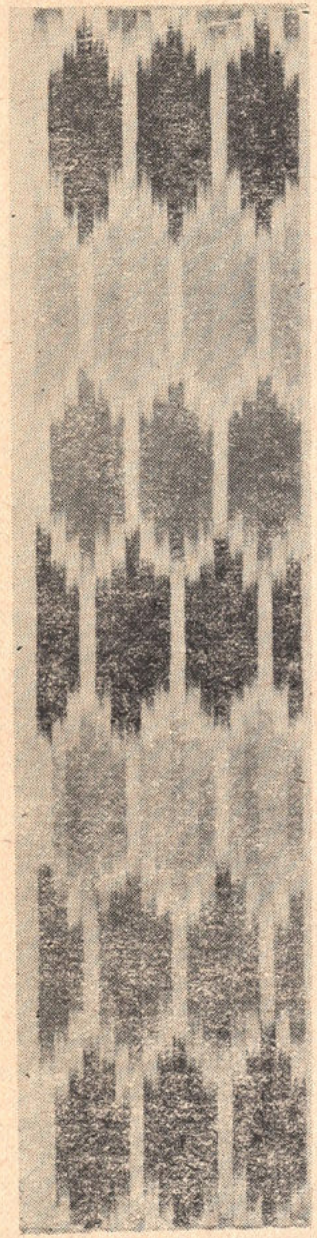




Рис. 16. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с платья КП 153/1, ширина ткани 32 см

Рис. 17. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 494/12, ширина ткани 40 см

ный — красный и черный, хлопчатобумажный. Материя ткется двумя челноками: один с красным утком, другой — с черным. Пропустив один челнок четыре раза, ткач пропускает четыре раза другой челнок. Так как уток просвечивает через основу, то материя получается в чуть заметно проступающую клеточку. Эта материя до сих пор производится довольно часто и идет на шитье легких, без стежки и без подкладки, мужских халатов, называемых «чалак», откуда и ее второе название «чалакӣ» (КП 346/2).

«Алочаи чиғӣ» — хлопчатобумажная материя в продольные черные и темно-малиновые полоски шириной в 0,5 см каждая. Уток черный. Эта материя имела и имеет большой спрос у местного узбекского населения и идет специально на пошив женских шаровар. Пара кусков этой материи обязательно входят в число подарков жениха невесте. Иногда малиновые полоски делались из шелка (КП 451/2).

«Алочаи сиёҳкор» — материя в темно-малиновые (из шелковой пряжи) и черные (из хлопчатобумажной) полоски шириной 0,5 см каждая. По середине черной полоски проходит узенькая желтая шелковая полоска. Уток черный хлопчатобумажный. Ткань идет на шитье мужских стеганых халатов для пожилых людей. Иногда всю основу делали шелковой. По рассказам информаторов, это делали в Дашнабаде (КП 444/6).

«Алочаи мушку заъфар» — «мускус и шафран» — материя в узкие продольные желтые и черные полоски, идущая на мужские стеганые халаты и на женские накидываемые на голову халаты — «паранджа» с ложными закинутыми за плечи рукавами. Обычно желтые полоски — шелковые, а черные и черный же уток — хлопчатобумажные. Иногда и всю основу делали из шелковой пряжи, уток же всегда делался хлопчатобумажный. Ширина полосок тоже бывала различной, до 1 см. Кромка черная (КП 437/1, 451/1).

«Алочаи алифӣ» — хлопчатобумажная с примесью шелка полосатая материя. Примесь шелка имеется как в утке, так и в основе. Полоски очень узкие. На образце этой материи, имеющейся в фондах института, полоски чередуются в таком порядке: белая, черная, красная и далее в таком же порядке. Эта материя ткется двумя челноками. В одном черная хлопчатобумажная пряжа намотана вчетверо, а в другом — красная одинарная шелковая. Челноки пропускаются в такой последовательности: черный, красный; черный, черный; красный, черный; красный, черный и опять повторяется сначала. При этом основа так заправляется в ремизы, что на одной стороне материи уток проходит поверх белых ниток основы в такой последовательности: три раза — черная нитка и два — красная и т. д. На другой стороне материи уток виден в обратном порядке. Так как черный хлопчатобумажный уток толстый (в четыре нитки), а красный шелковый тонкий (в



одну нитку), то черный отчетливо виден сквозь белую полоску основы, разбивая ее на небольшие отрезки. В то же время тонкий красный уток хотя и виден, однако цельности линии белой полоски основы не нарушает. В результате такого соотношения и чередования толстых черных и тонких шелковых красных ниток белая полоска основы получается прерывистой, из небольших отрезков (около 0,6 см), отделенных один от другого двумя белыми же точками. Из-за этих отрезков, напоминающих первую букву арабского алфавита, которая называется «алиф» и с которой начинается слово «аллах», материя и получила свое название. Она идет на шитье стеганых халатов для людей солидного возраста и положения. Иногда эти «алифы» стоят все в ряд, иногда их ряды смещаются. Иногда вся материя делится одноцветными продольными полосами различной ширины на широкие полосы, занятые узором «алифӣ» различной расцветки. Тканье этой материи гораздо труднее вследствие сложности заправки основы в ремизы, да и самый процесс тканья требует усиленного внимания, так как два челнока с разным утком должны пропускаться строго последовательно, иначе рисунок не получится. Поэтому эта материя ткалась реже других, а сейчас почти не производится. По-видимому, она пользовалась известностью и была широко распространена, так как

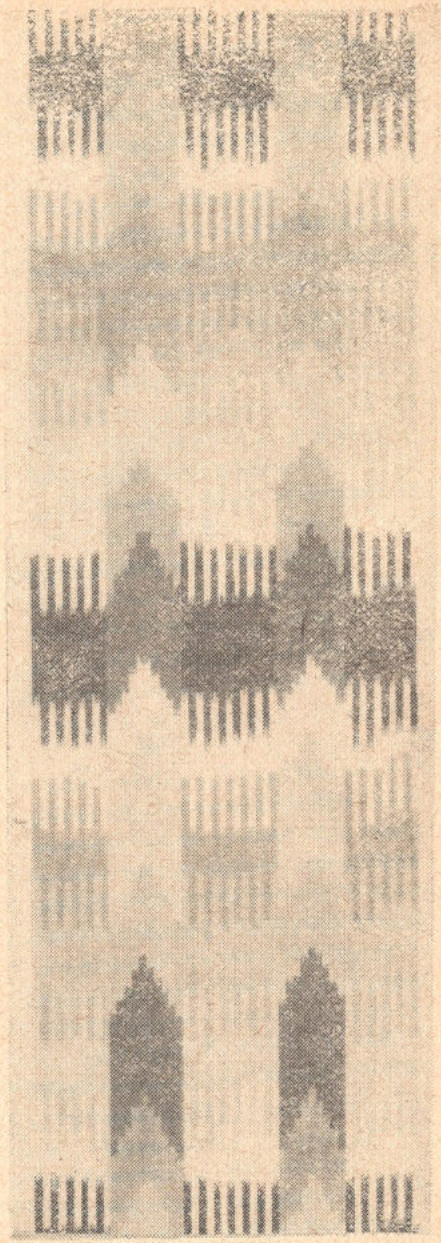


Рис. 18. Образец абрового орнамента каратагской шелковой алачи. Рисунок снят с женского платья КП 414/7, ширина ткани 45 см

в Дарвазе при обследовании ткацкого ремесла нам встретилась изготовлявшаяся на халаты материя, которая называлась «алифтор». Этимология этого слова местными мастерами трактовалась как «алифдол», т. е. как состоящее из двух слов, а именно, из известного уже нам слова «алиф» и слова «дол», являющегося названием буквы «д» арабского алфавита. Однако эту букву в таджикской поэзии уподобляют «согбенному годами стану человека», так как она пишется в форме дуги. К прямым полоскам материи «алифй» это значение едва ли применимо. Может быть, лучше переводить слово «алифтор» как «алиф» и «тор» (основа материи), т. е. «основа алифами»? (КП 414/6, 978/30, 494/6).

«Алочаи маҳмадшоҳии зирраги» — хлопчатобумажная ткань такой же расцветки, что и «алочаи маҳмадшоҳй», но ткется двумя челноками с утком двух цветов: красным и черным, причем челноки пробрасываются поочередно по четыре раза каждый, отчего материя выходит клетчатой. Кромка у материи белая. Материя идет на шитье легких, без подкладки, мужских халатов «челак» (КП 494/3).

«Сусй» или «сусии маҳмадшоҳии челакй» — хлопчатобумажная материя в белые и черные полоски шириной 0,4—0,6 см. Кромка и уток белые. Употребляется на шитье мужских халатов «челак», штанов и рубашек (КП 494/1).

«Алочаи кӯлобии миёнкофтаи думокугй» — хлопчатобумажная материя в черную (0,7 см) и красную (около 1 см) полоски, посередине которых проходят совсем узенькие полоски: по черной белая, а по красной желтая. Уток двух цветов: красный и черный, причем они пропущены поочередно по шесть раз, отчего материя смотрится как клетчатая. Идет на верх стеганых халатов. (КП 494/2).

«Алочаи кӯлобии миёнкофта» — хлопчатобумажная в черную (0,8 см) и красную (около 1 см) полоски. Посередине черных полосок проходит узенькая белая полоска, а посередине красных — желтая. Кромка и уток черные. Материя вырабатывается и сейчас и идет на верх мужских стеганых халатов (КП 404/6).

«Алочаи бойсунй» — хлопчатобумажная материя в полоски различной ширины зеленого, черного, красного, белого и желтого цвета с черным утком. Кромка зеленая. Эта расцветка была заимствована у ткачей большого кишлака Бойсун с таджикским населением в соседней с Таджикистаном Сурхандарьинской области УзССР. Материя вырабатывается до сих пор и идет на шитье стеганых халатов для стариков (чапони мӯйсафедо) (КП 407/3).

«Нимшой» — хлопчатобумажная ткань в белые, красные, желтые, зеленые и черные полоски различной ширины, с утком



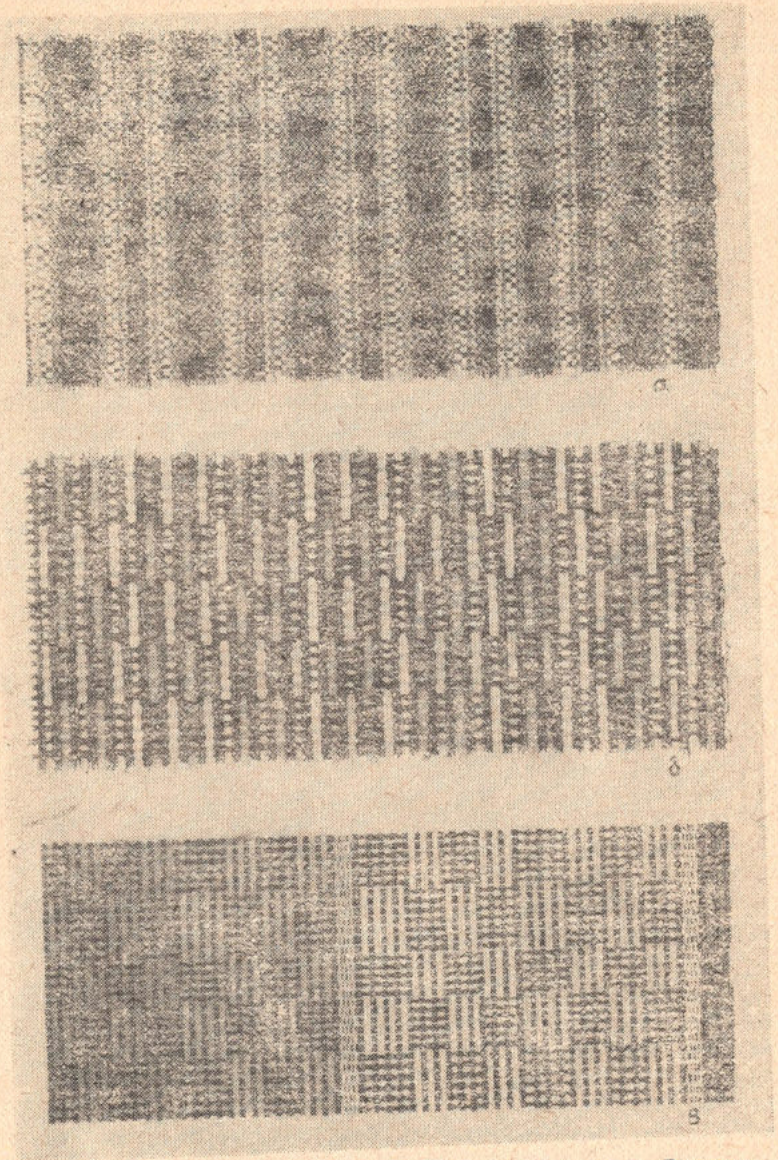


Рис. 19. Образцы абрового орнамента каратагской алачи. Рисунки этого типа орнамента, с прерывающимися линиями узора называются «пусти мор» — кожа змеи: *а*—снят с КП 414/3, ширина ткани 28,5 см; *б*—то же, ширина ткани 26 см (без номера); *в*—то же, без номера

красного цвета. Ширина материи 46 см. Шла на пошивку стеганых одеял и рабочих женских платьев, одеваемых в домашней обстановке. После Отечественной войны выработка этой материи прекратилась.

«Алочаи кабутак» — хлопчатобумажная материя в узенькие полоски черного, красного и белого цвета с черным утком и черной кромкой. Полоски чередуются в такой последовательности: черный, белый, черный, красный, опять черный, белый, черный, красный и т. д. Материя идет на верх стеганых халатов преимущественно для людей пожилого возраста (КП 407/2).

«Алочаи пусти мор» (кожа змеи) — хлопчатобумажная материя в узенькие красные, белые и желтые и немного более широкие черные полоски, с двойным утком красного и черного цвета. Чередование полос следующее: желтая, красная, белая, красная, черная, красная, белая, красная, желтая, черная, опять желтая, красная и т. д. Кромка черная. Материя идет на легкие халаты «челак». (КП 414/3 и без номера, рис. 19*б* и *в* и рис. 21*б* и *в*).

«Алочаи махмадшохи» — хлопчатобумажная материя в черные (0,6 см) и белые (0,4 см) полоски. Между ними пропущены узенькие полоски красного или красного и желтого цвета. Уток красный, кромка белая. Материя идет на верх стеганых халатов.

Одним из широко распространенных в прежнее время видов хлопчатобумажной материи из группы «сусй» была так называемая «каламй», или, как ее называют некоторые русские авторы (23 т. 3, с. 36—37), каляма, или пестрядь. Она представляла собой белую или бледно-цветную материю с узкими и редкими цветными полосками. По рассказам каратагских стариков-ткачей, «калями — это материя из группы «сусй», но только ее основу смачивали водой при помощи своеобразной кисточки из кусочка войлока, привязанного на палочку», отчего основа и уток при тканье садились и материя получалась очень плотной. По другим сведениям, сообщенным нам в Каратаге, калями ткали с белым утком и основу продевали в бердо по три нитки (сенахй) в каждое отверстие гребня, а если уток был цветной, то, чтобы его не было видно, основу пропускали по четыре нитки (чорнахй).

По словам информаторов, при тканье калями на основу наносились еще поперечные полосы краской индиго на определенном расстоянии одна от другой. Это делалось при помощи кисточки — «калам», откуда и пошло ее название «каламй». Материя калями похожа на «махмудшохии челакй», только последнюю ткут в два челнока цветным утком, а калями ткали одним челноком, а вместо второго проводили черту, отчего материя и получила свое название. Калями была настолько плотной материей, что топорщилась. Она шла на шитье стеганых, а также и легких, на подкладке халатов (яхтак). По Костенко, калями шла на нижнее белье и подкладку [23, с. 36—37]. Эту материю выделы-



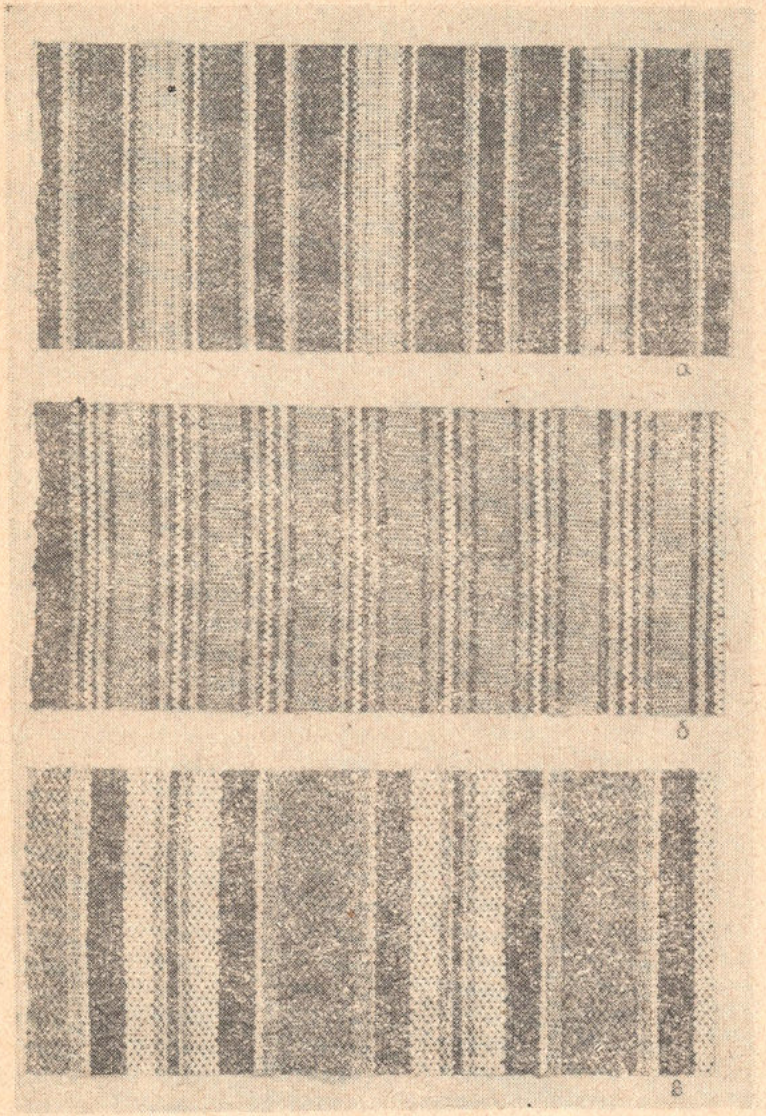


Рис. 20. Образцы орнамента каратагской хлопчатобумажной алачи: *а*—с узором «кавлакала», снят с КП 1042/3, ширина ткани 29,5 см; *б*—то же с примесью шелка, с узором «чортег», выработки 1958 г. снят с КП 346/3, ширина ткани 28 см; *в*—то же, с узором «алочаи бойсунинуска», с КП 407/3, ширина ткани 27,5 см

вали в большом количестве в Кулябе, где ткачи были, по словам каратагских информаторов, гораздо искуснее местных.

«Алочаи чанда» — односторонняя хлопчатобумажная материя, ткавшаяся в небольшом количестве, чаще по заказу. Она ткалась с четырьмя ремизами и двумя челноками и шла на шитье стеганых халатов для людей почтенных по возрасту и положению (КП 1082/1) (рис. 21).

Кроме этих видов материй, до сих пор еще вырабатывающихся в Каратаге, образцы которых имеются в коллекциях Института истории АН Таджикской ССР, прежде вырабатывали много других сортов алачи. Приведем лишь названия этих материй и их назначение.

«Пари пашша» — материя в очень узкие белые и черно-синие полоски, отчего материя казалась серебристо-серой. Шла на пошив паранджей.

«Гараби» — хлопчатобумажная двусторонняя полосатая материя, похожая на материю «лолаги», имевшая узкие («як тег», т. е. в один зуб берда) полоски желтого и ярко-зеленого цвета. Шла на пошив стеганых халатов.

«Яктегии чомаги» — хлопчатобумажная двусторонняя материя в узенькие полоски синего, черного, красного и белого цвета, как и предыдущая. Шла, как явствует из ее названия, на пошив стеганых халатов для пожилых и стариков.

«Кори параха». Название это было сообщено одним из каратагских стариков-ткачей, который помнил только название материи, но описать ее не смог.

«Кори лолаги» — хлопчатобумажная полосатая материя, шедшая на женские платья.

«Кори махмадшохии сурх». Записано только название, без описания.

«Сусии миёнкофтаи сурху сафед» — вероятно, материя в красные и белые полоски, посередине которых были пропущены еще очень узкие полоски другого цвета.

«Сусии сурху сафед» — такая же материя в красные и белые полосы без узеньких полосок посередине. Шла на шитье мужских штанов и рубашек.

Цены на материи местного производства были довольно высоки, особенно на высшие сорта из чистого шелка. Так, мы находим у Грум-Гржимайло сведения о том, что гиссарская шелковая алача ценилась дороже других: «Кусок, т. е. столько алачи, сколько потребно для одного халата (тон), доходит до 200—250 тенег, т. е. до 40—50 руб., цена сравнительно громадная, но это уже крайние случаи. Обыкновенная ей цена — 100—75 тенег, т. е. 20—15 рублей» [16, с. 104].

Н. Маев, побывавший в Каратаге на несколько лет раньше Грум-Гржимайло, писал: «В Каратаге же мы купили несколько



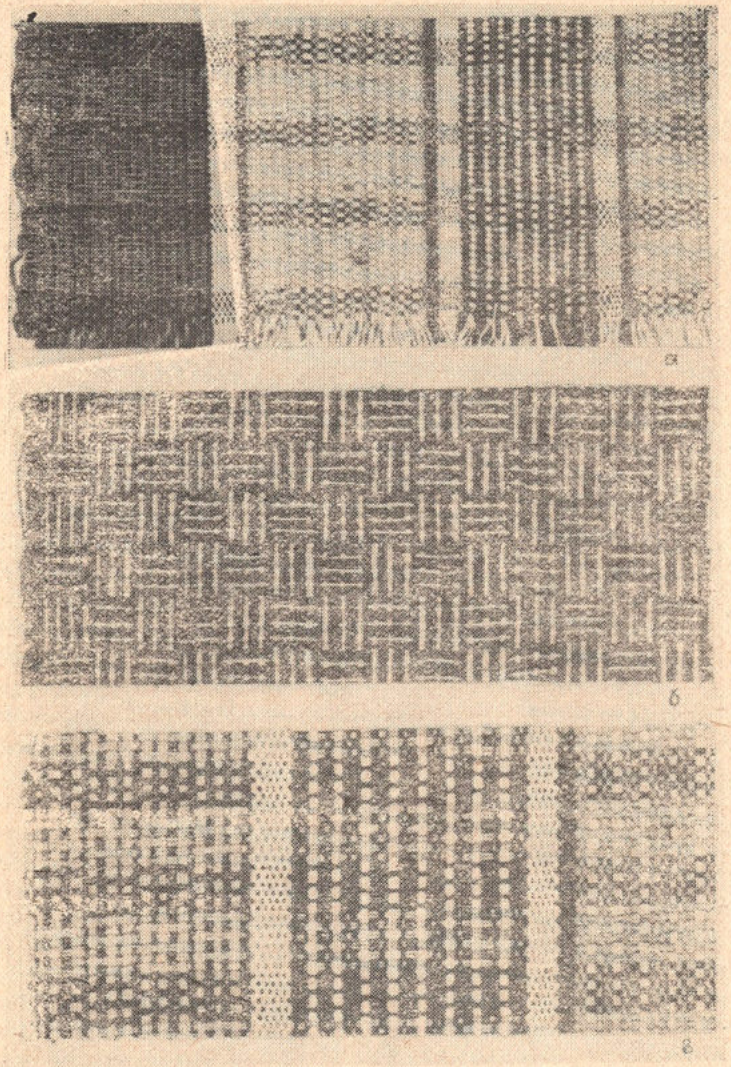


Рис. 21. Образцы орнамента каратагской хлопчатобумажной алачи с узором типа «джанда»: *а*—без номера, ширина 27 см; *б*—работа ткача Рахматбая из гузара Ташкурган (1975 г.) КП 1082/1, ширина ткани 27,5 см; *в*—без номера, ширина ткани 30,5 см

кусков алачи, изделия, которым славится Гиссар. Это действительно весьма хорошая плотная, полушелковая ткань, которая в Бухаре и особливо в городах Гиссарского края употребляется на халаты. Встречается полосатая, весьма красивая и добротная алача. В Каратаге джюра (два куска) хорошей алачи стоит 12 рублей. Поплоше алача продается за 8 и 10 рублей, а самого высшего достоинства — по 20 руб. джюра» [32, с. 191].

Эти сведения сходятся в какой-те мере с тем, что сообщили каратагские информаторы, что цена алачи «олчинбар» колебалась, в зависимости от ее толщины, т. е. количества пошедшего на ее изготовление шелка, от ее качества, рисунка, расцветки и прочего, от 60 до 150 тенег за один кусок в 12,5 аршин, достаточный для пошивки мужского халата или женского платья. А так как в Гиссаре была в ходу бухарская теньга, равнявшаяся примерно 15 коп., то цена одного куска алачи составляла 18—22 руб. 50 коп. Вызывает сомнение, однако, чтобы цены, сообщенные Н. Маевым, относились к алаче полушелковой, а не чисто шелковой, хотя он и пишет об этом довольно определенно.

Современные цены (на окрестных базарах, главным образом в Регаре и Гиссаре), по которым, например, покупались материи для коллекций Института истории АН Таджикской ССР с конца 50-х и до 70-х годов, для материй чисто хлопчатобумажных — 12—15 руб., с примесью шелка — 20—25 руб., а два отреза «лула» шелковой полосатой и абровой алачи были приобретены нами по 45—50 руб.

Кроме ткачества в Каратаге было производство набивных тканей (читгарӣ). Рисунок набивали штампами (қолиб), привозимыми из Самарканда, по бумажной хлопчатобумажной материи хоса или карбос. Набивали мареной (рӯян), которую выращивало население окрестных кишлаков для получения корней, шедших на изготовление краски. Протравой для марены служили фисташковые галлы. Кроме марены употребляли черную краску (катов). Ее приготовляли из «занги оҳан» — ржавчины и льняного масла. До сих пор в Каратаге есть камни, на которых отбивали карбос перед нанесением рисунка. Набойка называлась «читка». Из нее делали «буғҷома» — большие полотнища для завертывания в них одежды, она шла на подкладку одеял и халатов, на дастарханы (скатерти) и пр. Набойщиками были местные жители. Известны были такие мастера-набойщики, как Бобокалон, Усто-Нур, Тагой Мурод, Нозир.

Чалмы в Каратаге и вообще в Гиссарской долине не ткали. Их привозили из Афганистана, а также из городов Туркестана. В Кадди Джуйбор (теперь часть Шахринау) был один ткач, который пробовал было ткать чалмы из хлопчатобумажной пряжи «фаранг», привозившейся из России, но дело не пошло, и производство прекратилось.



В настоящее время ткачество в Каратаге замирает. Некоторые ткачи работали в ткацкой артели «Навобод» в пос. Шахринау, но артель была ликвидирована, и они вернулись в Каратаг. И лишь очень немногие переехали в Душанбе и работают на ткацких предприятиях столицы. Правда, за последние годы Министерство местной промышленности республики организовало в Каратаге ткацкий цех, в котором сейчас работает несколько станков.

## ГОНЧАРСТВО

Гончарное производство таджиков, уходящее своими корнями в глубокую древность, продолжает жить и в настоящее время. Оно делится на мужское — изготовление керамики на гончарном круге и на женское — изготовление лепной керамики без гончарного круга. Ареалы того и другого можно приблизительно определить так: к северу от Гиссарского хребта распространено мужское гончарство, а к югу — женское. Исключением являются расположенный к югу от Гиссарского хребта Каратаг с его мужским гончарством и лежащая севернее хребта долина Ягноба, где до последнего времени бытовало женское гончарство.

Изучению современного гончарства Средней Азии посвящено много работ, по этому вопросу существует обширная литература. Обзор ее с краткими аннотациями приведен в двух вышедших не так давно больших монографиях: в работе Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии» [42] и в работе М. К. Рахимова «Художественная керамика Узбекистана» [44].

Однако большинство указанных в этих обзорах работ посвящено мужскому гончарному ремеслу с гончарным кругом на территории современного Узбекистана, и только в очень немногих работах имеются краткие сведения о мужском гончарстве на территории Таджикистана. К числу последних можно отнести небольшую статью А. Кушакевича о керамике Ходжентского уезда [26] и очерк Н. А. Кирпичникова [20], а также статью М. С. Андреева с перечнем предметов собранной им коллекции керамики уратюбинских и ферганских мастеров [4].

Монография Е. М. Пещеревой написана на основе наблюдений производства неполивной женской ручной, т. е. лепной, изготовляемой без гончарного круга, керамики в горных районах Таджикистана и мужского производства керамики на гончарном круге в семи пунктах Средней Азии — в Риштане, Шахрисябзе, Гиждуване, Ташкенте, Самарканде, Катта-Кургане и Каратаге, шесть из которых находятся в Узбекистане, и только Каратаг — в Таджикистане.

Работа М. К. Рахимова «Художественная керамика Узбеки-

стана» посвящена исследованию керамического производства только на территории Узбекистана (Риштан, Гиждуван, Шахрисябз, Самарканд, Катта-Курган, Ташкент и Хорезмская область), в тех же районах, которые исследовала и Е. М. Пещерева, за исключением Хорезмской области.

Если монография Е. М. Пещеревой трактует о технике производства, формах, назначении сосудов, об истории их появления, а также о ремесленных организациях гончаров (исследуется только орнамент на женской ручной керамике), то в работе М. К. Рахимова главное внимание уделено вопросам производства художественной керамики как отрасли народного искусства и впервые дан тщательный анализ узбекского народного орнамента [44, с. 5]. Следовательно, это работа почти целиком искусствоведческая.

Как мы видим, такие до сих пор функционирующие центры мужского гончарного производства, как Ленинабад (б. Ходжент),* Ура-Тюбе**, Канибадам, Чорку (в Исфаре) и Урмитан (на Зеравшане), оказались не затронутыми исследованием.***

Еще меньше работ имеется о женском гончарном производстве без гончарного круга. Е. М. Пещерева, уделившая большое внимание этому интересному разделу, упоминает всего лишь шесть вышедших до появления ее монографии работ [42, с. 19], в которых в какой-то мере затрагивается этот вопрос. Причем о женском гончарстве без круга на территории Таджикистана мы находим сведения только в одной из них, а именно в статье А. К. Писарчик и З. А. Широковой [43, с. 122—125], где авторы дают характеристику собранным в фондах сектора этнографии Ин-та истории АН Таджикской ССР коллекциям «керамических изделий, выделанных женщинами без гончарного круга, по основным

---

* Статью А. Кушакевича [26], написанную больше ста лет тому назад и к тому же небольшую объемом, едва ли можно считать исчерпывающей и для того времени, а ведь после того гончарное производство жило полнокровной жизнью около полувека.

** В упомянутой работе М. С. Андреева [4] дается перечень закупленных для Ташкентского музея керамических изделий и список мастеров-керамистов из разных мест Ферганской долины и приводятся краткие сведения о цехе и цеховых отношениях гончаров.

*** О сел. Урмитан на Зеравшане есть лишь упоминание в указанной работе Е. М. Пещеревой, где она говорит, что «В Фальгаре глиняную посуду, употребляемую в хозяйстве, приобретают в селении Урмитан, где имеются гончары-мужчины, работающие на гончарном станке. Мастера здесь или приезжие из Пянджикента, работавшие здесь посезонно, или местные выученики пянджикентских мастеров» [42, с. 18]. В Урмитане в 1961 г. у местного мастера Ходжаева Рахмата сектором этнографии Института истории АН Таджикской ССР была приобретена коллекция — 44 предмета поливной керамики (КП № 490/25—68).



районам керамического производства Кулябской области: Сари-Хасорскому (Амроу), Муминабадскому (Кшин-Дара, Джавзодара), Шуроабадскому (Давлятабад) и Дашти-Джумскому (Сари-Рег, Порвор)» [43, с. 122—125].

К сожалению, в монографии Е. М. Пещеревой не исследуются такие довольно крупные центры производства женской ручной керамики, как верхние кишлаки по ущелью р. Хумбоу в Дарвазе (Гишун, Хост и Рубот), обеспечивавшие керамической посудой селения этого ущелья, сел. Ширгин в Вахане, снабжающее своей глиняной посудой весь Вахан, сел. Висхарв в Дарвазе, керамические изделия которого до последних лет расходились по правому берегу р. Пяндж по всему Порьёви боло — местности от Калаи-Хумба до Ванча и дальше до Шугнана, а также и сел. Ёгид, откуда посуда расходилась вверх по правобережью Пянджа до Калаи-Хумба по так называемому Порьёви-поён и вниз по Пянджу до сел. Зигар, или по всему Шикаю, как эта территория называлась раньше. Кроме того, женское гончарное производство существовало, по-видимому, в довольно больших размерах и в Шугнане, где в 1960 и 1966 гг. нам приходилось видеть крупные глиняные сосуды для пахтанья масла (пағнидз) и для воды (висэрн) местного, шугнанского изделия, а также и в Вахио-боло, в селениях Сафедорон и Сагирдашт, хотя Е. М. Пещерева и пишет на основании своих наблюдений и наблюдений Е. М. Кислякова, что население верхней части долины р. Хингоу гончарства не знает [42, с. 17]. Этот пробел как-то восполняется посвященным гончарству таджиков Каратегина и Дарваза разделом главы «Домашние промыслы и ремесла», написанной автором этих строк [53, с. 230—260].

Как указывалось выше, гончарство Каратага было исследовано в 1940 г. Е. М. Пещеревой и описано ею в монографии. Это, с одной стороны, облегчило, а с другой — осложнило работу по написанию настоящей главы, которую пришлось строить в основном как дополнение к работе Е. М. Пещеревой.

Каратаг является самым юго-восточным пунктом бытования мужского гончарного ремесла в Таджикистане. Южнее и восточнее мужского гончарного производства нет. Дальше идет уже женское гончарное производство, не знающее ножного гончарного круга.

По-видимому, мужское керамическое производство было принесено сюда выходцами из округи Самарканда, основавшими, по преданию, г. Каратаг. В вышедшем в 1974 г. альбоме «Современная керамика народных мастеров Средней Азии» керамика по своей технологии, цветовой гамме и орнаменту обоснованно включена в бухаро-самаркандскую группу зелено-коричневой керамики [48а, с. 14, 42б, с. 51].

Нам довелось собирать сведения по гончарству и наблюдать

работу гончаров в Каратаге в 1958—1959 и 1961—1962 гг. В то время гончары были объединены в производственной артели, правление которой находилось в Шахринауском, а потом в Регарском районах. Гончары работали у себя на дому, сдавая продукцию в артель для реализации, а в 1961 г. в центре Каратага была построена мастерская и гончары перешли работать туда. Там были установлены металлические гончарные станки, краскотерка и два приводившихся в движение электричеством круга для формовки цветочных горшков. В 1958 г. дома или в своих мастерских работали мастера Бобо-Саид с двумя учениками, Бобо-Халим Мукумов с одним учеником, Усто Абдурозик Назаров и Имом-Назар Сохибназаров, не имевшие учеников.



Рис. 22. Каратагский гончар Устобобо Шариф за работой. Фото 1926 г.

Некоторые мастерские были расположены не на территории квартала гончаров, а находились в квартале кожевников, куда переселились и сами гончары с семьями. Так, там были мастерские Имом-Назара Сохибназарова и Бобо-Саида Расулева. В настоящее время в Квартале гончаров совсем нет старых гончарных мастерских.



Устройство мастерских и гончарных кругов подробно описано у Е. М. Пещеревой [42, с. 137—139]. Отметим только, что не все мастерские выглядели так, как они описаны Е. М. Пещеревой. Это описание относится скорее только к мастерской Бобо-Саида Расулева, теперь уже не существующей. Мастерская Бобо-Халима Мукумова прежде принадлежала его старшему брату Бобо-Шарифу Мукумову и находилась в бывшей мехмонхоне их отца Усто-бобо Мукума, считавшегося одним из наиболее искусных мастеров Каратага (умер от холеры вскоре после землетрясения).

В мастерской Бобо-Халима Мукумова две небольшие печи (хумдон) для обжига посуды были сделаны около входа под небольшим навесом, а две другие находились немного выше по склону горы, на территории бывшей усадьбы мастера. Во второй мастерской — Бобо-Саида Расулева при его новом доме в квартале кожевников, куда он переселился не так давно, две печи расположены тоже вне мастерской. Во дворе у мастера Усто Абдурозика, в квартале гончаров, имевшего небольшую мастерскую, печь для обжига была устроена тоже на территории двора. По-видимому, устройство мастерской Бобо-Саида, описанной Е. М. Пещеревой, можно считать образцовым, но для более позднего времени необязательным. Такое устройство имело преимущества перед другими, так как большая площадь мастерской давала возможность сушить посуду в холодное время года на полках (раф) и на полу, а гончарная печь внутри мастерской обогревала помещение, облегчая работу и ускоряя сушку сырой посуды.

К описанию гончарного станка, сделанному Е. М. Пещеревой [42, с. 138—139], можно только добавить, что доска, на которой во время работы мастер сидит верхом, называется не «аспчӯб», а «аспакчӯб», а лежащий на земле камень, в углубление которого упирается конец оси станка, кроме приведенного Е. М. Пещеревой названия «сумба» имеет также название «сандон». Доску для вымешивания глины, укрепленную перед гончарным станком, наши информаторы назвали «пештахтаи лоймолӣ».

К описанию Е. М. Пещеревой инструментария гончара [42, с. 139—140] добавим, что «товонча» — лопаточки-колотушки для выколачивания (разбивания) стенок больших кувшинов «кӯза» не обязательно украшаются только одним орнаментом в виде вариантов четырехлепесткового цветка «бодомча». Имеющаяся в этнографических фондах Института истории лопаточка-колотушка (КП № 342/60), принадлежавшая умершему в сороковых годах каратагскому гончару Усто Латифу, с одной стороны имеет косо идущие рубчики, а с другой — вырезан кружок, от которого отходит семь клиновидных как бы лучей (рис. 23). Точно так же на прилагаемом рисунке набора таких лопаточек, принадлежащих Бобо-Саиду (рис. 23, 4), можно видеть фигурки различной формы. Таким образом, можно, по-видимому, с большой долей уве-

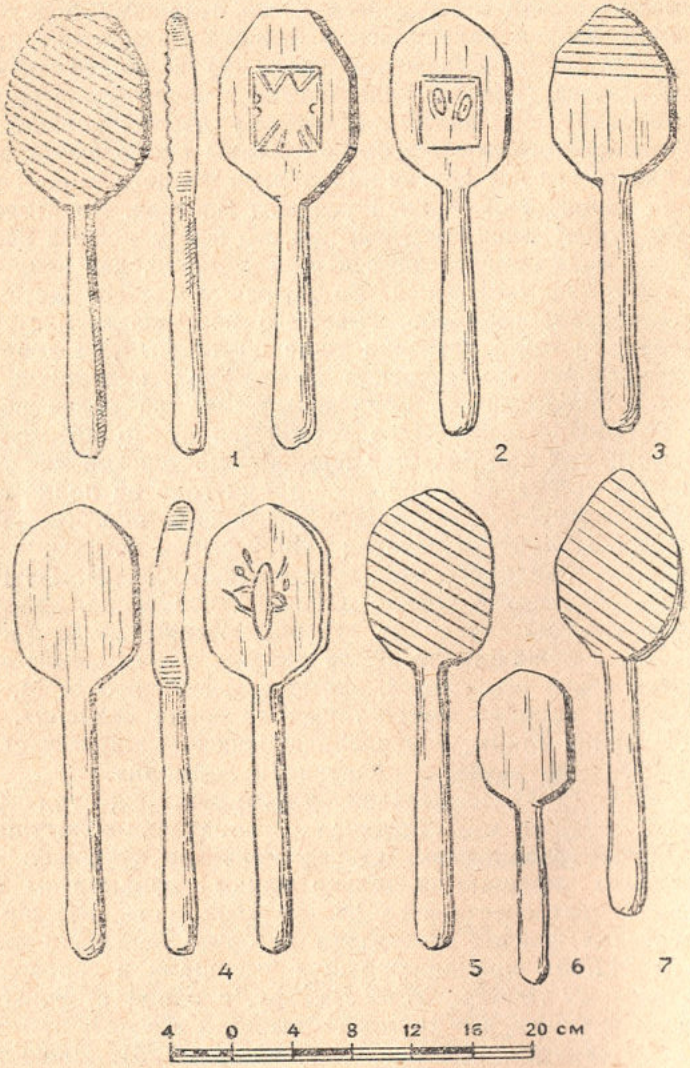



Рис. 23. Лопаточки-колотушки — товонча гончара Бобо Саида

ренности сказать, что за последнее время орнамент на лопаточках-колотушках не был однообразным. Было ли это так и раньше, сказать трудно. Можно отметить только, что основные линии этого орнамента, если он бывал вырезан, шли поперек косых линий, вырезанных на обороте лопаточки, и служили, видимо, для забивания этих косых линий.

Кроме указанного Е. М. Пещеревой инструмента гончаров, весьма несложного по составу, нужно добавить еще несколько предметов. Это «ғарғара» — насаженное на ручку деревянное колесико с вырезанными на его ободе зубчиками, служащее для нанесения орнамента на тулово сосудов. Им нажимали на бок сырого, еще не снятого с круга сосуда, повертывали круг, и колесико оставляло на сосуде полоску из двух параллельных рядов углублений (рис. 24). Для нанесения орнамента на сосуды употребляются также штампы (қолиб), сделанные из обожженной глины. Для обтачивания с внешней стороны дна мисок (коса) и блюд (тавоқ) употребляют ножи с загнутыми концами — «качкорд» (рис. 25). Для выравнивания краев блюд, мисок и других сосудов употребляется узкая полоска материи (камарча), которую, намочив, кладут на край вертящегося на круге сосуда, и она удаляет с краев сосуда все шероховатости.

К описанию печей для обжига посуды (хумдон), данному Е. М. Пещеревой (42, с. 140), добавим, что в Каратаге существовало и существует два типа печей. Это гончарная печь для обжига крупных сосудов (кўза, кўгача, хурма и т. д.), носящих общее название «зарф». Она называется «хумдони кўза» и делается более крупного размера. Печь этого типа и описана Е. М. Пещеревой. Печь второго типа делается меньшего размера и служит для обжига мисок и блюд, поэтому она называется «хумдони косаву тавоқ». Иногда обжигательная камера в ней делается двухэтажной, т. е. обжигаемая в ней посуда ставится на пол камеры и на обходящую вокруг камеры, примерно на середине ее высоты, полку (раф). А так как этим термином называется и потолок камеры, в котором оставляется большое отверстие посередине, служащее для загрузки в печь посуды, и несколько мелких отверстий для дыма по бокам, то такие печи получили название «дурафа». В такой печи на второй этаж, т. е. на полку, ставили меньше посуды для обжига, чем на дно камеры. Например, если на пол ставили блюда стопками по 10 в каждой, то на полку — по 8 штук и т. д. В полке отверстия для дыма и огня делались точно над отверстиями, сделанными в полу обжигательной камеры.

В старину существовали печи еще более крупных размеров. Они служили для обжига больших корчагообразных сосудов (хум), служивших для хранения воды и разных продуктов, а также для разведения в них кубовой краски-индиго в красильных мастерских. Производство хумов давно уже прекратилось, и таких обжигательных печей не сохранилось.

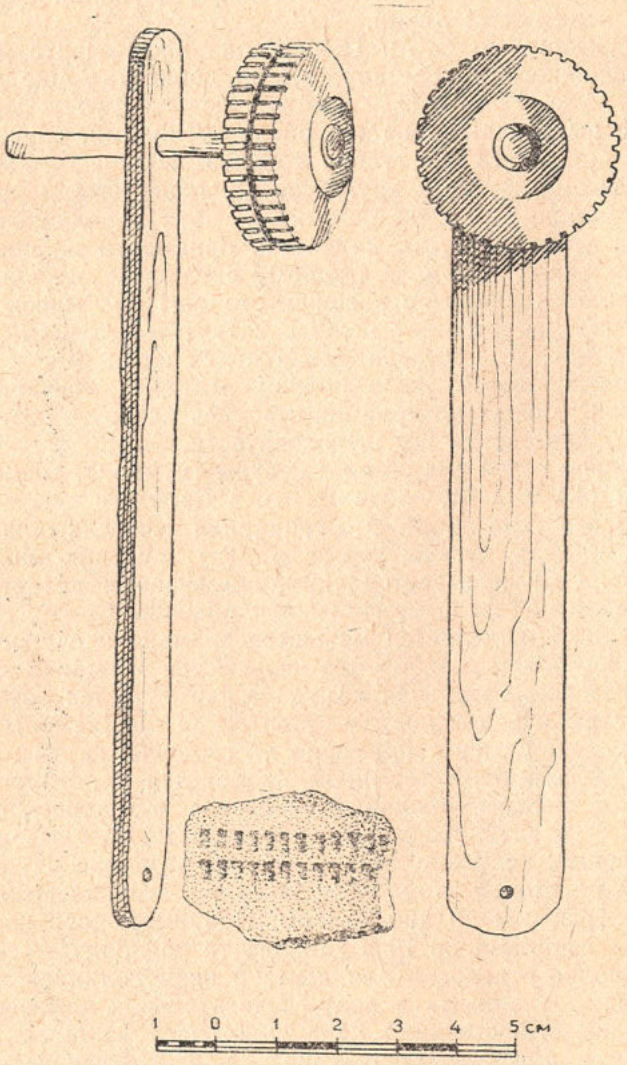



Рис. 24. Колесико для нанесения орнамента — ғарғара

Отдельные части обжигательной печи носят следующие названия:

«гулах» — топка, расположенная ниже уровня пола помещения, в котором установлена печь;

«даҳани гулах» — отверстие топки, через которое кладут топливо;

«тур» — обжигательная камера;

«даҳани арак» — среднее, обычно круглое отверстие в полу обжигательной камеры и в полке-перегородке в двухэтажной камере;

«мӯҳрини тур» — мелкие отверстия в полу обжигательной камеры, расположенные вокруг центрального отверстия;

«рафи хумдон» — потолок печи;

«даҳани тур» — центральное отверстие в потолке печи;

«мурғак» — отверстия для выхода дыма и огня, расположенные по углам потолка печи, числом обычно 4;

«қавза» — замазка топочного отверстия печи.

Верхнее отверстие обжигательной камеры, т. е. центральное отверстие в потолке печи, обычно заполняют черепками старой посуды, накладывая их горкой поверх посуды, сложенной в печь для обжига, вровень с краями центрального отверстия в потолке, а иногда немного выше его.

Говоря о заготовке глины (хок) и составе теста, нужно добавить, что сейчас за глиной ездят обычно по четвергам и понедельникам. Глинище называют «хокканак». Копают глину тешой, стараясь при этом отбирать и выбрасывать попадающиеся под руку камешки. Для работы одного мастера в течение недели достаточно двух ослиных вьюков глины (ду хар хок), которую возят в корзинах (қачова) из ивовых прутьев. Летом привезенную глину складывают в выложенное каменными плитами углубление снаружи мастерской, называемое «лойхонаи берун», и там заливают водой и перемешивают кетменем. Дав ей постоять, как это описано Е. М. Пещеревой [42, с. 140—141], глину выгребают на площадку около мастерской, добавляют в нее для вязкости волос, шерсть или камышовый пух и хорошо вымешивают ногами, сбрызгивая ее время от времени водой, делают из нее большие комки, складывают их в такое же углубление внутри мастерской (лойхонаи дарун) и закрывают мокрыми тряпками. Зимой все это делается внутри мастерской. Заготовку глиняного теста делают обычно в субботу, а к формовке посуды приступают в понедельник, так как в воскресенье базарный день и гончары в этот день не работают. Чем больше стоит глина после первой замески, тем пластичнее она делается. Когда приступают к работе, то глину «освежают» (лоя тоза мекунанд). Для этого мастер или подмастерье предварительно чисто подметает пол мастерской и посыпает его просеянным через сито речным песком (кум), по-

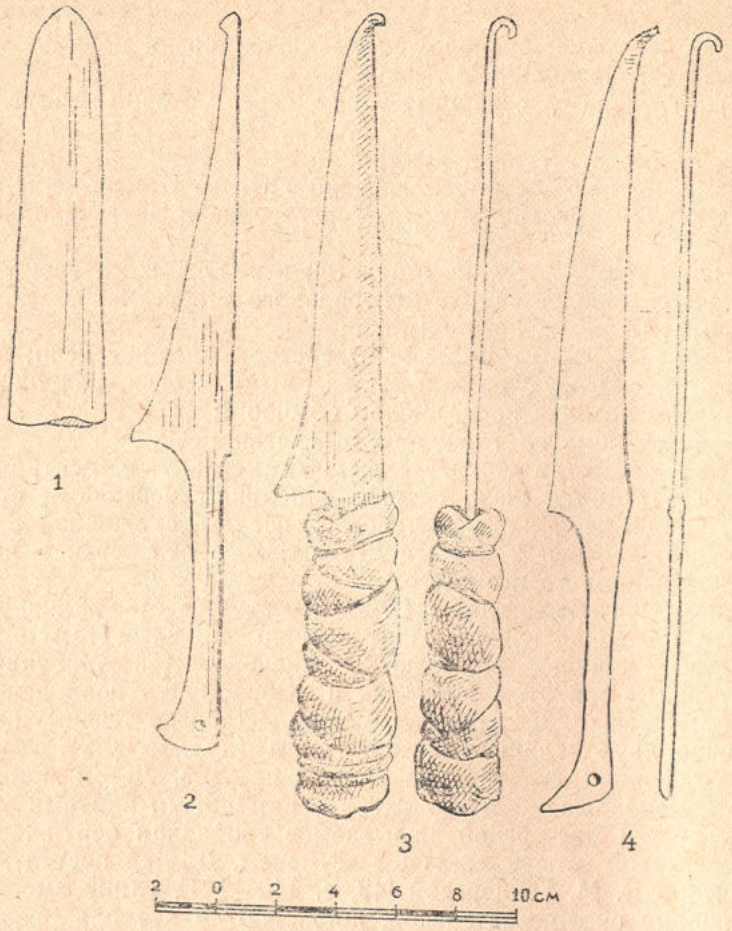



Рис. 25. Ножи с загнутыми концами для обтачивания сосудов с внешней стороны — качкорд

том берет из-под тряпья три кома глины, кладет их на подметенное и посыпанное песком место один на другой и разминает ногами, после чего опять собирает глину в три кома. Для этого от лепешки, в которую превратилась глина после разминания ногами, мастер отрывает глину полосами и свертывает их рулетом. Потом он опять кладет эти «рулеты» один на другой, разминает ногами и обильно сбрызгивает глину с руки водой, опять скатывает три рулета и два из них кладет в яму с остальной глиной и прикрывает тряпками, а третий кусок раскатывает, месит руками



на доске перед гончарным кругом, называемой «пештахтаи лоймолӣ», и формует из глины комки цилиндрической формы, называемые «ғунд», для выделки из каждого комка одного какого-нибудь предмета. При этом он выбирает и выбрасывает из глины попадающиеся под руку камешки и посторонние предметы.

В Каратаге в глину, из которой собираются делать сосуды средней величины, например «кӯза», подмешивают коровий волос, который покупают у кожевников. За неимением его кладут и овечью шерсть. При изготовлении более мелких сосудов, особенно блюд и мисок, в глину добавляют пух из созревших головок рогоза, называемый «лух». А при выделке крупных тануров для выпечки хлебных лепешек в глину добавляют козью шерсть (мӯи буз).

Для ангобирования посуды перед обливкой ее глазурью употребляют глину грязноватого белого цвета, комки которой выбирают из отвалов каменного угля на станции железной дороги «Чептура». Раньше глину для ангобирования, называвшуюся «гилбӯта», брали в горах выше по ущелью Каратагдарьи.

Современная каратагская керамика не отличается особым изяществом. Она груба по форме и черепку. Исключением являются миски и блюда, выделываемые сейчас только Бобо-Саидом Расулевым.

Поливой, или глазурью, называемой «ранг», сейчас пользуются при изготовлении мисок и блюд, а также детских горшочков, вставляемых в колыбель, изредка, при изготовлении некоторых сосудов хозяйственного назначения — для хранения жиров, сладостей и пр.

По словам старого каратагского гончара Абдурозика Назарова, раньше гончары пользовались поташной поливой, но в начале 30-х годов ее перестали употреблять, перешли к изготовлению поливы из толченого и мелко перемолотого на ручной мельнице стекла, употребляя для этого главным образом бутылки. Потом, в середине 50-х годов, стали применять свинцовую поливу.

Поташ (ишқор) местным гончарам продавали жители окрестных горных кишлаков, которые добывали его из золы сорняков, главным образом конского щавеля (шулха), в изобилии растущего там. Из золы делали щелок и уваривали его до получения густой массы, из которой лепили и сушили комки (кулча). Перед употреблением поташа для приготовления глазури его обжигали в гончарных печах одновременно с обжигом посуды. По одной версии, куски поташа перед обжигом посуды клали в топку хумдона, по другой — на пол обжигательной камеры, вместе с известью, которую гончары обжигали в небольшом количестве при каждом обжиге посуды. Во время обжига комки поташа (когда их клали в обжигательную камеру) расплавлялись и стекали на дно топки. После обжига и выборки посуды из хумдона сплавив-

шиеся куски поташа извлекали из топки и опять обжигали таким же образом до четырех раз. Потом спекшиеся куски поташа очищали от золы, толкли, добавляли окиси меди и кварцевого песка, разводили, вернее, немного смачивали водой, мелко мололи эту смесь на ручной мельнице, потом разводили водой пожиже, до консистенции жидкой сметаны, и этим составом обливали посуду, которая после обжига принимала голубой цвет.

Для получения свинцовой глазури свинец долго пережигали в чугунном котле, в котором и хранили потом до употребления. Для получения глазури брали одну долю (по весу) свинца, половинную долю кварцевого песка, небольшое количество какого-либо красителя, в зависимости от того, какого цвета глазурь хотели получить, и немного обыкновенной муки. Все это смешивали, смачивали водой и пропускали через ручную мельницу до полного измельчения, повторяя иногда эту операцию несколько раз. Потом эту смесь разбавляли водой тоже до консистенции жидкой сметаны и обливали ею хорошо высохшие изделия, после чего их опять просушивали.

Для получения ровной глазури необходимо было мелко перемолоть смесь. Мастера, поручая эту работу своим помощникам или ученикам, потом пробовали перемолотую смесь, взяв из нее щепотку и разминая ее между пальцами. Без добавления красителей глазурь, как поташная, так и свинцовая, получалась грязного прозрачного цвета и обычно одна не употреблялась.

Сейчас каратагские гончары применяют только два красителя. Это — окись меди, дающая при свинцовой поливе зеленый цвет, и окалина железа (оҳанпӯкӣ), дающая золотисто-желтый цвет, при удачном обжиге получающийся с муаровым отливом. В прежнее время палитра гончаров Каратага, по рассказам старых мастеров, была гораздо богаче и посуда изготовлялась с росписью по подглазурному ангобу. В качестве красителей употребляли еще окись сурьмы (малғаш) и кобальт (лочвард), но способы применения их уже забыты. Употреблялся также и марганец (маҒл) в смеси с чем-то, возможно, с железистой глиной (чӯша), так как при обжиге он давал два оттенка — коричневый и сиренево-коричневый, характерный для керамики северных районов Таджикистана — Канибадама и Чорку (Исфара). Делали также посуду с поливой светло-синего цвета и так называемую «чинӣ» — посуду под китайский фарфор.

Говоря о поливе, нельзя не упомянуть и об устройстве ручной мельницы-краскотерки — «ярҒучоқ», на которой перетирали красители и перемалывали поливу.

Е. М. Пещерева не отмечает бытования такой мельницы у гончаров Каратага и пишет, что здесь «сохранилось в основном лишь производство неполивной посуды» [42, с. 137]. Другими словами, в мельнице и нужды не было. Однако, по нашим материалам, производство поливной посуды, чашек и блюд, иногда украшенных гравировкой и незатейливым рисунком, продолжало существовать и существует по сей день. Об этом будет сказано ниже.



Ручная мельница каратагских гончаров в основном ничем не отличается от описанных Е. М. Пещеревой ручных мельниц гончаров Шахрисябза, Ташкента, Гиждувана и Риштана [42, с. 155, 168, 191, 213]. Поэтому ограничимся лишь приведением рисунка каратагской ручной мельницы (рис. 26).

Небольшое количество красителей растирают в металлической посуде. Так, гончар Бобо-Халим Мукумов растирал их в чугунной ступке (ӯҒурчаки чӯянӣ), принадлежавшей еще его отцу и отлитой по просьбе последнего местным мастером-литейщиком (дегрез) Усто Химматом.

Обжиг посуды, как отметила Е. М. Пещерева, производился гончарами Каратага в один и тот же день, а именно в среду, и посуду вынимали через двое суток после обжига, в пятницу, т. е. накануне базарного дня, приходившегося тогда на субботу [42, с. 145]. Во время нашего обследования обычай обжигать посуду в один и тот же день соблюдался гончарами, но обжиг они производили по пятницам, в субботу уже вынимали посуду и вывозили для продажи на базаре в Гиссаре или Регаре в общий выходной день воскресенье.

В Каратаге обжиг производили опилками, а печь разжигали вначале небольшим количеством дров. Иногда практиковали и обжиг рисовой шелухой, как делали и раньше. По рассказам стариков-гончаров, расписную посуду в прежнее время обжигали сухой щепой арчового дерева. Такое топливо горело почти без дыма, и посуда не коптилась совершенно. В день обжига с полудня начинали устанавливать посуду в печь. К вечеру, часов около пяти, начинали обжиг, продолжавшийся до того момента, когда пламя начинало пробиваться через груду черепков, наложенных поверх стоящей в печи посуды и закрывавших верхнее отверстие печи, а в промежутки между черепками становилось видно, что верхний ряд посуды раскалился до ярко-красного цвета.

В старое время при обжиге более дорогой цветной и расписной посуды в печь закладывали пробу — несколько черепков, окрашенных разными красителями, и по степени их готовности определяли готовность всей посуды. Черепки эти либо примазывали глиной к верхнему краю печи, либо вставляли в отверстие, специально оставленное в боку печи, которое потом тоже замазывали глиной. Разные красители требовали разного времени для обжига. Так, например, свинцовая полива, подкрашенная окалиной железа, требовала более длительного обжига, чем полива, подкрашенная окисью меди, и т. д. Это необходимо было учитывать при раскраске посуды.

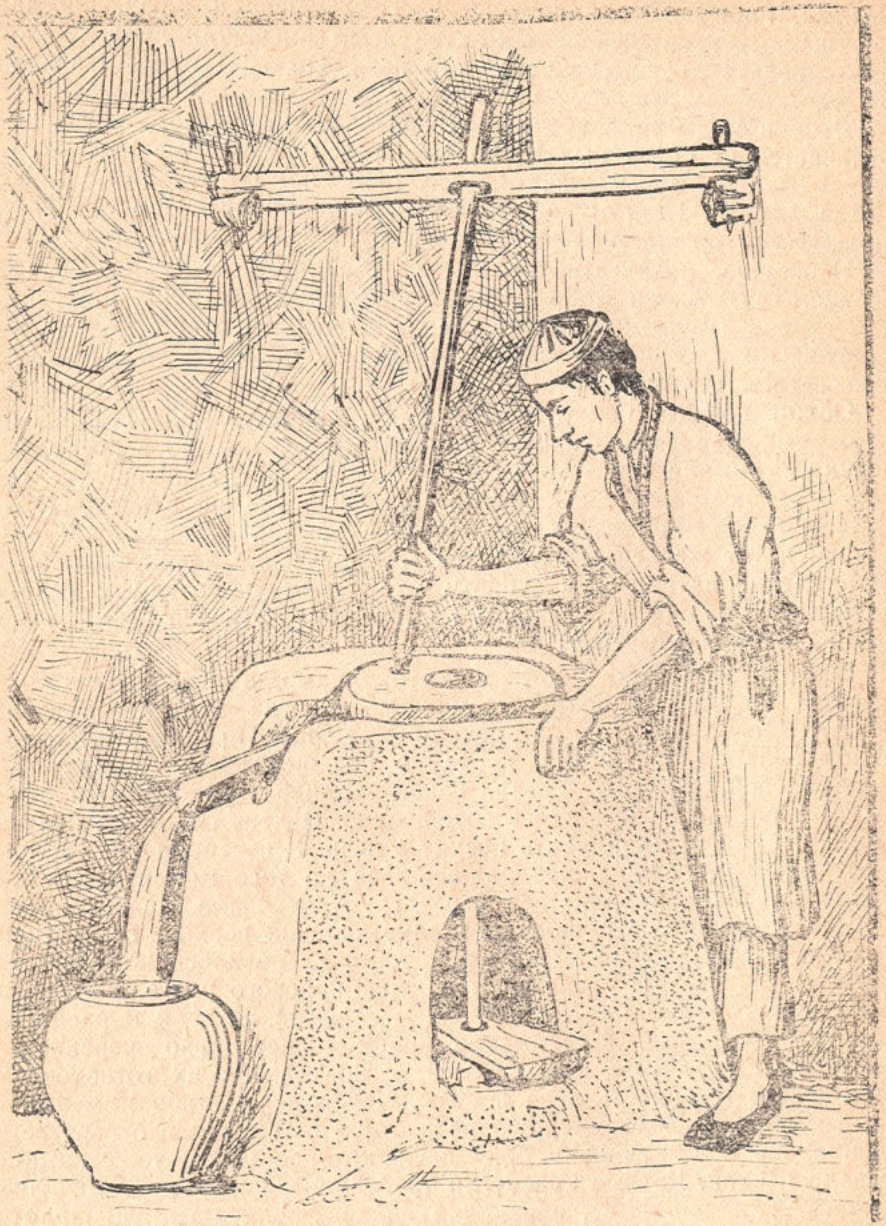


Рис. 26. Ручная мельница-краскотерка — ярғучоқ

Обжиг извести вместе с посудой не был обязательным, иногда обжигали только одну посуду.

Посуду продавали на базарах сами гончары. Потом они стали сдавать ее правлению артели, которая занималась ее реализацией.

В 1958—1959 и 1961—1962 гг. гончары Каратага производили довольно обширный ассортимент неполивных, глазурованных и даже расписных изделий.

Е. М. Пещерева упоминает кувшин (кӯза), кувшинчик (кӯгача), кружку «обхӯрак» (рис. 27, 10), горшки (хурма, дудаста), горшок «чахдег» для пахтанья масла (рис. 28, 6),* «тавоқ» — блюда, «косаи гулобӣ» (рис. 29, 2) — чашки для пищи, т. е. восемь названий хозяйственной посуды, «тувак» — детские горшочки для колыбели, «қубур» — водопроводные трубы и «ҳуштак» — свистульки в форме птиц и зверей. Из необоженной глины в Каратаге выделывались, по ее же сведениям, «танӯр» — печи для выпечки лепешек [42, с. 233—235].

Ассортимент керамических изделий каратагских гончаров, зафиксированный нами там во время полевых работ, оказался несколько шире, главным образом за счет разновидностей того или иного вида посуды. Так, сосудов для хранения и питья воды в форме кувшина с одной ручкой зафиксировано гораздо больше. Это совсем маленькие кувшинчики «гичбул» (рис. 27, 6) до одного литра вместимостью, которые первым начал выделывать в начале 50-х годов Бобо-Халим Мукумов;** кувшины такой же формы с большими объемами, называемые «сархумӣ» или «кӯгичаи майда», потом «нимкӯгича», «кӯгичаи калон», «кӯзача» и «кӯза» (рис. 27, 5, 4, 3, 13; рис. 30, 10). Все они, за исключением большого кувшина «кӯза», имеют примерно одну и ту же форму и отличаются только размерами. Кувшин куза, отличающийся от более мелких кувшинов своей формой, а также и способом изготовления, подробно описан Е. М. Пещеревой [42, с. 233]. Эти кувшины выделываются без поливы, если они предназначаются для воды, и с поливой, если они предназначаются для хранения виноградного бекмеса (ширинӣ), жиров, виноградного вина (мусаллас) и пр.

К группе кувшинов для воды нужно отнести и делающиеся до сих пор иногда кувшины «қулқулак» (рис. 27, 9; 28, 1, 2) с высоким и узким горлышком, оканчивающимся круглым (без слива) венчиком с небольшим раструбом, с одной ручкой. Они делались

---

* Нам этот горшок, вернее, корчагу назвали «хумча», причем он делался как с одной ручкой, так и с двумя.

** Это название можно перевести как «малютка». Оно образовано от слова «гичбулак» — маленький, взятого из местного диалекта таджикского языка.

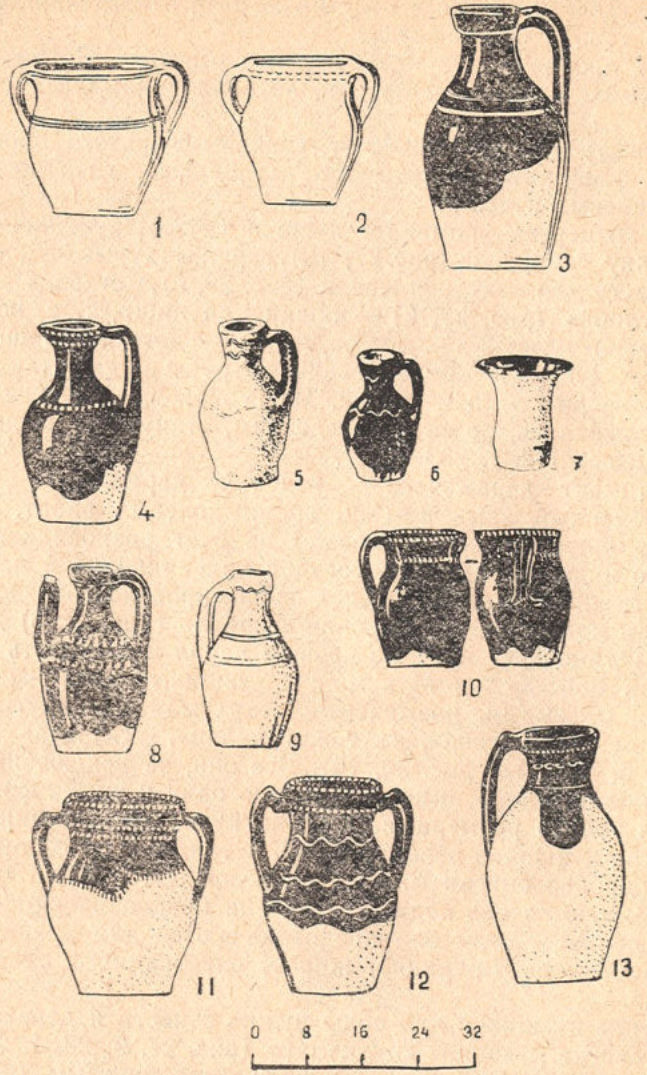



Рис. 27. Изделия каратагских гончаров: *1*—большой горшок с двумя ручками—хурмаи калон (КП 342-70); *2*—горшок такой же формы для доения коров—хурмаи гоучӯшӣ (КП 342-45); *3*—большой кувшин—кӯгичаи калон (КП 342-68); *4*—то же вдвое меньшего размера—нимкӯгича (КП 342-48); *5*—маленький кувшинчик для зачерпывания воды из корчаги—сархумӣ или кӯгичаи майда (КП 342-52); *6* — кувшинчик маленький — гиҷбул (КП 342-42); *7* — детский горшочек, вставляемый в колыбель — туваки бача (КП 342-83); *8* — кувшин с носиком для омовений — афтоба (КП 342-47); *9* — кувшин с круглым (без слива) венчиком — кулкулак (КП 342-43); *10* — кружка для питья воды — обхӯрак (КП 342—39); *11* — горшок для заквашивания молока — хурмаи чурғотхобонӣ (КП 342-50); *12* — горшок для хранения жиров — хурмаи равгангирӣ (КП 342-49); *13* — кувшин для воды — кӯгичаи калон






Рис. 28. Изделия каратагских гончаров: *1*—небольшой кувшин с круглым (без слива) венчиком—кулкулаки майда (КП 342-37); *2*—то же большего размера (КП 342-43); *3*—кувшин с носиком для омовений—афтоба (КП 342-72); *4*—горшок для сливок—хурмаи каймоқгирӣ (КП 342-33); *5*—горшок для доения коз—хурмаи бузҷӯшӣ (КП 342-38); *6*—горшок для пахтанья масла—хумча или чахдег (КП 342-69); *7*—чашка-форма—«колиб» для формовки тулова больших кувшинов куза (КП 342-61); *8*—большая миска на ножке—шокоса (КП 322-5)




двух размеров и иногда верхняя половина их покрывалась снаружи поливой. В таких кувшинах ткачи держали около ткацкого станка воду для питья, которую наливали из кувшина в пиалу. Для предохранения воды от загрязнения горлышко кувшина накрывали сверху чистым плоским речным камешком или чем-либо еще. Иногда такие же графинообразные кувшины употребляли и для хранения растительного масла. В таких случаях кувшины делались с поливой внутри.

К этой же группе сосудов относятся и кувшины «афтоба» с ручкой и длинным носиком «чуммак» (рис. 27, 8; 28, 3), служащие для совершения ритуальных омовений и умывания рук. Снаружи они иногда покрывались поливой. Их за последнее время стали делать редко, так как предпочитают употреблять для этих целей медные кувшины. Иногда для свадебного ритуала делали такие небольшие кувшинчики (рис. 28, 1), а к ним — небольшие блюда с отверстием посередине, соединенные снизу с шаровидным резервуаром для стока воды, называвшиеся «дастшӯй» или «чиловчин» (рис. 29, 5). Над ним мыла руки во время свадебного обряда сидевшая за занавесом невеста, которой поливала воду из «афтоба» подруга, сидевшая с ней рядом.

Вторую большую группу домашней посуды составляют разные по размеру и по хозяйственному назначению горшки с двумя ручками и расширяющимися кверху стенками. Обычно все они поливные внутри. Кроме общего названия «хурма» или «дудаста», отмеченного Е. М. Пещеревой [42, с. 234], они называются также в соотвествии с их величиной и назначением: большой горшок — «хурмаи калон» (КП 342/70, рис, 26, 1), горшок для заквашивания молока — хурмаи чурғотхобонӣ» (рис. 26, 11), горшок для хранения жиров и жареного мяса — «хурмаи равғангирӣ» (рис. 27, 12), горшок для доения коров — «хурмаи говчӯшӣ» (рис. 27, 2), горшок для доения коз — «хурмаи бузчӯшӣ» (рис. 28, 5), горшок для сливок — «хурмаи қаймоқгирӣ» (рис. 28, 4).

---

Рис. 29. Изделия каратагских гончаров: *1*—небольшой кувшин для воды, подававшейся невесте для умывания рук—афтобачаи келин (КП 342-41); *2*—миска «гулобӣ» (КП 322-6); *3*—сдвоенные кормушка и поилка, подвешиваемые к клетке с перепелкой—донкосаи бедона (КП 342-51); *4*—плевательница—ностуфкунак (КП 342-44); *5*—маленький умывальник для невесты—дастшӯи келин или чиливчини келин (КП 342-40); *6*—кормушка и поилка для куропатки—донкосаи кабк (КП 342-75); *7*—форма для отливки мыла—собункоса (КП 342-36); *8*—светильник—чироғ (КП 342-32); *9*—форма для отливки мыла—собункоса (КП 342-34); *10*—малая наковаленка—ғундаки товонча (КП 342-64); *11*—накладка на детский горшочек—сарсиба (КП 342-74); *12*—то же (КП 342-31); *13*—наковаленка большего размера—ғундаки дӯккӣ (КП 342-63); *14, 15, 16*—треногие прокладки—сепоя (КП 342-85, 342-84, 342-86)

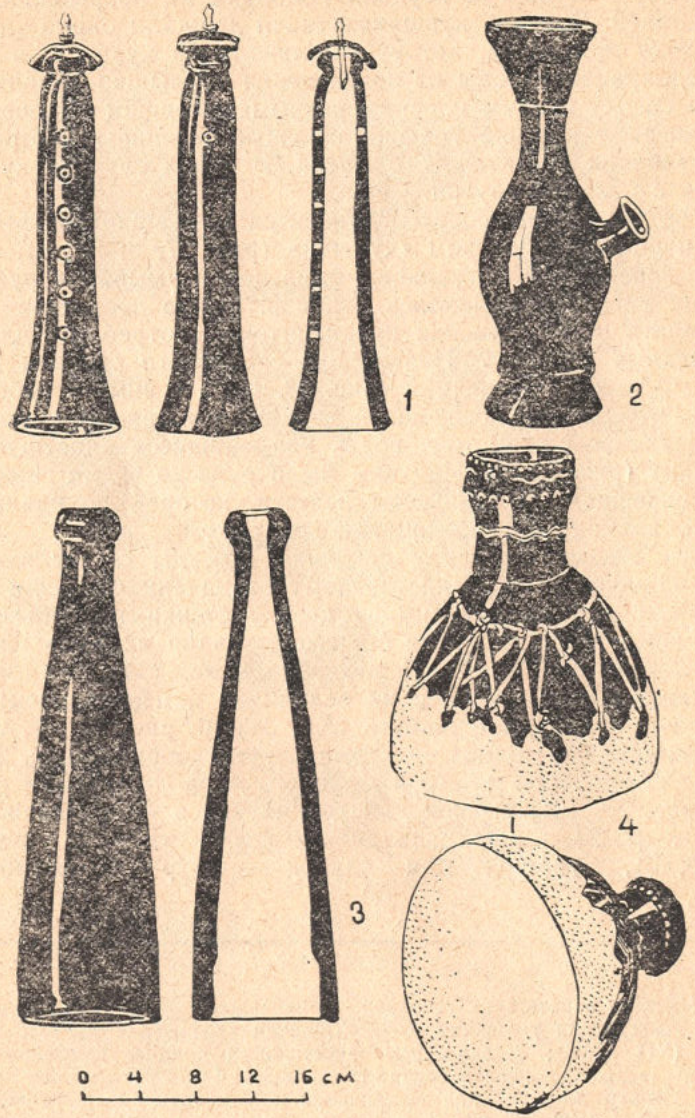



**Рис. 30.** Изделия каратагских гончаров: *1*—труба типа зурны—мехтар (КП 407-6); *2*—кальян—чилим (КП 407-9); 3—мельничная труба-рупор—буғи осиё (КП 342-71); *4*—резонатор для ручного барабана—тавлак, нақора (КП 407-8)



Миски на ножке — «гулоби» (рис. 29, 2) и на низком поддоне — «коса» для подачи к столу жидкой пищи, плоские блюда — «тавоқ», о которых пишет Е. М. Пещерева [42, с. 235], а также большие миски «шокоса» (рис. 28, 8) выделывались до последнего времени Бобо-Саидом Расулевым. Миски покрывались очень хорошей свинцовой поливой темно-зеленого и желто-коричневого цвета с зелеными потеками, причем последняя окраска бывала обычно по внутренней стороне мисок и блюд, а наружная сторона делалась одного темно-зеленого цвета. Раскраска марганцем (маѓл), как это делалось раньше [42, с. 235], сейчас совсем не применяется.

Производство глазурованных блюд и мисок продолжалось, по-видимому, в небольшом количестве все время. Так, нашим художником были зарисованы блюда работы каратагского мастера Хайрулло (умер в 1957 г.).* По рассказам, такие же блюда с гравировкой и раскраской изготовлял и мастер Усто Рахмон, умерший тоже в конце 50-х годов. Оба они были учениками Усто Мукума.

Қогда-то в Қаратаге некоторые наиболее опытные гончары выделывали «машрафа» — кринкообразные с округлым туловом горшки с четырьмя ручками по бортику и с плотно прилегающей крышкой. Ручки, вернее ушки, делались небольшие, скорее не для держания сосуда, а для подвешивания его за веревочки. Сосуды эти, поливные снаружи и внутри, часто богато орнаментировались. На крышке делалась ручка, иногда в виде птички (тӯтӣ). Машрафа использовались для хранения сладостей, в том числе варенья.

В годы Отечественной войны выделывались чайники для заваривания чая и пиалы, но после войны производство этих изделий прекратилось.

Из посуды домашнего обихода выделывались еще неполивные корчаги двух размеров: большие, вместимостью 12 ведер, называвшиеся «хум», или «хуми рангубор» — хум для краски, и меньшие размером, вместимостью примерно вдвое меньше, называвшиеся «нимхум»,— полхума, или «хуми обӣ» — хум для воды. Первые делались из трех частей (буйнод, буньёд), которые потом примазывались одна к другой, а вторые — из двух частей. Қак те, так и другие употреблялись для хранения воды, зерна и других сухих продуктов, большие хумы употреблялись красильщиками для разведения краски индиго и окрашивания в ней пряжи. Для стирки белья и других нужд делали лохани (тағора), иногда глазурованные внутри. Для вставляемых в колыбель детских

* Кроме гончарства он занимался сооружением водяных мельниц, был охотником, занимался приручением горных куропаток и ловлей змей, которых тоже приручал, а в 20-х годах сдавал «докторам» (духтурҳоба), а также лечил укушенных змеей.

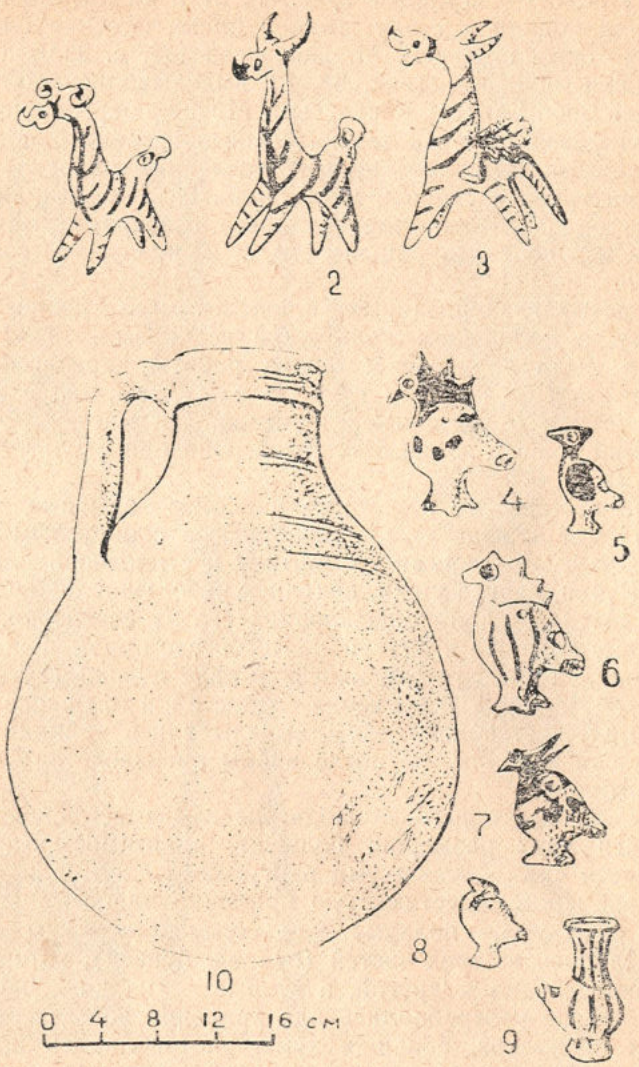



Рис. 31. Изделия каратагских гончаров: *1* — свистулька «барашек»—қучқорча (КП 437-4); *2*—то же «лошадка»—аспак (КП 437-3); *3*—игрушка «лошадка с седлом»—аспак (КП 437-2); *4*—свистулька в форме птички—мусича или тути (КП 342-56); *5*—то же, б/н; *6*—то же (КП 537-5); *7*—то же (КП 342-55); *8*—то же (КП 342-67); *9*—свистулька с кувшинчиком—кӯгичаҳушток (КП 342-67); *10*—кувшин для воды—кӯза

горшков (рис. 27, 7) делали крышки-накладки с круглым отверстием посередине, называвшиеся «сарсиба» (рис. 29, 11, 12). По заказу делали поливные внутри большие кувшины с носиком для хранения вина (кӯзаи чуммакнок барои мусаллас), однако видеть их нам не пришлось. Для курильщиков нàса — измельченного и смешанного с известью и золой табака, щепотку которого курильщики закладывают под язык, выделывались небольшие поливные плевательницы с крышкой — «ностуфкунак» (рис. 28, 4), а для курильщиков делались «чилим» — кальяны (рис. 30, 2) и головки к ним — «сархонаи чилим», в которые клали горящие угли и на них насыпали табак. Делались также светильники «чироғ» (рис. 29, 8) и подсвечники — «шамъдон», но это было очень давно.

В Каратаге изготовлялись изделия и производственного назначения, применявшиеся в различных ремеслах. Это были двух размеров формы для отливки мыла — «собункоса» (рис. 29, 7, 9), напоминающие цветочные горшки, но без отверстия в дне; сопла для кузнечного горна — «булбул»; водопроводные трубы — «кубур»; «қолиб» — чашки (рис. 28, 7), служившие при выделке кувшинов — «кӯза» для формовки тулова разбивкой его лопаточками-колотушками «товонча»; «ғундак» — наковаленки из обожженной глины (рис. 29, 10, 13), употребляемые при разбивке тулова кувшинов «куза» с целью придания ему шарообразной формы; «сепоя» — треногие прокладки (рис. 29, 14—16), употреблявшиеся при обжиге стопками мисок и блюд.

Для любителей куропаток (кабк) и перепелов (бедона) делались подвешивавшиеся к клеткам спаренные чашечки для зерна и воды, называвшиеся «донкосаи кабк» (рис. 28, 6), и поменьше размером — «донкосаи бедона» (рис. 29, 3).

Без услуг гончаров не обходились и музыканты, для которых делались «мехтар» — трубы типа зурны (рис. 30, 1) и «нақора» или «тавлак» (рис. 30, 4) — резонаторы для ручных барабанов, обтягиваемые кожей. К этой же категории изделий относятся и «буғи осиё» — мельничная труба-резонатор (рис. 30, 3), в которую трубили, давая знать, что мельница свободна. До сих пор к праздникам Навруза, Курбана и Рамазана гончары, чаще их ученики и подмастерья, делают из обожженной глины «хуштак» свистульки в форме птиц (тӯтӣ, мусича), лошадки (аспак), барашка (қушқорча), какого-то называемого «львом» фантастического зверя «шер» (рис. 31, 1—8; рис. 32, 1—8). Игрушки эти иногда покрываются зеленой глазурью, иногда же раскрашиваются после обжига желтой краской из травы «испарак» (живокость) с красными полосами и точками по ней. Иногда свистулька соединяется с маленьким игрушечным кувшинчиком для воды и называется тогда «кӯгичаҳушток» (рис. 31, 9).

К этому довольно обширному списку предметов, выделывав-




Рис. 32. Изделия каратагских гончаров: *1*—игрушка «лошадка с седлом»—аспак (КП 407—10); *2*—игрушка «лев»—шер (КП 407-11); *3*—игрушка «лошадка с седлом»—аспак (КП 342-80); *4*—игрушка «лошадка с седлом»—аспак (КП 342-81); *5*—свистулька «лошадка»—(КП 342-76); *6*—то же (КП 342-77); *7*—то же (КП 342-78); *8*—игрушка «лошадка с седлом»—аспак (КП 342-79)



шихся и выделываемых каратагскими гончарами, необходимо добавить неполивные цветочные горшки (гултувак), которые прочно вошли в состав гончарных изделий. Они измеряются по объему от полулитровых (нимлитрӣ) до пятилитровых (панҷлитрӣ) и даже больше.

Все перечисленные виды изделий каратагских гончаров делаются из обожженной глины. Кроме них гончары делают из необожженной глины с примесью козьей шерсти печи для выпечки хлебных лепешек (танӯр) в форме сужающегося к одной стороне цилиндра с венчиком на этом конце. Такие тануры делаются для пекарен и бывают большого размера, высотой свыше метра и около метра в диаметре широкого конца. В пекарне они устанавливаются на возвышении на бок, широким краем вплотную к стене. Такие же печи, но меньшего размера, делаются для выпечки хлебных лепешек в домах и ставятся они вертикально. Они называются «дегдони нонпазӣ». Такой же примерно формы, но еще меньшего размера, делались и печи для «сандалӣ» — углубления в полу комнаты, в которое зимой насыпают горящие угли для обогревания помещения и сидящих около сандали людей. В них хлеб не пекут, и вообще для приготовления пищи их не используют. Называются они «дегдони сандалӣ».

## КУЗНЕЧНОЕ, САПОЖНОЕ И ДРУГИЕ РЕМЕСЛА

О гончарстве Каратага, как уже говорилось, имеется монография Е. М. Пещеревой, и самое это ремесло еще существует и дает возможность дополнительно собрать недостающий материал. Ткачество также существует, и живы еще традиции и трудовые навыки каратагских ткачей, давшие возможность собрать довольно подробный опросный материал и проиллюстрировать его рисунками орудий производства и описаниями тканей, как выделывающихся сейчас, так и старинных. С остальными ремеслами Каратага дело обстоит иначе.

Как отмечалось во вводной части работы, Каратаг носил в Восточной Бухаре репутацию «кони касабаҳо» — средоточия ремесел. При сборе материалов нами было записано двадцать видов мужских занятий, явно носивших характер ремесла и имевших свои цеховые организации. Однако в то время, когда нам довелось проводить сбор сведений для настоящей работы, большинство из этих ремесел уже давно прекратили свое существование. Так, совершенно исчезло производство набойки, литейное дело, изготовление медных и ювелирных изделий, мыловарение и производство свечей, шорное и кожевенное производство. Красильное дело как ремесло прекратилось, а его функции перешли к ткачам. Точно так же прекратили свое существование в качестве

самостоятельного ремесла снование основы и заправка ее в ремизы и берда ткацкого станка, которые тоже перешли к кругу занятий самих ткачей.

Существуют до сих пор, но с весьма ограниченной сферой деятельности, такие ремесла, как кузнечное, деревообделочное и сапожное, а кондитеры (халвогар), пекари (нонвой), мясники (кассоб), шашлычники (кабобпаз) и торговцы жареной рыбой (мохипаз) существуют как единичное явление и чаще в системе сельской кооперации. Например, до 1964 г. на весь Каратаг был один старик — шашлычник Юлдошбой, но с его смертью этот промысел прекратился. Пекари, два или три человека, работают в каратагской лепешечной пекарне потребкооперации, так же как и единственный в Каратаге мясник и один торговец жареной рыбой.

Кузнечное ремесло Каратага, снискавшее себе когда-то громкую известность в крае своими изделиями очень широкого ассортимента, сейчас сошло почти на нет, ограничив свою деятельность выполнением мелких работ, вроде изготовления серпов (дос), дверных цепочек (зулфаки дар), выделки подков (наъл) и гвоздей к ним, и подковыванием лошадей и ослов. Из известных во время сбора сведений стариков-кузнецов нужно упомянуть Усто Джурабая, проживавшего в квартале Тошкургон и имевшего там при доме кузницу, и Усто Латифа из квартала Мехчагари, тоже весьма преклонного возраста. Молодежь не занимается этим ремеслом. В Каратаге есть только один молодой кузнец Бобокалон из Квартала кожевников.

Когда-то, по сведениям посетивших Каратаг путешественников и по словам наших информаторов, все многочисленные кузницы Каратага, число которых доходило до 32, были расположены в специальном кузнечном ряду на базаре на левом берегу Каратагдарьи и встречали въезжавших в город со стороны Регара путников стуком молотов и звоном и лязгом обрабатываемого металла. В настоящее время мастерские кузнецов находятся у них дома.

Кузнецы по своей специальности делились на ковалей (устои аспнаълкун), ножовщиков (кордсоз), кетменщиков (кетмангар), сабельщиков (шамшерсоз), литейщиков (дегрез), гвоздарей (мехчагар). Литейщики, занимавшиеся в старину главным образом отливкой котлов, в последнее время перешли на отливку лемехов (охани чуфт).

К корпорации кузнецов когда-то примыкали еще и медники и ювелиры, имевшие общего с кузнецами патрона ремесла — «святого пророка Давида» и считавшиеся поэтому «хампира» — коллегами по покровителю ремесла с кузнецами. Эти ремесла объединялись тем, что они были связаны с огнем и горном.



По сообщениям информаторов, в каждой кузнице работали по три—четыре кузнеца с подмастерьями и учениками.

Кузнецы делали вещи на продажу, а также выполняли заказы жителей Каратага и приезжавших из окрестных кишлаков крестьян.

Иногда, в сезон полевых работ, во время сенокоса (алафдарав) или уборки хлебов (ғалладарав) некоторые кузнецы выезжали из Каратага в сельскую местность. Так, например, отец одного нашего информатора — кузнеца Бобокалона в начале 20-х годов выезжал из Каратага на работу в селение Бешкаппа и в другие селения Гиссарской долины, и там, по договоренности с членами сельской общины и старостой кишлака, устанавливали таксу за кузнечные работы в переводе на зерно. Зерно это кузнец осенью сам собирал с заказчиков и отвозил домой. Питание мастеру во время работ давало сельское общество. Мастер работал своими инструментами, а материал, т. е. металл и уголь, ему давали заказчики. Иными словами, условия работы кузнеца в данном случае были вполне схожи с условиями работы кузнецов в селениях Каратегина и Дарваза, выявленными нами при обследовании ремесел и промыслов населения этих регионов [53, с. 208].

Инструмент кузнецов Каратага в основном мало чем отличается от инструмента кузнецов Каратегина и Дарваза и по форме, и по названиям [53,с. 198—204], только здесь мы не встречаем мехов, сделанных из двух снятых чулком козлиных шкур, а находим прочно вошедшие в обиход меха нового типа, принятого в городах Туркестана после присоединения Средней Азии к России. То же можно сказать и о форме наковальни, с тем только добавлением, что в Каратаге бытовали и наковальни старого типа в форме квадратного в поперечном сечении чурбака с несколько выпуклой рабочей поверхностью, а также и наковальни нового типа с удлиненным и сходящим на конус одним концом, завозившиеся из Самарканда и других городов равнины. Входили в употребление и тиски (гиро) фабричного изготовления.

Каратагские кузнецы выделывали довольно разнообразный ассортимент предметов. Это были: «кетман», «каланд» — кетмень; «хоркантеша» — кельтовидная мотыга с лезвием, поставленным перпендикулярно ручке. Служит для расчистки новых земель от корней вырубленных кустарников; «тавар» — топор-колун; «исканатавар» — топорик с обухом в форме стамески или долота; «тавартеша» — топорик-кельт; «пойтеша» — большой кельт для раскалывания бревен на доски и для выстругивания последних; «тешаи дасти» — кельт меньшего размера, употребляемый как колющее и строгающее орудие; «новатеша» — кельт, лезвие которого сделано желобком. Служит для выделывания деревянных ложек, половников, деревянных туфель и

других предметов; «тавари майда» — небольшой топорик, употребляемый мясниками при разделывании туш забитых животных; «дос» — серп разных размеров; «чоду» — зубчатый серп для измельчения при его помощи люцернового сена; «токбур» — секач для обрезки виноградных лоз; «корд» — ножи разных форм и размеров; «поку» — бритвы; «искана» — долото; «зулфаки дар» — дверные цепочки-накладки; «кафгир» — шумовки; «оташгирак» — щипцы для углей; «наълу мехаш» — подковы и гвозди к ним; «даравши муккидӯзӣ»— шилья сапожные и другие мелкие изделия.

Кроме того, кузнецы изготовляли и металлические части для местных водяных мельниц и крупорушек.

Однако каратагские кузнецы получили известность в Средней Азии и далеко за ее пределами не этими обыденными своими изделиями, а отличными дамасской стали и просто стальными клинками и ножами, широко расходившимися по стране. Упоминания об этом мы находим почти у всех путешественников, когда-либо посетивших Каратаг [32, с. 190; 23, II, с. 148; 24, с. 596; 25, с. 83; 28, II, с. 383; 29, с. 325]. О выделке ножей в Гиссаре и о их высоком качестве писал и Вамбери: «Карши отличаются ножевыми изделиями разного рода, хотя не такого высокого качества, как изделия Гиссара (неподалеку отсюда). Изделия эти не только расходятся по всей Средней Азии, но доставляются через хаджи в Персию, Аравию и Турцию, где им дают за них втрое и даже вчетверо больше стоимости. Один сорт из дамасской стали, с рукоятками, выложенными золотом и серебром, в самом деле отличаются большим вкусом и прочностью и закалкой могут пристыдить самые знаменитые изделия Шеффильда и Бирмингама» [12, с. 113].

По-видимому, размеры этого производства были очень велики и сведения о существовании в Каратаге 32 кузнечных мастерских являются отнюдь не преувеличенными, так как торговля ножевыми изделиями была очень оживленной и потребность населения в этих изделиях была очень большой. Помимо того, что нож, носимый в ножнах на поясе, являлся необходимой принадлежностью мужского национального костюма таджиков, узбеков и других народов Средней Азии, по крайней мере на равнине, дорогие ножи хорошей работы ценились и ценятся еще и как капитал — «милк», как вещь, которую при нужде можно быстро реализовать. Так, например, когда нам в 1959 г. в Ура-Тюбе попадались старинные ножи дамасской стали с ценными ручками из слоновой кости (дандон) изделия среднеазиатских мастеров, то владельцы их не соглашались их продавать. О том, как далеко и какими путями заходили ножевые изделия среднеазиатских мастеров, мы можем судить по сообщению Вамбери, писавшего, что «...пятьдесят или шестьдесят хаджей, прибывших со мной из



Средней Азии в Герат, привезли с собой около сорока дюжин шелковых платков из Бухары, около двух тысяч ножей, тридцать кусков шелковой материи из Намангана, большое количество кокандских даппи (шапочек, на которые навертываются тюрбаны) и проч. Это только хаджи, отправившиеся по одной дороге» [12, с. 214]. На основании этих сведений мы можем сказать, что в некотором отношении торговые связи в те годы были отнюдь не такими затрудненными, как это иногда представляется. Просто они носили нерегулярный характер. На основании этих же сведений можно признать за достоверное и сообщение наших информаторов о том, что клинок дамасской стали (шамшери чавҳардор), сделанный каратагским мастером Мирзо Абдуллой заргаром или Мулло Абдуллой каллиграфом для гиссарского правителя и отосланный последним в подарок (тортук) эмиру бухарскому вместе с собранными налогами, эмир отправил в подарок турецкому султану (халифаи Рум). Прозвище «хушхат» — каллиграф было дано Мулло Абдулле за то, что он обладал очень хорошим почерком, и написанные им крупным арабским шрифтом на листке красивой бумаги «китъа» (обычно четверостишие или изречение какого-нибудь знаменитого поэта) ценились любителями каллиграфии очень высоко и охотно скупались ими. Благодаря своему красивому почерку Мулло Абдулла состоял при гиссарском беке в качестве писца, которому поручалось писание донесений местного правителя эмиру Бухары.

По сведениям тех же информаторов, у каратагского гончара Усто Мукума был нож с позолоченной ручкой, который сделал и подарил ему его приятель — известный каратагский ювелир Карим-заргар и который ему пришлось отдать гиссарскому беку, увидевшему у него этот нож. Упомянутый ювелир Карим-заргар был внуком индуса и местной каратагской жительницы, сам был женат на таджичке и исповедовал ислам. По сведениям информаторов, в Каратаге до землетрясения было несколько индусов-ювелиров. Изготовляя ювелирные украшения для местных жителей, они, в частности, делали золотые украшения для локайских женщин, в том числе украшения, называвшиеся «пешовез» (по-видимому, нагрудные украшения, ожерелья), и бляшки для нашивания на женские головные повязки, обшитые по верхнему краю полоской меха выдры.

У таджичек Каратага были в употреблении как ювелирные украшения изделия местных мастеров, отличавшиеся некоторой массивностью, так и украшения, завозившиеся из городов Туркестана, особенно Самарканда и Бухары. Среди последних особенно ценились ожерелья, состоявшие из семи медальонов, соединенных семью рядами серебряных цепочек. Медальоны делались полыми и заполнялись мастикой или гипсом. Боковые шесть медальонов делались прямоугольной формы и с лицевой стороны

украшались растительным орнаментом из перегородчатой эмали, называвшейся «минокорӣ». Центральный медальон делался фигурным, часто сердцевидной формы и кроме орнамента украшался еще сверху небольшой фигуркой птицы, а в центре — какой-либо надписью религиозного содержания, сделанной арабским шрифтом, молитвенной формулой и т. п. Все медальоны обильно украшались подвесками из перламутровых или коралловых бус, иногда штампованными пластинками в форме рыбок. Из местных типов ожерелий в Каратаге, как, впрочем, и повсюду в Гиссарском крае, были и до сих пор еще находятся в большом ходу ожерелья из бухарских тенег (ҳамели танга), нанизанных за припаянные к ним колечки вперемежку с коралловыми бусинами и серебряными пронизками из крупной, спаянной в бусины зерни, а также и ожерелья из разноцветного бисера (гарди хазина).

Сапожное ремесло в Каратаге сейчас потеряло свое значение, что объясняется главным образом бурным развитием обувной промышленности, снабжающей нашу широко разветвленную торговую сеть разнообразным ассортиментом обуви. Как и всюду в Средней Азии, особое признание получили в Каратаге полуглубокие резиновые галоши, вырабатываемые резиновой промышленностью под названием «азиатские».

Немногочисленные оставшиеся в Каратаге сапожники либо занимаются починкой обуви, либо перешли к другому занятию, а сапожничеством занимаются от случая к случаю, выполняя заказы редких любителей старины или изготовляя для продажи на рынке одну или две пары какой-либо обуви старых фасонов.

Так, один из наших информаторов Табар Абдукадыров, местный житель, 1900 г. рождения, до установления в Средней Азии Советской власти работал сапожником — шил местную обувь особого вида, называвшуюся «шиппак». Своему ремеслу он с малых лет обучался у своего отца. В пятнадцать лет Табар уже шил самостоятельно детскую обувь, а лет с двадцати получил от своего отца разрешительную молитву (фотиҳа), дававшую ему право самостоятельно заниматься сапожным делом. Так как он был потомственным мастером, то вся церемония получения им этой фотиха происходила очень просто. Отец, видя, что его сын уже может сам самостоятельно шить обувь и что его возраст уже подошел к тому пределу, когда человеку пора обзаводиться семьей, в один прекрасный день благословил его на самостоятельную работу словами «касби ман — касби ту, оумин, аллоҳ акбар» (мое ремесло — твое ремесло, аминь, велик господь), и с того дня Табар стал мастером, членом цеха сапожников (касаби мӯзадӯзҳо). Однако потом, когда сапожное дело пришло в упадок, Табар был вынужден избрать другое занятие.

Некоторые сапожники занимаются шитьем «маҳсӣ» — сапог с мягкими подошвами и без каблуков, которые до сих пор еще



в большом ходу, благодаря традиции местного населения обходиться без мебели и проводить свою домашнюю жизнь на полу. Кроме того, при некоторых ритуалах, например во время похорон, носить ичиги предписывается обычаем, что тоже в какой-то мере способствует сохранению этого промысла.

Когда-то сапожный цех в Каратаге был не менее многочисленным, чем кузнечный. Сапожники обеспечивали своими изделиями жителей не только самого Каратага, но и окружающих его кишлаков, населенных как таджиками, так и различными узбекскими полукочевыми племенами. Сырье для своего производства — обработанные различными способами кожи, главным образом кожи домашнего скота, а гораздо реже и кожи диких козлов, сапожники либо получали от заказчиков, либо приобретали на местном рынке у кожевников, продававших там свой товар в шалашах из ветвей или камышовых циновок (чайла), либо заказывали кожевникам изготовить для них необходимые материалы.

Обувь, вырабатывавшаяся сапожниками Каратага, была довольно разнообразна и рассчитана на вкусы и потребности как городского, так и сельского населения, с учетом и национальных вкусов последнего. Это были:

«Кавшу маҳсӣ» — ичиги и кожаные с низким задником галоши к ним. Они были обувью городского и некоторой (наиболее привилегированной) части сельского населения. Их носили как мужчины, так и женщины. После присоединения Туркестана к России и особенно после заключения договора между Россией и Бухарой в 1895 г. в Бухару, в том числе и в Восточную, усилился приток промышленных товаров российского производства. В частности, в это время стали появляться получившие признание у населения Бухарского ханства казанские ичиги, сшитые из кусочков разноцветного сафьяна, так называемые «маҳсии ирокӣ». Появились они и в Каратаге, и наиболее искусные местные сапожники научились изготовлять такие же ичиги по образцу завозных.

«Мӯза» — сапоги. Различались два вида. Первые — сапоги на очень тонком и очень высоком каблуке, даже затруднявшем хождение. Они шились специально для «чавандозҳо» — участников конной игры с тушей козла, так называемого козлодранья (бузкашӣ), при которой всаднику нужно было очень крепко держаться в седле и иногда низко наклоняться, чтобы подхватить тушу козла с земли или вырвать ее из-под ноги другого всадника — своего противника. Вот для того, чтобы ноги крепко держались в стременах, каблуки сапог и делались очень высокими.

Второй вид сапог шился таким же покроем, как и первый, но каблуки делались не такими высокими, однако гораздо выше, чем, например, делают теперь. Такие сапоги носили обычно тор-

говцы, которым приходилось много разъезжать верхом по своим торговым делам.

«Кавши занона» — женские туфли нескольких фасонов. Наиболее модными были «кавши нӯғай» — ногайские туфли с закрытым подъемом и низким задником, на довольно высоком каблуке. Судя по названию, этот фасон туфель был заимствован, по-видимому, от татар. Второй фасон женских туфель называли просто «кавш». Они отличались от предыдущих только тем, что каблук делался средней высоты. Третьим фасоном шились женские туфли на низком каблуке, назывались они «чакӣ» или «кавши чакӣ». Их носили жительницы кишлаков, а также женщины местного тюркского населения.

Женщины знатного происхождения и положения носили «кавши кундал» — парчовые туфли или «кавши ироқӣ» — туфли, вышитые крестом, по-видимому, шахрисябзского производства, где вышивка крестом была широко распространена.

«Шиппак» — упоминавшиеся выше женские туфли с очень низким, в три слоя кожи, каблуком, которые шили специально для узбекского населения окрестных горных кишлаков.

«Муккӣ» — мужская, женская и детская обувь сельского населения, носившаяся в сухое время года во время сельскохозяйственных работ и представляющая собой род сапог с невысоким, немного выше щиколотки, голенищем и подошвой из нескольких слоев кожи с рантом, на носке немного загнутой вверх и назад. За последнее время эту обувь стали подшивать резиновой подошвой, вырезанной из старых автомобильных покрышек, отчего сапоги эти стали более прочными в носке и не скользят при ходьбе и работе на поросших травою горных склонах.

«Муккии панчикатӣ» или «муккии баландак» — обувь типа сапог, с высоким, до колен, голенищем, но без каблуков, причем края подошвы загибались на лапу и пришивались к головке. Такого фасона сапоги шились в Каратаге очень редко. Они были обычны у населения ущелья р. Варзоб, Ягноба и Матчи.

«Чориқ» или «хомак» — чулкообразная обувь, шившаяся без колодки из цельного куска сырой коровьей кожи шерстью наружу. Ее носили только самые бедные крестьяне в ненастную пору года и охотники при хождении по горным кручам и каменным осыпям в поисках крупной дичи — горных козлов. Надевая эту обувь, внутрь подстилали солому и ноги обматывали портянками (пойтоба), а поверх голенищ ноги выше щиколоток туго перевязывали тесемками (чориқбанд). Эту обувь чаще шили не сапожники, а каждый для себя, так как это было не сложно.

Наряду с этими видами обуви, изготовлявшейся местными профессионалами-сапожниками, необходимо еще упомянуть туфли с загнутыми носками, так называемые «пайзор», которые за-



возились из Афганистана. Они не имели в Каратаге распространения. Их носили только жившие здесь немногочисленные афганцы-торговцы, а также и два скорохода (шотир) гиссарского бека Остонакула, сопровождавшие его при торжественных выездах. Кроме того, этот вид обуви был изредка в употреблении и у населения афганского происхождения, проживавшего в некоторых селениях Гиссарской долины.

Сапожники в зависимости от своей специализации делились на «мӯзадӯз» — собственно сапожников, шивших сапоги, «маҳсидӯз» — мастеров, шивших ичиги, «кавшдӯз» — мастеров, занимавшихся шитьем туфель, «муккидӯз» — мастеров, шивших мукки, «шиппакдӯз» — мастеров, шивших шиппак и т. д.

Заготовщиков, т. е. мастеров, занимавшихся только раскроем обуви и изготовлением заготовок, у сапожников не было, и каждый мастер сам раскраивал кожи сапожным ножом (чармбур) по выкройкам, сделанным из выделанной кожи (рахт). При шитье обуви употреблялись деревянные колодки (қолиб), причем шиппак и мукки шили для обеих ног на одну и ту же колодку. Остальной несложный инструмент сапожника состоял из шила (дарафш, бигиз), иголки (сӯзан) и молотка (болиқача), который служил для прибивания каблуков и подковок на них.

Довольно сильно было развито и шорное дело (сарроҷӣ). Отсутствие в крае колесного сообщения обуславливало наличие у населения большого числа транспортных животных, служивших как для перевозки продуктов и товаров, так и для передвижения самих жителей. А это, в свою очередь, создавало большую потребность в соответствующем снаряжении этих транспортных животных, главным образом лошадей и ослов и реже верблюдов, т. е. создавало спрос на вьючные седла, уздечки, подпруги и другую сбрую.

Шорники (сарроҷ) шили всякую конскую сбрую, а занимавшиеся изготовлением верблюжьих вьючных седел (ҷаҳози шутур) и конских и ослиных вьючных седел (туқӯм), назывались «туқӯмдӯз». К шорному делу относилось и изготовление кожаных сундуков-укладок (яхдон), в которых хранили платье в домах, а также перевозили наиболее ценные товары, вроде дорогих шелковых материй, халатов и т. п. Специалисты этого дела назывались «яхдондӯз».

Производства седел в Каратаге не было. Этой необходимой частью конского снаряжения жителей Каратага снабжали кулябские мастера — седельщики (зингар), привозившие свою продукцию для реализации в Каратаг.

Кожевенное дело, имевшее большое значение для сапожного ремесла и шорного дела как источник снабжения их основным материалом — кожевенным товаром, в настоящее время сошло на нет. Сейчас в Каратаге кожевников нет, если не считать од-

ного или двух человек бывших кожевников, время от времени выделывающих несколько кож, больше для собственного употребления.

Некогда кожевенное дело (чармгарӣ) было, видимо, широко развито, и кожевники заселяли целый квартал Каратага, называвшийся поэтому Кварталом кожевников (Гузари чармгарӣ), расположенный на правом берегу реки ниже всех других правобережных кварталов города. Исключение составляли только «кемухтгар» — мастера, производившие шагрень, жившие в самом верхнем квартале на левом берегу реки, называвшемся Тешиктош. Такое расположение квартала кожевников было обусловлено спецификой кожевенного дела, для которого требовалось большое количество воды. Чтобы кожевники не загрязняли реку, служившую населению единственным источником питьевой воды, им было отведено место ниже по течению реки. Здесь на берегу были вырыты ямы, в которых вымачивались кожи. Иногда кожи вымачивались прямо в реке, а чтобы быстрое течение не сносило их, на них клали несколько тяжелых камней. После замочки кожи заквашивались либо в специальных ямах, либо в больших сосудах из обожженной глины, называвшихся «ём». Для удаления шерсти и волоса с кож употребляли известь, которую кожевники покупали у гончаров. Взамен этого кожевники сбывали снятые с кож шерсть и волос, которые гончары употребляли в своем производстве. Здесь мы видим как бы взаимообслуживание двух видов ремесла, к тому же территориально расположенных в непосредственном соседстве, так как Квартал гончаров примыкал к Кварталу кожевников и был расположен лишь выше по течению реки. Случайно ли это соседство или нет, осталось нам неясным.

Выделанные кожи либо подкрашивались в желаемый цвет, либо подкуривались дымом, отчего становились желтыми.

Кожи делились на «рахт», «чарм» и «кемухт». «Рахт» — это кожа, шедшая на верха обуви. Обычно она выделывалась из козлиных и бараньих шкур. Первая называлась «рахти такагӣ» и шла на верха, а вторая — «мешӣ» — шла на поднаряд (астар). Термином «чарм» называлась толстая кожа, выделывавшаяся из шкур крупного рогатого скота. Она шла на подошвы и набойки. «Чарм» делилась на юфть (булғор), ременную кожу (қаиш) и на подошву (тагакӣ). Лошадиные шкуры выделывались очень редко и не ценились. Высоко ценилась за свою прочность «рахти охугӣ» — кожа, выделанная из шкуры дикого козла (оху). Шагрень (кемухт) выделывалась из конских, верблюжьих и ослиных шкур. Этим занимались специальные мастера-шагреньщики (кемухтгар). Шагрень шла на шитье специального вида обуви «шиппак», которую носили женщины полукочевых узбеков рода мусобозори, проживавших в селениях по ущелью Каратагдарьи выше самого Каратага. Эта кожа, зеленого цвета, шла также на вставки, которые делались у ичигов на заднике. Кроме того, шагрень шла и на другие нужды, например на корешки книжных переплетов и пр.



К сожалению, более подробных сведений об этом ремесле собрать не удалось.

Интересно отметить, что сырье кожевникам поставляло окружающее Каратаг тюркоязычное кочевое и полукочевое население, которое сбывало как скот, так и кожсырье на местных рынках Гиссарской долины. Оттуда кожи попадали к кожевникам и сапожникам в переработку и возвращались от них уже в виде той или другой обуви и выделанных кож к тем же кочевым и полукочевым племенам Гиссарского края. Дальнейшее исследование вопроса взаимоотношений оседлого населения таджиков и соседящих с ними кочевых и полукочевых народов должно дать интересный материал о взаимоотношениях города и степи.

Деревообделочный промысел был развит сравнительно слабо, хотя нельзя сказать, чтобы в обиходе жителей Каратага и в их хозяйстве деревянная утварь и деревянные орудия труда были мало употребляемы.

Все мастера, занимавшиеся обработкой дерева, назывались общим термином «чӯбтарош» и имели одного патрона-покровителя ремесла деревообделочников — легендарного библейского пророка Ноя (ҳазрати Нӯҳ пайғамбар). Этот термин применяли внутри цеха только по отношению к мастерам-строителям, выполнявшим работы, связанные с устройством деревянных каркасов и потолочных перекрытий зданий. Мастера, делавшие двери и окна, а также табуреты для сандала, табуреты и очень редко шкафчики, которые ставились в стенные ниши и на них складывались постельные принадлежности, а также изготовлявшие другие более мелкие поделки, назывались «дуредгар». Они же делали и ткацкие станки, прялки, вальцы для очистки хлопка, деревянные части мельниц, крупорушек и маслобоек. Вся эта продукция была простой по выделке, а если кому требовались, например, нарядные филенчатые двери или двери-ставни, служившие вместо оконных рам для закрывания оконных проемов в холодное время года, то эти предметы завозились из Самарканда. В большинстве случаев двустворчатые филенчатые двери, украшенные резьбой, которые попадались нам в жилищах каратагцев и эстампажи с которых были сняты художницей Х. А. Жаба, были все самаркандского производства. Конечно, были и исключения. Так, въездные ворота большого караван-сарая, выходившие на базарную площадь Каратага, были сделаны местными мастерами и, по рассказам, были богато украшены цветной росписью с позолотой, выполненной упоминавшимся выше мастером на все руки, в том числе и живописцем (наққош) Мирзо Аб-

дуллой. Караван-сарай этот принадлежал местным жителям Исмаилу и Ибрагиму и представлял собой, по-видимому, довольно монументальное строение, так как в годы гражданской войны он даже служил один раз цитаделью, в которой оборонялись окруженные басмачами воины Красной Армии.

Третьей категорией деревообделочников были токари (харрот). Они выделывали на ручных токарных станках веретена, отдельные части ткацких станков, прялок, колыбелей, трубочки для стока мочи, употребляемые при укладывании детей в колыбель, и разные другие мелкие поделки, вплоть до шахмат.

Точеную деревянную посуду в Каратаге не выделывали. Этим занимались мастера в селениях, расположенных выше Каратага по ущелью Каратагдарьи, откуда эта посуда поступала на базар Каратага.

Довольно большое развитие имело в Каратаге кондитерское дело — выработка разных сладостей довольно широкого ассортимента. Сейчас это производство можно считать отмершим. Кондитеры (халвогар) Каратага работали исключительно на виноградном бекмесе (ширинии ангур), в изобилии выделывавшемся в прежнее время в селениях Ходжа Вахшивор, Газарат и особенно в селении Сина, расположенных на южных склонах Гиссарского хребта около Денау. В этих кишлаках издавна культивировались в расстил (заминакӣ) прекрасные местные сорта винограда, из которого приготовлялись высококачественный изюм и бекмес, шедший в качестве основного материала на выработку сластей. После присоединения Туркестана к России и Гиссарского края к Бухарскому ханству, т. е. начиная с семидесятых годов прошлого столетия, а особенно в конце девяностых годов, когда стала бурно развиваться торговля российскими товарами по всему ханству, местные кондитеры стали вместо бекмеса употреблять и завозившийся через Самарканд сахар. Однако изделия, сделанные на сахаре, обходились (а поэтому и продавались) гораздо дороже изделий на бекмесе. Так, если килограмм халвы, сделанной на виноградном бекмесе, стоил полторы теньги, то такое же количество халвы, сделанной на сахаре, стоило вдвое дороже.

На виноградном бекмесе делали кунджитную халву (ҳалвои кунҷитӣ), ореховую халву (ҳалвои чумоқӣ или ҳалвои мағзӣ) и и «ҳалвои тирӣ» — халву «стрелками», а такие сладости, как широко известная по Средней Азии «ҳалвои пашмак» из бараньего сала с мукой, или «ҳалвои лавз» — тип помадки или постного сахара, делались на сахаре.

Во время сбора полевых материалов в Каратаге нам приходилось видеть на местном базарчике одного или двух стариков, торговавших конфетами своего приготовления в форме длинных палочек, завернутых в белую бумагу, концы которой были разрезаны в виде бахромы и окрашены в розовый или фиолетовый цвет. Эти конфеты продавались и на вес, и поштучно, и торговля ими шла довольно бойко — их покупали для ребятишек. При расспросах этих стариков толковых сведений от них получить не удалось, так как они, по-видимому, уже не знали ни кондитерского дела, ни цеховых порядков этого вида промысла.

Вот и все сведения, которые нам удалось собрать по ремеслам, когда-то имевшим большое развитие в Каратаге.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из изложенного материала видно, что ремесла в Каратаге были развиты очень неравномерно. Некоторые виды ремесел были развиты более других и представляли собой уже предприятия, создававшие товарную продукцию, чаще всего переходившую из рук непосредственного производителя в руки предпринимателя, который либо сам реализовывал ее на рынке, либо сдавал торговцам, занимавшимся скупкой и перепродажей продукции ремесел. Тут уже не было никакого обмена продукции ремесла на сельскохозяйственные продукты, как это было, например, в Дарвазе и Каратегине, о чем мы в свое время писали в главе о домашних промыслах и ремеслах таджиков этих горных районов [53, с. 290]. В первую очередь отметим это применительно к ткачеству Каратага. Это ремесло было здесь наиболее развитым. Ткачи были совершенно не связаны с сельским хозяйством и даже при доме ничего не сеяли и не сажали. Да это и не представлялось возможным: участки при домах были настолько малы, что негде было этим заниматься. Часто ткачи были лишены и орудий производства— ткацкого станка и работали на хозяйском станке на дому у хозяина-предпринимателя, иногда получая там же питание и кров. Некоторые предприниматели (устокор) держали на дому весьма значительное количество ткацких станков, а также отдавали заготовленные полуфабрикаты — готовые основу и уток будущих тканей надомникам-ткачам, работавшим у себя дома. Так, на предпринимателя Эшони Кимова, выпускавшего в конце прошлого века большое количество гиссарской шелковой алачи с абровым узором, работало одновременно до шестидесяти станков. Для бесперебойного снабжения их необходимыми материалами этот предприниматель держал специальных мастеров, из которых одни, называвшиеся «рангуборчӣ», были заняты окраской пряжи, другие ведали снованием основы, третьи заправкой этой основы в ткацкие станки. Намоткой утка на цевки были заняты тоже специальные люди. Особые мастера — «абрбанд» наносили рисунок на основу алачи и перевязывали ее перед крашением. Таким образом, здесь существовало то разделение трудовых процессов ткацкого ремесла на отдельные операции, которое было отмечено В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России» для ткацкого ремесла в России начала XX века.



За свою работу каратагские ткачи получали с предпринимателя деньги из расчета за каждую пару сотканных кусков ткани, а иногда получали плату и тканью, которую сами же изготовляли.

Товарным ремеслом было и гончарство, поставлявшее свою продукцию на местные рынки как в самом Каратаге, так и в его округе.

Некоторые другие ремесла носили менее выраженный характер товарного производства, являлись как бы смешанными. Часть продукции они делали для реализации на рынках, например, так делали ножовщики. В то же время кузнецы выезжали на сезонную работу в сельскую местность и там, по договоренности с населением того или иного кишлака, обслуживали его, делая все необходимые орудия труда и предметы быта уже непосредственно по конкретным заказам, за что получали плату натурой, чаще всего зерном, а также питание.

Существовала и третья градация ремесел, носивших уже явно характер домашнего производства на продажу, хотя по объему производимых работ они иногда мало уступали другим, более развитым ремеслам, даже такому, как ткачество.

К этой группе производств в первую очередь нужно отнести прядение, которым в Каратаге занималась почти каждая женщина в свободное от домашних дел время. То же самое можно сказать и об очистке хлопкового волокна от семян (халлочикашӣ), которую выполняли те же женщины; потом они перерабатывали очищенное волокно на пряжу. К этой же категории производств относились и «ашатоукунӣ» — обработка шелка-сырца, заключавшаяся в отбеливании его посредством отваривания в щелоке и последующем вытягивании и лощении; шитье одежды, главным образом халатов и паранджей, выполнявшееся наиболее искусными швеями у себя на дому по специальному заказу и только из материалов заказчика, а также шитье тюбетеек, расходившихся в большом количестве, особенно перед годовыми мусульманскими праздниками, когда каждому представителю мужского пола полагалось надевать новую одежду, в том числе и тюбетейку.

Вышивание, особенно узорных полосок (широз) для обшивки краев околыша тюбетейки, а иногда и вышивание более крупных предметов, вроде молитвенных ковриков (ҷои намоз) и декоративных настенных панно (сӯзанӣ), тоже являлось довольно широко развитым женским домашним производством. К нему же нужно присоединить и плетение узорных тесемочек различного назначения, а именно для обшивки халатов, воротов мужских рубах с горизонтальным разрезом последнего, низа женских ша-

ровар и т. п. Все эти виды промыслов, находившиеся целиком в руках жещин, тоже носили характер товарного производства, продукция их в основном шла на продажу. на рынке, и лишь пошив одежды и вышивание крупных предметов швеи выполняли на заказ. Обработка шелка тоже производилась по заказу крупных предпринимателей, завозивших иногда шелк-сырец в необработанном виде. Пряжа была товаром, который никогда не залеживался.

Несмотря на большой объем производимой продукции, женские промыслы, носившие характер товарного ремесла, не были организованы в цеховые организации, в то время как мужские ремесла имели определенное цеховое устройство, характерное для мужских ремесел Средней Азии вообще, описанное в работах Е. М. Пещеревой [42, с. 311—372] и О. А. Сухаревой [51, с. 157—181].

Наибольшее развитие ремесла Каратага получили после замирения края, в последней четверти прошлого столетия. Это развитие продолжалось и в первой четверти нашего века, но наступившая разруха в период гражданской войны и басмачества остановила этот процесс накануне образования мануфактурного производства, которого ремесла так и не достигли.

Установление Советской власти в стране, налаживание хозяйства и торговли открыли широкий путь для проникновения в край массы товаров фабричного производства, и ремесленное производство, подчиняясь общему закону, не смогло конкурировать с фабричным, тем более что источники получения сырья для некоторых видов ремесла стали недоступны, а само занятие ремеслом в частном порядке стало невозможным. В результате часть ремесел совсем отмерла, а другая часть либо перешла на кооперативный путь (в частности, это можно сказать о некоторой части ткачей и гончарах), либо стала близка к завершению своего существования.

Заканчивая эту работу, хотелось бы отметить взаимоотношения городских ремесленников, в данном случае ремесленников Каратага, с окружающим их полуоседлым и кочевым населением Гиссарского края.

В исторических источниках имеются сведения о том, что при завоевании того или другого города, края, области или государства ремесленники почти всегда использовались завоевателями по их специальности. Так поступил с ними Чингизхан при завоевании Средней Азии, отправив ремесленников в свою ставку в Монголии, так поступал и Тимур, вывозивший зодчих в свою столицу Самарканд, бухарский эмир Шамурад, разрушивший Мерв, переселил мервских ткачей в Бухару и Самарканд.

Эти факты свидетельствуют о том, что кочевники знали цену ремеслу и издавна пользовались его продукцией. После замирения



Средней Азии, когда прекратились междоусобные войны, взаимоотношения оседлого и кочевого населения продолжали развиваться уже в более благоприятных условиях свободного обмена продукцией хозяйственной деятельности этих двух групп. Соседствуя друг с другом, кочевники и оседлое население стали постепенно вступать и в более тесные связи не только по линии обмена продуктов хозяйственной деятельности, но и по заимствованию друг у друга трудовых навыков и занятий. Так, на примере хозяйственной деятельности таджиков селения Костакоз мы отмечали, что некоторые баи-таджики Костакоза с успехом занимались отгонным скотоводством, пользуясь при этом услугами пастухов-киргизов Исфанейской и Чапкуллюкской волостей Ходжентского уезда [19, с. 157; 18, с. 92, 95]. Некоторые таджики Каратегина занимались овцеводством, пользуясь опытом овцеводов-киргизов Джиргаталя. В ряде случаев таджики брали в жены киргизок, учитывая их опыт в уходе за скотом. Таким образом, производственные отношения влекли за собой возникновение родственных связей. Заключение таких браков имело место как на севере республики — в Костакозе, так и на юго-востоке — в Каратегине.

Примерно такая же картина наблюдается и в Каратаге — исконном таджикском поселении, окруженном полукочевыми и кочевыми узбеками и племенами тюркского происхождения. Здесь таджики-ремесленники издавна производили продукцию, спрос на которую им предъявляли соседи. Так, ткачи вырабатывали много сортов алачи, которую покупали только узбеки. Ювелиры производили изделия в их вкусе. Сапожники шили специальные виды обуви, которые носили только женщины узбекского рода мусобозори, и т. д.

С другой стороны, эти кочевники или полуоседлые узбеки и тюрки поставляли на каратагский базар скот и кожи, изделия из шерсти: войлоки, паласы, сукна, арканы и др. Таджики Каратага шерсть обрабатывать не умели. Эти сведения взяты из тех материалов, которые были собраны по ремеслам таджиков Каратага.

Нет никакого сомнения, что специальные сборы сведений по вопросу взаимоотношений оседлого таджикского населения Гиссарской долины с окружающими в прошлом кочевыми узбеками и тюрками дадут более обширный материал на эту интересную тему, который подтвердит мнение, что между степными народами и оседлым населением всегда существовали оживленный товарообмен, взаимные культурные связи и родственные взаимоотношения, а отнюдь не тот антагонизм и та вражда, о которых сложилось мнение у некоторых исследователей истории, культуры и быта народов Средней Азии.

## ЛИТЕРАТУРА


Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, М., 1958.

1. А. П. Подати и налоги в Восточной Бухаре.— Турк. ведомости, 1906, № 6.

2. А. П. Административное устройство Гиссарского бекства. — Турк. ведомости, 1908, № 112.

3. Андреев Г .А. В Хиссаре. — Турк. ведомости, 1916, № 68.

4. Андреев М. С. К материалу по среднеазиатской керамике.— Запись экспедиции от Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, работавшей в пределах Таджикистана летом 1925. Ташкент, 1926.

5. Андреев М. С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. — Изв. Турк. отд. РГО, Ташкент, 1924, т. 17.

6. Андреев М. С. Краткий отчет об экспедиции в Таджикистан в 1925 году. — В кн.: По Таджикистану, вып. 1, Ташкент, 1927.

7. Астанакул-бек кушбеги гиссарский — Турк. ведомости, 1906, № 114.

8. Б. Л. Очерки Гиссарского края. — Турк. ведомости, 1910, № 227.

9. Бендерский Н. А. Гиссарское бекство. — Турк. ведомости, 1905, № 42.

10. Борнс А. Путешествие в Бухару. М., 1848.

11. Бронников Н. Поездка в Горную Бухару (путевые наброски). — Турк. ведомости, 1896, № 29.

12. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии в 1863 г. Спб, 1865.

13. Всемирная иллюстрация, 1875, № 333, с. 399.

14. Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства. — Военный сб-к. Спб, 1890, № 11.

15. Гребенкин А. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа. — Мат-лы для стат. Турк. края, вып. 2, Спб, 1873.

16. Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран. — Изв. РГО, 1886, т. 22.

16а. Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

17. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 1956.

18. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер., т. 24. М.-Л., 1954.

19. Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского р-на Тадж. ССР перед Октябрьской революцией. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. 28, Душанбе, 1960.

20. Кирпичников Н. А. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в самаркандской области. Справ. кн. Самарк. обл. на 1897 год. Самарканд, 1897.





21. Коммунист Таджикистана, 1963, 20 августа.

22. Корольков Б. Я. Каратагское землетрясение 8 октября 1907 г. — Изв. Турк. отд. РГО, 1913, т. 9.

23. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Т. 1—3. Спб, 1880.

24. Косяков П. С. Путевые заметки военного топографа Косякова 2-го по Каратегину и Дарвазу в 1882 году. — Изв. РГО, 1884, т. 20.

25. Красильников Ф. К. Погибший город Каратаг и его окрестности. — Земледелие. М., 1908, т. 15, кн. 1.

26. Кушакевич А. Гончарный промысел в Ходжентском уезде. — Турк. ведомости, 1871, № 4.

27. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. — Сб. материалов по Азии, вып. 57, Спб, 1894.

28. Липский В. Н. Горная Бухара. Т. 1—3. Спб, 1902—1905.

29. Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир. — Историч. вестник, 1904, № 10.

30. Маев Н. Маршруты и заметки по южным частям Бухарского ханства. — Изв. РГО, 1878, т. 14.

31. Маев Н. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. — Изв. РГО, 1878, т. 12.

32. Маев Н. Очерки Гиссарского края. — Мат-лы для стат. Турк. края, вып. 5. Спб, 1879.

33. Маев Н. Долины Вахша и Кафирнигана. — Изв. РГО, 1881, т. 17.

34. Маньковская Л. Ю. Исследование архитектурного комплекса Ахмада Яссави в г. Туркестане и вопросы его реставрации. — Автореф. Ташкент, 1963.

35. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. (Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I. Бухара). Изд. Комиссии по районированию Средней Азии. Ташкент, 1926.

36. Махкамова З. С. Узбекские абровые ткани. Ташкент, 1963.

37. Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М., 1953

38. Нарзикулов И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана. — Тр. АН ТаджССР, т. 81, Сталинабад, 1957.

39. Небольсин П. Очерки торговли России со Средней Азией. — Зап. РГО, 1855, кн 10.

40. «Нива», 1907, № 46.

41. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.

42. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия, т. 42, М.; Л., 1959.

42а. Писарчик А. К. Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями. — В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1968, с. 236—242.

42б. Писарчик А. К. Некоторые сведения о народной керамике Самарканда. — В кн.: История и этнография народов Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1981.

43. Писарчик А. К. и Широкова З. А. Музей археологии и этно-

графии им. М. С. Андреева. — Изв. АН ТаджССР, Отд. обществ. наук. Душанбе, 1952, 1961.

44. Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.

45. Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 году. — Изв. РГО, 1980, т. 14.

46. Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 года). — Историч. вестник, 1902, № 4.

47. Соболев Л. Н. Заметки о Гиссарских владениях и среднем течении Сурх-об-дарьи. — Изв. РГО, 1873, т. 9.

48. Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. — Зап. РГО по отд. статистики, Спб, 1874.

48а. Современная керамика народных мастеров Средней Азии. М.: Изд-во Советский художник, 1974.

49. Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. Военно-стат. очерк. Сб. материалов по Азии, вып. 57, Спб, 1894.

50. Стремоухов Н. С. Поездка в Бухару. — Русский вестник, 1875, № 6.

51. Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ташкент, 1962.

52. Сухарева О. А. и Бикджанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. — Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 6, Ташкент, 1955.

53. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Раздел Домашние промыслы и ремесла. Душанбе, 1966, с. 195—290.

53а. Турсунов Н. О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974, с. 195+9 л. ил.

54. Успенская Л. В. Каратагский говор таджикского языка. — Труды Ин-та языка и литературы АН ТаджССР, т. 46, Душанбе, 1956.

55. Хамраев М. Очерки истории Гиссарского бекства конца XIX и начала XX вв. Душанбе, 1959.

56. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. Спб, 1843.

57. Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1909.

58. Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Ч. I, Л., 1932.

59. Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. 2, Waschington, 1908.

## СОДЕРЖАНИЕ

| | Стр. |
|---|---|
| От редактора | 3 |
| Введение | 4 |
| Краткий очерк Каратага | 11 |
| Ткачество | 38 |
| Гончарство | 77 |
| Кузнечное, сапожное и другие ремесла | 101 |
| Заключение | 114 |
| Литература | 118 |